

Евразийский
Банк Развития

Экономика Центральной Азии: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Алматы, Бишкек, Москва — 2022

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭКОНОМИКУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центральная Азия — пять республик в центре евразийского пространства

Центральная Азия — крупный и динамичный регион

- ▶ Существенный прогресс в социально-экономическом развитии
- ▶ Емкий рынок сбыта и растущий пул трудовых ресурсов
- ▶ Повышение уровня жизни
- ▶ Динамичное развитие инфраструктуры и рост мобильности населения
- ▶ Стратегическая роль региона в Евразии: серьезные перспективы роста

Достижения и структурные изменения региона

Прирост за 2000–2021 гг.

	2000	2010	2021
1,4x Население, млн человек	55	62	77
7,5x ВВП, млрд долл.	46	243	347
1,8x Доля в мировом ВВП по ППС, %	0,4	0,6	0,7
17,2x Накопленный объем ПИИ, млрд долл.	12,3	101,6	211,4
6x Внешнеторговый оборот товаров, млрд долл.	27,4	149,4	165,5
3,1x Мобильность населения, пасс.-км на человека	2198	4435	6792 (2019)

↑ с 6,4% до 9,9%

увеличение доли взаимной торговли товарами стран Центральной Азии во внешнеторговом обороте за последние 8 лет

6,2%

среднегодовой темп роста ВВП стран Центральной Азии за последние 20 лет

2x

превышение объема накопленных ПИИ из КНР над ПИИ из РФ

52,8 млрд долл.

оценка совокупных инвестиционных предложений в сфере ВЭК региона в 2021 г.

Вызовы

Отсутствие выхода к морю

- ▶ Избыточные транспортные издержки
- ▶ Сдерживание роста торговли

Ресурсная зависимость и низкий уровень финансового развития

- ▶ Волатильность роста ВВП
- ▶ Сдерживание роста доходов населения

Рассогласованность в водно-энергетической сфере

- ▶ Экономические потери
- ▶ Рост дефицита воды

Изменение климата и ухудшение экологии

- ▶ Повышение температуры
- ▶ Загрязнение биосферы

Точки роста региона

Развитие транзитного транспортного потенциала, формирование Евразийского транспортного каркаса

Привлечение частных инвестиций, диверсификация производства и экспорта, расширение предложения финансовых услуг

Скоординированное развитие водно-энергетического комплекса

«Зеленая» трансформация экономик

Винокуров, Е. (руководитель авторского коллектива), Ахунбаев, А., Бабаджанян, В., Бердигулова, А., Забоев, А., Кузнецов, А., Малахов, А., Перебоев, В., Усманов, Н., Федоров, К., Харитончик, А. (2022) *Экономика Центральной Азии: новый взгляд*. Доклады и рабочие документы 22/3. Алматы, Бишкек, Москва: Евразийский банк развития.

В мире пока не полностью осознаны экономическая роль и перспективы Центральной Азии. Государства региона достигли существенного прогресса в своем развитии в последние 20 лет и имеют серьезные перспективы роста. ВВП региона в среднем ежегодно рос на 6,2% в реальном выражении за последние 20 лет и достиг 347 млрд долл. Население Центральной Азии составляет почти 77 млн человек и продолжает расти на 2% ежегодно. Объем накопленных входящих инвестиций из третьих стран оценивается в 211 млрд долл., а внешнеторговый оборот с 2000 г. вырос в шесть раз. Однако в силу инерции регион пока не воспринимается международным сообществом как значимый игрок на экономической карте мира. Целью доклада является формирование нового взгляда на Центральную Азию как на крупный и динамичный регион. В докладе проанализированы результаты экономического развития государств региона, оценены успехи и существующие вызовы, а также обозначены точки дальнейшего роста. Стратегическая роль Центральной Азии на обширном евразийском пространстве будет возрастать: увеличится значимость региона для ближайших соседей и ключевых экономических партнеров — России и Китая. Страны региона получили исторический шанс воспользоваться преимуществами транзитного положения, а также возможностями выхода на внешние рынки за счет формирующихся международных транспортных коридоров. Существенные возможности связаны с скоординированным развитием водно-энергетического комплекса, включая «зеленую» энергетику. Для раскрытия потенциала региона важно преодоление и других вызовов, таких как отсутствие выхода к морю, ресурсная зависимость, низкий уровень финансового развития, влияние климатических изменений.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Евразийский экономический союз, взаимная торговля, взаимные инвестиции, региональное сотрудничество, экономическое развитие.

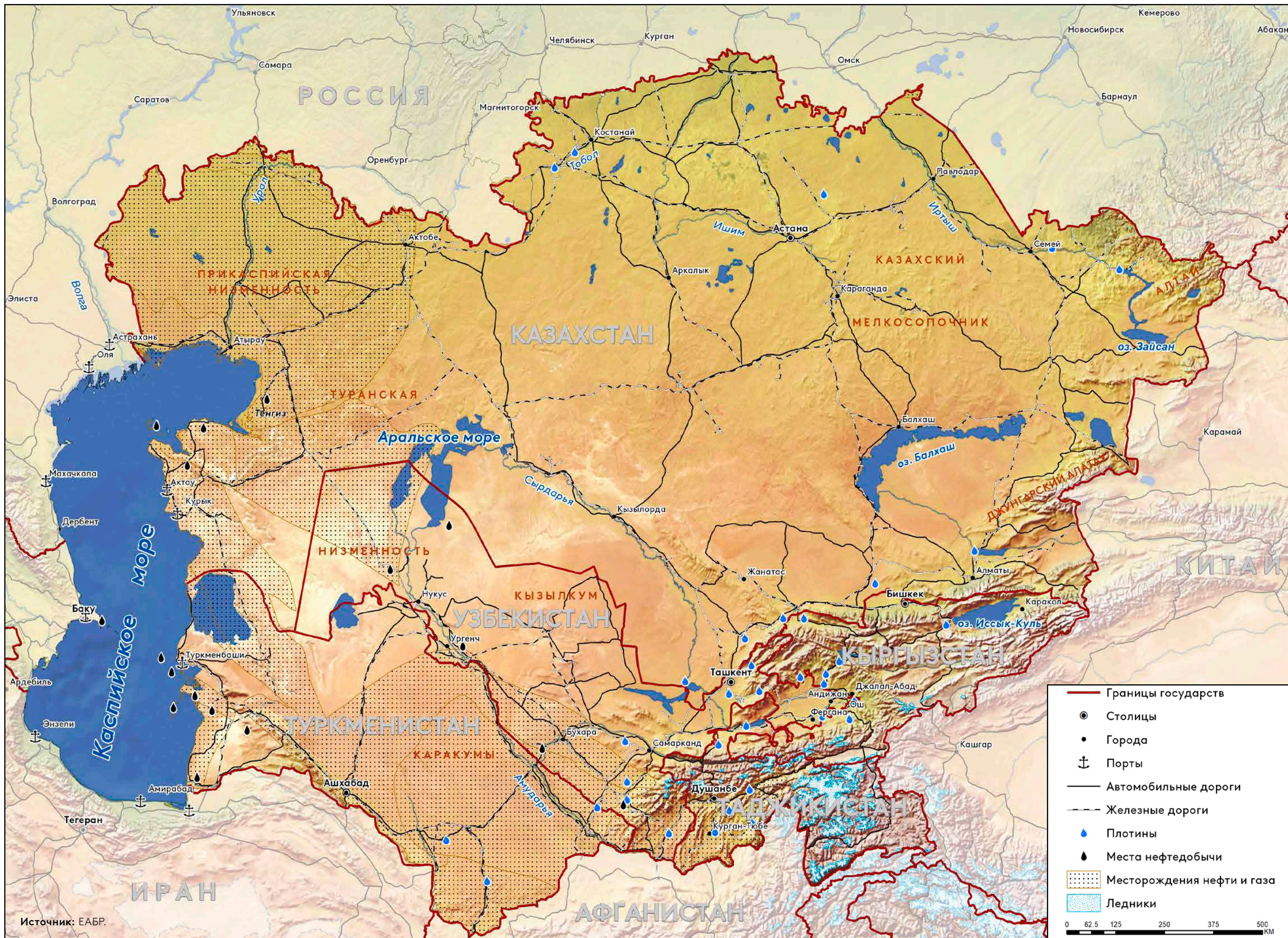
JEL: E60, F13, F15, F21, F43, F50, F64, O13, Q57.

Перепечатка и другие формы копирования текста целиком или по частям, включая крупные фрагменты, а также размещение его на внешних электронных ресурсах разрешены при обязательной ссылке на оригинальный текст.

Электронная версия доклада доступна на сайте Евразийского банка развития:

<https://eabr.org/analytics/special-reports/>

© Евразийский банк развития, 2022

Источник: ЕАБР.

КАРТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗЮМЕ.....	6
1. Введение: почему нужен новый взгляд на экономику Центральной Азии?.....	12
2. Историко-географические предпосылки развития региона.....	14
3. Общая ситуация: Центральная Азия — регион с большим потенциалом развития	17
4. Казахстан: ведущая экономика региона	21
5. Кыргызстан: гидроэнергетический потенциал — резерв роста экономики	26
6. Таджикистан: реализация демографического потенциала в интересах развития	30
7. Туркменистан: конкурентоспособность экономики во многом обусловлена перспективами ее диверсификации	35
8. Узбекистан: проводимые экономические реформы укрепляют основы долгосрочного роста	39
9. Сдерживающие факторы и условия экономического развития	43
10. Торгово-инвестиционные связи: укрепление взаимовыгодного партнерства... 48	
Торговля государств Центральной Азии.....	48
Инвестиции в Центральноазиатском регионе.....	53
Государственные программы поддержки торговли и инвестиций	56
11. Финансовый сектор: потенциал использования внутренних сбережений	60
12. Водно-энергетический комплекс: развитие через сотрудничество	62
Состояние водно-энергетического комплекса и инвестиции	62
Развитие «зеленой» энергетики.....	65
Предложения по интеграционным мерам	67
13. Транспортные связи: основа для диверсификации взаимного и внешнего экспорта	69
Состояние транспортного сектора в регионе.....	69
Приоритеты по развитию транспортно-логистического потенциала	74
Перспективы формирования Евразийского транспортного каркаса.....	77
14. Эколого-климатические изменения: влияние на регион	79
Экологические и климатические риски	79
Приоритеты по реализации международной климатической повестки.....	82
15. Взгляд в будущее: перспективы развития в условиях глобальных трансформаций.....	85
Структурные вызовы и инструменты их преодоления	85
Перспективы развития Центральноазиатского региона	89
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	92
СПИСОК АББРЕВИАТУР	97

РЕЗЮМЕ

В мире пока не полностью осознаны экономическая роль и перспективы Центральной Азии. В значительной степени в силу инерции регион до сих пор не воспринимается международным сообществом как значимый игрок на экономической карте мира. Однако регион меняется, и сегодня его роль нужно оценивать по-новому. Государства Центральной Азии достигли существенного прогресса в своем развитии в последние 20 лет. Доля Центральной Азии в мировом ВВП по ППС с 2000 г. выросла в 1,8 раза (см. рисунок А). Государства состоялись экономически и имеют серьезные перспективы роста. Целью доклада является формирование **нового взгляда на Центральную Азию** как на крупный и динамично развивающийся регион.

Совокупный ВВП Центральной Азии составил 347 млрд долл. в 2021 г. За последние два десятилетия ВВП стран Центральной Азии увеличился более чем в семь раз (см. рисунок Б), а в реальном выражении — в четыре раза. Объем накопленных входящих инвестиций из третьих стран оценивается в 211 млрд долл., а внешнеторговый оборот с 2000 г. вырос в шесть раз. Динамичный экономический рост стал результатом структурных экономических преобразований в 1990-е гг. и благоприятной конъюнктуры на мировых товарных рынках.

Растущее население региона формирует емкий рынок сбыта и растущий пул трудовых ресурсов. Население в 77 млн человек продолжает расти почти на 2% ежегодно. В среднем за последние 20 лет число жителей в регионе увеличивалось на 1,6% в год. С 2000 г. численность населения увеличилась в 1,4 раза. Согласно оценкам ООН, на горизонте до 2040 г. ежегодный демографический прирост в регионе в среднем составит 1,1%. Демография на стороне роста экономик центральноазиатских государств. Существующее распределение возрастных категорий означает увеличение численности трудовых ресурсов в будущем.

↓ Рисунок А. Достижения и структурные изменения региона

Прирост за 2000–2021 гг.	2000	2010	2021
 1,4x Население, млн человек	55	62	77
 7,5x ВВП, млрд долл.	46	243	347
 1,8x Доля в мировом ВВП по ППС, %	0,4	0,6	0,7
 17,2x Накопленный объем ПИИ, млрд долл.	12,3	101,6	211,4
 6x Внешнеторговый оборот товаров, млрд долл.	27,4	149,4	165,5
 3,1x Мобильность населения, пасс.-км на человека	2198	4435	6792 (2019)

Источник: составлено аналитиками ЕАБР на основе данных национальных статистических органов, центральных (национальных) банков, МВФ, АБР, ВБ, Trademap, CEIC.

Среднегодовой темп экономического роста стран Центральной Азии составил 6,2% за последние 20 лет. В то же время развивающиеся страны росли с темпом 5,3%, а мир в целом — в среднем на 2,6% ежегодно (см. рисунок В). Рост экспортных доходов, денежных переводов трудовых мигрантов и объемов прямых иностранных инвестиций способствовал повышению доходов населения и сокращению бедности.

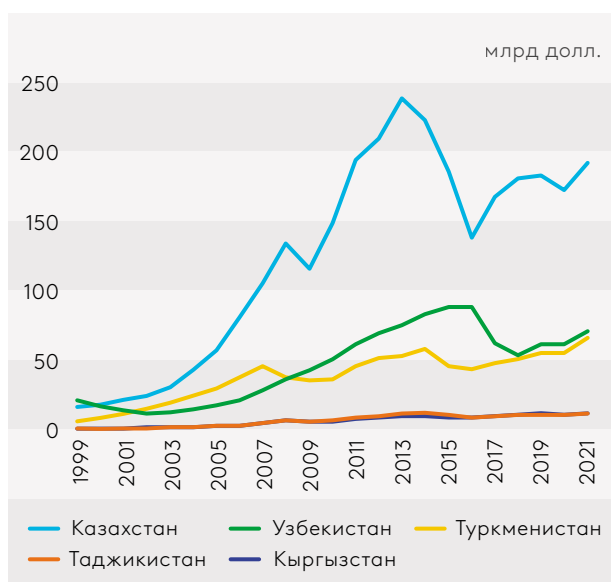
Благодаря динамичному экономическому росту наблюдается **тенденция сближения уровня доходов** в странах Центральной Азии **с уровнями развитых стран**. В Казахстане ВВП по ППС на душу населения отстает от уровня развитых стран в два раза, в Туркменистане — в три раза, в других центральноазиатских странах разрыв с развитыми экономиками больше — от 7 до 14 раз. За 20 лет положение сильно улучшилось. В большинстве стран региона ВВП по ППС на душу населения увеличился в три раза.

Стратегии стран Центральной Азии строятся на **использовании преимуществ глобализации и региональной экономической интеграции**. Выгоды глобализации связаны с международным разделением труда в условиях особого географического положения региона — между Китаем, Россией и Турцией. Немаловажными факторами являются укрепление позиций Китая и вовлечение стран Центральной Азии в реализацию инициативы «Один пояс, один путь».

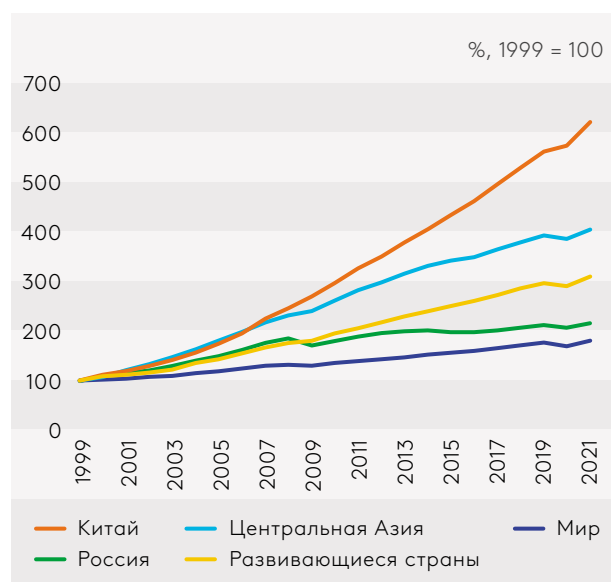
Изоляционистская политика, в том числе в экономической сфере, проводившаяся в некоторых странах региона в последние десятилетия, **исчерпала себя**. Центральноазиатские государства стремятся найти свое место в мировой экономике. Ярким примером является трансформация экономической стратегии Узбекистана. Все большую открытость демонстрирует Туркменистан, активизировавший привлечение иностранных инвестиций и участие в крупных международных и региональных проектах.

Оборот внешней торговли товарами стран Центральной Азии составил 165,5 млрд долл. в 2021 г. и за последние 20 лет вырос в шесть раз. Нахождение центральноазиатских стран на перекрестке транспортных коридоров создает возможности для развития транзитного потенциала как в отношении транспортировки товаров, так и для вовлечения стран региона в трансграничные производственные цепочки. Роль азиатских государств во внешней торговле стран Центральной Азии повышается. Конкуренцию России в торговле уже составляет не только КНР, но и Турция, Индия, Южная Корея. Кроме того, взаимная торговля стран региона развивается опережающими темпами по отношению к внешней торговле.

↓ Рисунок Б. ВВП стран Центральной Азии

↓ Рисунок В. Динамика реального ВВП

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных МВФ.

Объем накопленных входящих инвестиций в регион Центральной Азии из третьих стран оценивается в 211 млрд долл. За последние 20 лет этот показатель вырос более чем в 17 раз. Несмотря на позитивную динамику роста ПИИ в регион, структура

инвестиций, как страновая, так и отраслевая, имеет свои особенности. Продолжительный период закрытости некоторых стран региона, отдаленность от основных экономических центров, отсутствие выхода к морю, близость к Афганистану по-прежнему неблагоприятно влияют на восприятие региона международными инвесторами. Уровень ПИИ относительно ВВП в регионе выше среднемировых значений (в 2021 г. показатель составил 61% против 47%). Однако за вычетом инвестиций в сырьевые сектора общий индикатор региона все же ниже среднемировых значений (Абдымомунова и др., 2018), что указывает на **недоинвестированность** региона.

КНР инвестировала в регион около 40 млрд долл., что примерно вдвое превышает объемы российских прямых инвестиций. Масштабные финансовые поступления из Китая открывают для региона новые возможности, но и создают при этом долгосрочные риски. Устойчивое развитие центральноазиатских государств будет связано со сбалансированным подходом к привлечению внешних финансовых ресурсов — через укрепление и развитие добрососедских отношений между странами региона и реализацию региональных программ международными организациями и банками развития. Для обеспечения устойчивого развития потребуются привлечение ПИИ в несырьевые отрасли и использование потенциала внутренних сбережений.

Вес взаимной торговли стран Центральной Азии в общем товарообороте последовательно увеличивается, составив 9,9% по итогам 2021 г. Узбекистан придал значительный импульс развитию и увеличению объемов внутрирегиональной торговли после 2017 г. Торговля стран Центральной Азии главным образом связана с Казахстаном, формирующим 80,9% в общем объеме взаимной торговли региона. Темпы развития региональной торговли влияют на инвестиционное сотрудничество. Приоритетами экономического сотрудничества стран региона являются инфраструктурное развитие и промышленная кооперация. Внутрирегиональная кооперация поможет укрепить промышленное производство и продовольственную безопасность региона.

↓ Рисунок Г. Сдерживающие факторы и условия экономического развития центральноазиатских государств

Источник: ЕАБР.

Несмотря на достигнутый прогресс, существует **ряд системных проблем, сдерживающих** социально-экономическое развитие центральноазиатских государств

(см. рисунок Г). Период экономического бума, связанный с ростом биржевых цен, не был в полной мере использован странами. Экспорт сырьевых товаров и денежные переводы трудящихся-мигрантов по-прежнему играют большую роль в экономиках региона. Среди других значимых барьеров — качество институциональной среды, неразвитость региональных транспортных сетей, рассогласованность в сфере водно-энергетического комплекса, низкий уровень развития финансового сектора, социальные проблемы, макроэкономические риски, недостаточный уровень гармонизации в региональных торгово-экономических отношениях. Преодоление структурных ограничений развития — вызов для центральноазиатских стран.

Перечисленные факторы могут стать серьезными **рисками для будущего развития** экономик центральноазиатских государств. Без формирования эффективных систем транзитных перевозок страны Центральной Азии, не имеющие выхода к морю, будут отставать от уровня стран, которые имеют такой выход, в среднем на 20% (ООН, 2014) и не смогут быть в полной мере интегрированы в мировой рынок. Необходимы развитие и совершенствование автодорожной и железнодорожной инфраструктуры, гармонизация и упрощение процедур пересечения границ. Другой серьезный риск — нарастание нагрузки на водные ресурсы. Эта мировая проблема особенно опасна для Центральноазиатского региона, так как его страны во многом зависят от сельскохозяйственного производства, а также сильно уязвимы к климатическим рискам, страдая от высыхания водоемов и таяния ледников.

Центральноазиатские страны, действуя согласованно, будут иметь больше возможностей для преодоления структурных проблем развития. Повышение нагрузки на энергетическую систему в условиях активного роста экономической деятельности и связанность стран региона общими бассейнами рек делают безальтернативным их сотрудничество в водно-энергетической сфере. Не менее важны согласованные усилия и для развития транспортной инфраструктуры и борьбы с климатическими рисками.

Расшивка «узких» мест в **развитии инфраструктурных отраслей (транспорт, ВЭК) позволит повысить производительность в экономике**, расширить торгово-экономическое партнерство со странами-соседями, улучшить товарную диверсификацию производства и экспорта. Расширение комплементарности товарной структуры производства укрепит взаимовыгодное сотрудничество центральноазиатских государств и снизит уязвимость к внешним шокам. Совершенствование институциональных условий позволит ускорить структурные преобразования в экономиках стран региона.

Недостаточный уровень сотрудничества в водно-энергетическом комплексе ведет к ежегодному экономическому ущербу. Нереализованные выгоды оцениваются в 0,6% совокупного ВВП региона в сельском хозяйстве и 0,9% ВВП — в энергетическом комплексе. Структура инвестиционного портфеля далека от оптимальной, поскольку не учитывает региональные интересы. Совокупные инвестиционные предложения в ВЭК ЦА оцениваются в 52,8 млрд долл. с преобладанием инвестиций в сегменте генерации. Вместе с тем инфраструктура водного хозяйства достигла предельного срока эксплуатации, требует обновления и модернизации. Страны Центральной Азии обладают богатыми запасами энергии и высоким потенциалом для использования ВИЭ. Реализация энергетических проектов, в том числе в области «зеленой» энергетики, позволит улучшить энергобаланс и в перспективе перейти к экспорту электроэнергии.

В Центральной Азии происходит **динамичное развитие транспортной инфраструктуры и рост мобильности населения.** Налицо огромные успехи — растет протяженность железных и автомобильных дорог с твердым покрытием, построены новые морские порты на Каспии, аэропорты, транспортно-логистические центры и пункты пересечения границ. В последние годы стремительно увеличивается объем контейнерного транзита — как по традиционному маршруту Китай — Казахстан — Россия — ЕС, так и по Транскаспийскому

международному транспортному маршруту. Новые железнодорожные маршруты и контейнерные сервисы позволят лучше интегрироваться в глобальные цепочки поставок. В области безопасности дорожного движения достигнут существенный прогресс. За период 2000–2019 гг., до пандемии, транспортная мобильность населения выросла более чем в три раза.

Евразийский транспортный каркас должен стать решением, благодаря которому центральноазиатские государства, не имеющие выхода к морю, будут связаны друг с другом и с внешними торговыми партнерами. Каркас уже сформирован, и сейчас идет развитие его отдельных элементов. Он станет сетью маршрутов, которая обеспечит сопряжение различных международных транспортных коридоров, проходящих через Центральную Азию, и позволит организовывать новые контейнерные сервисы и логистические цепочки. Это даст возможность выстроить устойчивые и безопасные транспортно-экономические связи, снизить транспортные издержки экономик Центральной Азии.

Регион входит в число самых уязвимых перед изменением климата. К климатическим вызовам особенно чувствительны сферы обеспечения продовольствием, водных ресурсов, энергетики, изменение климата ставит страны региона перед проблемой сохранения биоразнообразия. Экологические проблемы ухудшают условия жизни, сдерживают развитие экономики, в первую очередь сельского хозяйства, снижают инвестиционную и туристическую привлекательность региона. **«Зеленая» трансформация экономик региона является необходимой.** Регион нуждается в инвестициях в низкоуглеродные технологии и «зеленые» проекты, включая ВИЭ, энерго- и ресурсосберегающие технологии, модернизацию водно-энергетического комплекса, мелиорационные проекты, борьбу с опустыниванием и восстановление лесов.

Возможности стран региона получают особую значимость в новых геополитических условиях. Следование политике открытости, взаимовыгодное сотрудничество и согласованность усилий позволяют государствам Центральной Азии добиться качественного прорыва в развитии. Снижение уязвимости к внешним факторам возможно через укрепление внутренних источников роста. Странам региона необходимо преодолеть четыре ключевых структурных вызова — это отсутствие выхода к морю, ресурсная зависимость и низкий уровень развития финансового сектора, рассогласованность в водно-энергетической сфере, климатические изменения (см. рисунок Д). Решение этих проблем позволит наиболее полно раскрыть экономический потенциал региона. Не менее важно использовать открывающиеся возможности глобальной экономики, привлекать и адаптировать глобальные технологии, в частности цифровые и «зеленые».

Структурные вызовы главным образом связаны с инфраструктурным развитием. Инфраструктурные проекты — высоко капиталоемкие. Страны нуждаются в модернизации действующей и создании новой инфраструктуры, и в этих условиях интеграционный путь развития — оптимальное решение. Географическая близость располагает к инфраструктурной интеграции. Например, в Западной Африке наличие общей электросети позволяет небольшим странам извлекать выгоду из эффекта масштаба и преимуществ крупных электросетей, снижающих риски (Devarajan, 2017). Всемирный банк оценивает экономические выгоды регионального рынка электроэнергии в Западной Африке в 5–8 млрд долл. в год за счет снижения производственных расходов (World Bank, 2018).

Согласованное развитие инфраструктуры позволяет увеличивать эффекты и экономить на расходах. По оценкам Всемирного банка на основе показателей инфраструктурного развития стран Африки, инвестиции в дороги оказывают значимое влияние на отраслевые изменения, приводя к переходу работников из сельского хозяйства (низкопроизводительной отрасли) в обрабатывающую промышленность и сферу услуг. В случае одновременного инвестирования в дороги и электроэнергию эффекты возрастают в 2,5 раза (Herrera Dappe, Lebrand, 2021).

Предпочтительным форматом развития экономической интеграции центральноазиатских государств выступает ЕАЭС. Участие в ЕАЭС обеспечит странам единую регуляторную среду, доступ к обширному общему рынку труда, капитала, товаров и услуг, устранение препятствий во взаимной торговле и развитие промышленной кооперации.

Стратегическая роль Центральной Азии на экономической карте мира будет возрастать, особенно для России и Китая. Центральная Азия перестает быть периферией по сравнению с крупными экономическими игроками на обширном евразийском пространстве. Трансформация региона во многом зависит от внутренних усилий, частных инвестиций, а также от реализации крупных многосторонних программ. Регион может стать финансово устойчивым и динамично развивающимся на пространстве Большой Евразии — с эффективными региональными механизмами сотрудничества, с активным участием в производственно-сбытовых цепочках национальных бизнесов, производящих конкурентоспособные товары и услуги для внутренних и внешних потребителей. Становление Центральной Азии как процветающего региона поможет решить другие чувствительные геополитические вопросы в этой части континента, в частности вовлечение Афганистана в хозяйственные отношения с соседними странами.

↓ Рисунок Д. Структурные вызовы и инструменты их преодоления

Источник: ЕАБР.

1. ВВЕДЕНИЕ: ПОЧЕМУ НУЖЕН НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭКОНОМИКУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ?

Пять государств Центральной Азии — Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Туркменистан и Республика Узбекистан — занимают территорию размером более 4 млн км² в самом сердце огромного Евразийского континента. Более 30 лет назад эти страны стали суверенными государствами. За это время они прошли долгий и весьма непростой путь по встраиванию в систему мирохозяйственных связей, налаживанию сотрудничества внутри региона и с соседними странами, в том числе такими крупными экономиками, как Китай и Россия (Винокуров, 2021).

Несмотря на то что ни одна из центральноазиатских стран не имеет выхода к Мировому океану, а Республика Узбекистан является даже «дважды удаленной» от него, геостратегическое положение региона на перекрестке торговых путей между Азией, Ближним Востоком и Европой имеет и свои преимущества. Подобно тому, как на протяжении последних трех тысячелетий Великий Шелковый путь (ВШП) соединял все пять великих экономических центров Большой Евразии — Китай, Индию, Персию, Ближний Восток и Европу, современные транспортные маршруты не только играют транзитную роль, но и позволяют развиваться промышленности, сектору услуг и торговле во всех странах региона. Последовательные усилия стран региона и мирового сообщества по формированию Евразийского транспортного каркаса направлены на решение проблем, связанных с отсутствием выхода к морю.

Огромен потенциал региона в водно-энергетической сфере. Здесь не только расположены богатейшие нефтегазовые месторождения, но и имеется огромный и пока не в полной мере реализуемый потенциал возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Речь, в частности, идет о гидроэлектроэнергетике (более 17% общей площади региона занимают горы) и о солнечных электростанциях (на две пустыни — Каракумы и Кызылкум приходится свыше 16% общей площади региона). Модернизация ирригационной и мелиоративной систем в совокупности с расширением регионального сотрудничества в водно-энергетической сфере позволит найти выход из проблемы дефицита воды, вызванной ростом населения и экономической активности в последние десятилетия. Нужно осознавать, что развитие водно-энергетического комплекса — это не просто точка роста, это необходимое условие экономической и политической стабильности в принципе.

Каждое государство уникально по своей культуре, экономике, месту в системе регионального и мирового разделения труда. Но вместе они дополняют друг друга. Региональное сотрудничество позволит им раскрыть имеющиеся возможности, создав для всех участников условия в игре с положительной суммой.

На протяжении последних двух десятилетий Центральная Азия оставалась предметом пристального внимания академических экономистов и политологов, международных правительственных и неправительственных организаций, банков и агентств развития. Был проведен детальный анализ вызовов и возможностей стран региона, определены задачи по развитию экономики, торговли и сотрудничества в различных сферах. Большинство исследователей традиционно рассматривают регион как группу стран с переходной экономикой, которые нуждаются в содействии со стороны международного сообщества в области социально-экономического развития и институционального строительства. Вместе с тем «фазовый переход» в социально-экономическом развитии

региона уже произошел — страны Центральной Азии выходят из тени своих крупных соседей и становятся самостоятельными игроками на региональной и мировой аренах, к мнению которых уже нельзя не прислушиваться.

Именно поэтому и нужен новый взгляд на Центральную Азию. Роль и значение государств региона меняются на фоне происходящих в начале третьего десятилетия XXI века серьезных геоэкономических и геополитических сдвигов на двух континентах — в Европе и в Азии. Влияние этих сдвигов на регион потенциально огромно, но конечный результат их пока не предопределен.

Новый взгляд на регион основан на отказе от применявшегося ранее подхода, когда предлагалось исследовать отдельно страны региона или связанные с ними экономические сектора: энергетику, транспорт, рынок труда и т.д. Изучение и развитие Центральноазиатского региона должно носить комплексный и взаимосвязанный характер, и одним из главных инструментов здесь станет расширение экономического сотрудничества и взаимодействия всех пяти стран.

Проведенный в настоящем докладе комплексный анализ позволит шире взглянуть и на потенциал региона — в том числе на его возможности по диверсификации экономики, созданию качественной инфраструктуры и новых секторов услуг, сотрудничеству в области «зеленой» энергетики и рационального использования водных ресурсов, реализации транспортно-логистического и транзитного потенциала, вкладу в достижение Целей устойчивого развития и борьбу с изменением климата, превращению Центральной Азии в туристический регион.

Доклад состоит из пятнадцати глав, которые содержат описание особенностей региона и анализ потенциала его социально-экономического развития. Во [второй](#) главе изложены историко-географические предпосылки развития региона. В [третьей](#) главе представлена общая макроэкономическая ситуация в Центральноазиатском регионе. В главах с [четвертой](#) по [восьмую](#) проведен макроэкономический анализ по каждому из пяти государств Центральной Азии. В [девятой](#) главе дана оценка факторов и рисков, сдерживающих устойчивый экономический рост. [Десятая](#) глава посвящена оценке торгово-инвестиционного сотрудничества и роли государственных программ в поддержке торговли и инвестиций. В [одиннадцатой](#) главе проанализирован уровень развития финансового сектора в регионе. В [двенадцатой](#) главе рассмотрены перспективы взаимодействия стран региона в водно-энергетическом комплексе и дана оценка перспектив развития «зеленой» энергетики. [Тринадцатая](#) глава посвящена проблемам транспортной связанности региона. В [четырнадцатой](#) главе рассмотрены ключевые вопросы реализации в странах Центральной Азии международной климатической повестки и борьбы с экологическими проблемами. [Пятнадцатая](#) глава — попытка заглянуть в будущее и оценить перспективы развития Центральноазиатского региона в условиях глобальных трансформаций.

2. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Центральная Азия на протяжении многих веков играла значительную роль в формировании экономического, исторического, культурного и интеллектуального облика современного мира.

Располагаясь в центре евразийского пространства, регион сочетает высокогорный и степной ландшафты, барханные пустыни и соленые полупустыни, что предопределяет жаркий и сухой климат летом, морозный и ветреный — зимой, а также особую зависимость от пресной воды. Речные системы не обеспечивают водного сообщения с важнейшими центрами торговли — регион изолирован от океана и морских коммуникаций. Эти условия способствовали концентрации хозяйственной деятельности вблизи оазисов, межгорных долин и предгорий, в то время как на обширных просторах степей и пустынь селились кочевники-скотоводы сначала иранского, а впоследствии тюркского происхождения.

Документированная история Центральной Азии насчитывает 3000 лет — первые городские поселения возникли во втором тысячелетии до нашей эры, однако прошлое региона уходит еще на несколько тысячелетий вглубь. Здесь процветали древние государства и такие великие культурно-исторические области, как Маргиана, Бактрия, Согдиана, Фергана, Хорезм. Тысячу лет назад уровень развития региона и экономическая и культурная деятельность были настолько масштабными, что этот период по праву называют «Золотым веком Центральной Азии» (Nag, Linn, Kohli, 2016).

Интенсивный подход к производству и сельскому хозяйству в Центральной Азии был всеобъемлющим и базировался на ирригации. Почти все крупные города были расположены возле изолированных оазисов, отделенных от соседних городов пустынями или степями. Для перемещения воды из одного места в другое были созданы подземные и поверхностные каналы, плотины и водохранилища. По оценкам одного из наиболее известных современных исследователей Центральной Азии Фредерика Старра, ни одна другая цивилизация не превзошла жителей Центральной Азии в эффективности и сложности ирригационных систем (Starr, 2013). Строительство и эксплуатация массивных ирригационных систем — таких, какие, например, были созданы в городе Мерв (на территории современного Туркменистана) — требовали значительных человеческих ресурсов.

Центральная Азия находится на перекрестке кратчайших путей между всеми четырьмя великими экономическими и культурными зонами и крупнейшими на тот момент рынками Евразии: Ближним Востоком, Европой, Индией и Китаем. И благодаря своему расположению Центральная Азия на протяжении трех тысячелетий была единственным регионом, через который шли торговые караваны.

В XIX веке эти торговые маршруты получили название Шелкового пути, который впоследствии стал также называться Великим. Он соединял не только Китай и Европу, но и Индию с Ближним Востоком. Почти тысячу лет назад вдоль маршрутов ВШП уже процветали ремесла, применялись передовые для того времени технологии, такие как ткачество и производство бумаги.

Караван мог насчитывать до тысячи верблюдов и перевозил такое же количество товаров, как и современный грузовой поезд. Организовывали торговлю преимущественно жители Центральной Азии. Китайские купцы доставляли товары только до границы в Синьцзяне, а дальнейшей перевозкой занимались уже местные жители. Индийские купцы были более предприимчивыми и поддерживали сеть торговых домов по всему региону. Но жители Центральной Азии все равно занимали лидирующие позиции, открывая собственные торговые дома по всему Китаю, в Индии и на Ближнем Востоке.

Создание делового климата, благоприятного для торговых отношений в масштабах континента, было одной из главных целей бизнеса вдоль основных маршрутов ВШП. Для этого требовалось строительство и обслуживание огромных караван-сараев — центров торговли в городах. Это же способствовало развитию производств и ремесел вдоль ВШП и дальнейшему росту благосостояния региона. Предметы роскоши, ножи и мечи изготавливались искусными мастерами. Другие товары, например валяное сукно и набивной ситец, шелк и другие ткани, производились крупными предприятиями, работающими практически в промышленных масштабах. Самаркандская бумага считалась очень качественной и пользовалась повышенным спросом в Европе и на Ближнем Востоке.

По сути, регион уже когда-то был «...определяющей силой в формировании экономического, культурного и интеллектуального облика современного мира». Но регион никогда бы не достиг таких вершин, если бы не наука и культура, развитию которых способствовали эти оазисы. Именно в этой сфере древняя и средневековая Центральная Азия достигла своей наивысшей славы и с VI по XII век считалась наиболее интеллектуально развитой и творческой цивилизацией на Земле, особенно в таких областях, как медицина, математика и астрономия (Nag et al., 2016).

Однако этот уникальный регион, прошедший ряд трансформаций в составе Арабского халифата и затем империи Чингисхана, пережил длительный экономический и культурный кризис на фоне ряда междоусобных войн и ослабления роли Великого Шелкового пути. Несколько причин привело к упадку ВШП, и одна из них — открытие морской торговли между Китаем, Индией и Европой.

Определенный импульс своему развитию регион получил в составе Российской империи и СССР. В то время окончательно сформировался облик нынешних государств Центральной Азии, вновь обретших суверенитет после распада Советского Союза в 1991 г.

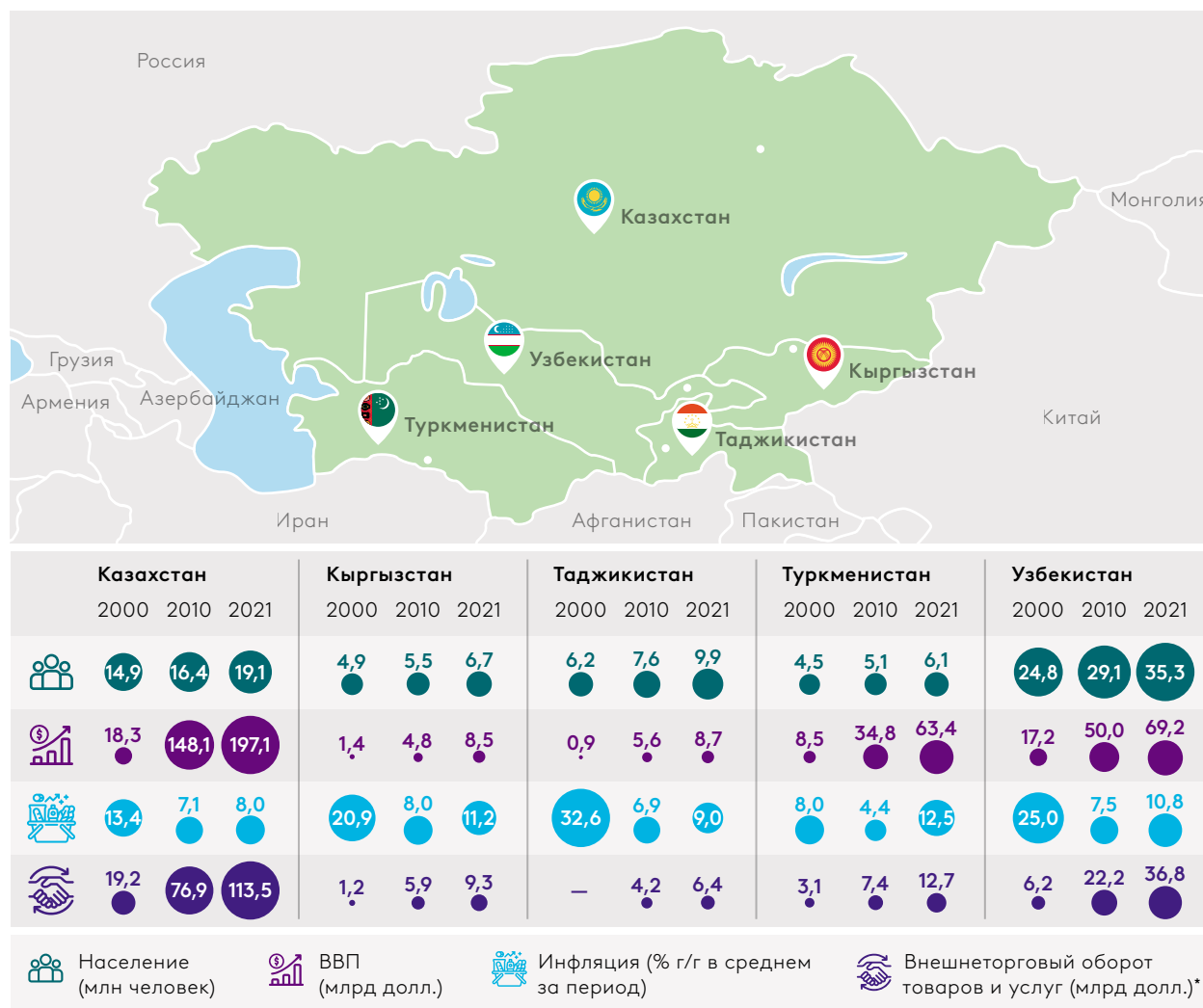
В постсоветский период развития новых независимых государств Центральной Азии произошли (и происходят до сих пор) поистине тектонические изменения структуры национальных экономик, причиной которых стал широкий спектр внутренних и внешних политических, историко-географических, демографических, природно-климатических и социокультурных факторов. В результате распада единого народнохозяйственного комплекса СССР страны Центральной Азии стали обладателями развитой инфраструктуры и системы институтов государственного управления, множества освоенных или разведанных в советский период месторождений природных ресурсов — черных, цветных и редкоземельных металлов, природного газа, нефти и угля, а также потенциальных гидроэнергетических ресурсов орошаемых земель. Эти ресурсы позволили пяти государствам Центральной Азии выдержать сложный период турбулентности 1990-х гг. и начать переход к рыночной экономике.

Центральная Азия и сегодня находится в эпицентре взаимодействия и столкновения интересов лидеров мирового экономико-политического влияния, и пять молодых республик имеют дело как с уникальными геоэкономическими возможностями, так и с серьезными общеизвестными геополитическими вызовами. С одной стороны, республики могут

извлечь выгоду из партнерства с Китаем, Россией, Индией, Ираном и Турцией, а также от участия в отдельных партнерских двусторонних и многосторонних программах для Центральноазиатского региона. Такие программы предлагаются, в частности, США, Японией, странами Европы и АТР. С другой стороны, конкуренция за влияние в регионе и периодические периоды конфронтации между внутри- и внерегиональными соседями не могут не отражаться на социально-экономической обстановке в центральноазиатских государствах. Тем не менее странам региона удастся сохранять баланс, выстраивая и поддерживая взаимовыгодные торгово-экономические отношения с ключевыми внешними партнерами.

3. ОБЩАЯ СИТУАЦИЯ: ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ — РЕГИОН С БОЛЬШИМ ПОТЕНЦИАЛОМ РАЗВИТИЯ

↓ Рисунок 1. Основные макроэкономические показатели региона Центральной Азии

Примечание: * — для Туркменистана применяются данные внешнеторгового оборота товаров.

Источник: составлено аналитиками ЕАБР на основе данных национальных статистических органов, центральных (национальных) банков, МВФ, АБР, ВБ, Trademap, CEIC.

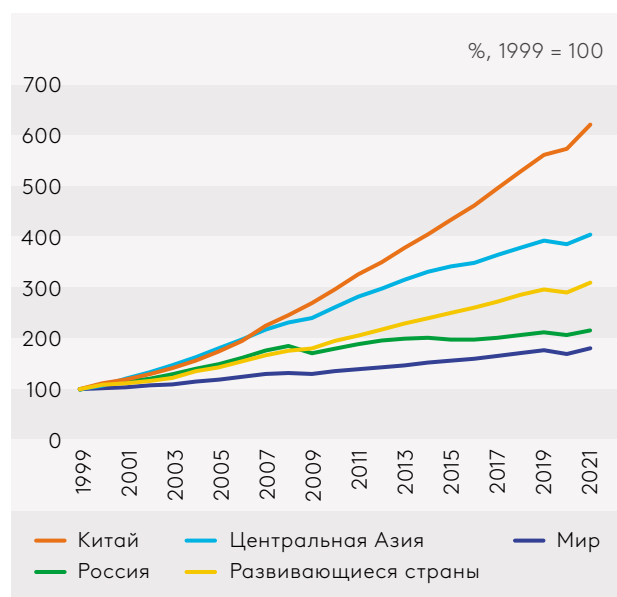
Центральная Азия — регион с высоким потенциалом развития, имеющий совокупный ВВП около 347 млрд долл. и население 77 млн человек (см. рисунок 1). За последние два десятилетия совокупный ВВП стран Центральной Азии увеличился в четыре раза в реальном выражении. Численность населения с 2000 г. увеличилась в 1,4 раза, а в последние годы росла почти на 2% ежегодно. Согласно оценкам ООН, на горизонте до 2040 г. ежегодный демографический прирост в регионе в среднем составит 1,1%. Демография на стороне роста экономик центральноазиатских государств. На 20-летнем горизонте демографическая ситуация благоволит Центральной Азии — существующее

распределение возрастных категорий означает увеличение численности трудовых ресурсов в будущем.

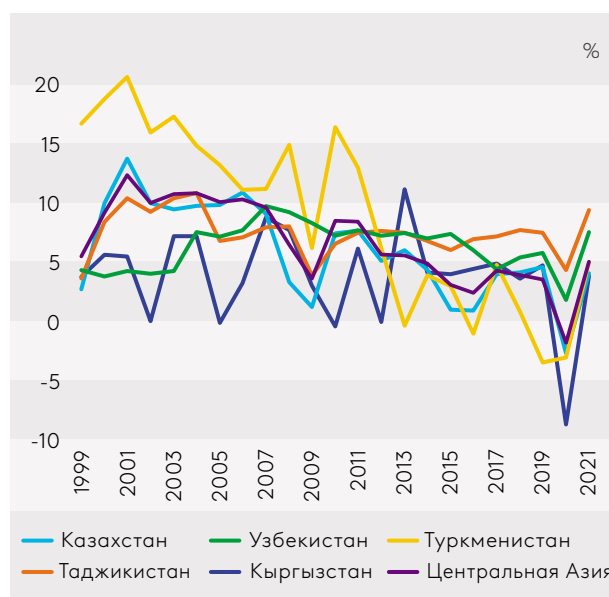
Регион богат природными ресурсами и обладает нереализованным потенциалом по многим направлениям. При этом среди всех макрорегионов Евразии ЦА в наибольшей степени изолирована от основных центров мировой экономической активности: Северной Америки, Западной Европы, Восточной и Юго-Восточной Азии. Страны региона не имеют выхода к морю. Это существенно увеличивает для них стоимость доступа к мировым рынкам. Транспортная и энергетическая инфраструктура, унаследованная центральноазиатскими странами из советского прошлого, делает их во многом зависящими друг от друга, что свидетельствует о необходимости развития регионального сотрудничества, в частности в сферах энергетики и водопользования.

В начале 2000-х страны Центральной Азии росли быстрее развивающихся стран и стран с формирующимися рынками, однако после 2010 г. темпы экономического роста замедлились (см. рисунок 2). За последние десять лет — с 2012 по 2021 г. — среднегодовой рост ВВП Центральной Азии оценивается около 3,6%, в то время как в первом десятилетии XXI века этот показатель превышал 9% (см. рисунок 3). Замедление роста отчасти можно объяснить ослаблением динамики экономики России как одного из основных партнеров развития. Вместе с тем ключевыми факторами являются завершение восстановительного периода, последовавшего за трансформационным спадом 1990-х, и естественные ограничения экономического роста при незавершенности рыночных реформ и недостаточной инклюзивности политических и экономических институтов.

↓ Рисунок 2. Динамика реального ВВП

↓ Рисунок 3. Темпы роста ВВП

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных МВФ.

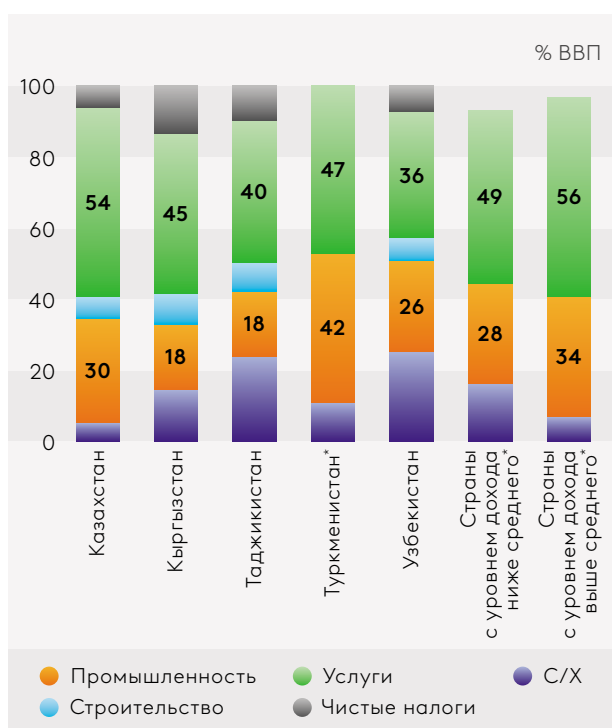
В странах Центральной Азии сохраняется разнородная структура экономик (см. рисунок 4). Структура ВВП Казахстана типична для государств с уровнем дохода выше среднего: в экономике преобладают сфера услуг и промышленность, а сельское хозяйство составляет незначительную долю. В Туркменистане доминирует промышленность, что связано со специализацией страны на добыче полезных ископаемых. В Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане структура экономик типична для стран с уровнем дохода ниже среднего, где большую значимость имеет сельское хозяйство.

Уровень благосостояния населения повышается. К 1999 г. все страны региона, кроме Казахстана, опустились в категорию беднейших стран по классификации Всемирного

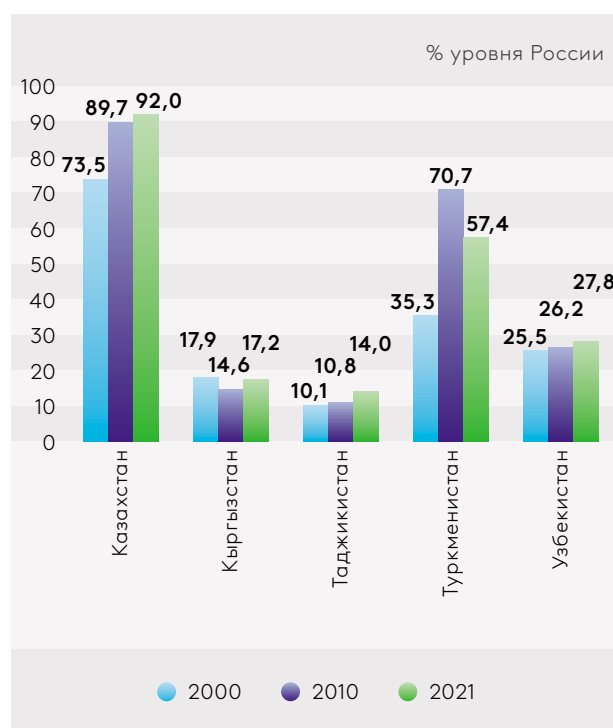
банка. В результате структурной перестройки экономик благосостояние населения стран Центральной Азии начало улучшаться. Казахстан с 2006 г., а Туркменистан с 2011 г. уверенно закрепились в группе государств с уровнем дохода выше среднего. С 2009 г. Узбекистан перешел в группу стран с доходами ниже среднего, Кыргызстан к этой группе присоединился в 2013 г., а Таджикистан — в 2014 г.

Уровень доходов на душу населения по-прежнему остается ниже российского. Так, ВВП Казахстана на душу населения по ППС к 2011 г. достиг 90% от российского (73,5% в 2000 г.), после чего конвергенция замедлилась и по итогам 2021 г. соотношение составляло 92% (см. рисунок 5). Для Туркменистана в последние десять лет характерна дивергенция: ВВП на душу населения по ППС снизился на 13 п.п. — до 57,4% относительно российского уровня в 2021 г. Уровни доходов в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане добавили около 3 п.п. с 2012 г. и составили соответственно около 28%, 17% и 14% от российского уровня.

↓ Рисунок 4. Структура ВВП в 2021 г.

↓ Рисунок 5. ВВП на душу населения по ППС

Примечание: * — для Туркменистана, стран с уровнем дохода ниже среднего/выше среднего в составе промышленности учитывается строительство.

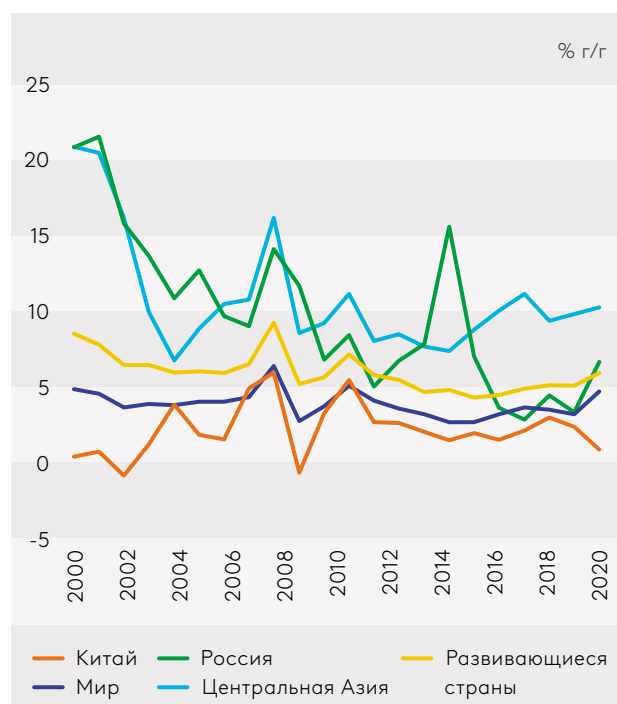
Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных национальных ведомств стран Центральной Азии, Всемирного банка.

Основная задача экономической политики стран ЦА состоит в том, чтобы перейти от стратегии роста, основанной на экспорте сырьевых товаров и трудовых ресурсов, к структурному реформированию экономики с целью устойчивого развития. Страны Центральной Азии предпринимают шаги в данном направлении. В частности, Казахстан нацелен войти в тридцатку самых развитых стран мира к 2050 г. Узбекистан с 2017 г. проводит широкомасштабные реформы, направленные на развитие обрабатывающей промышленности.

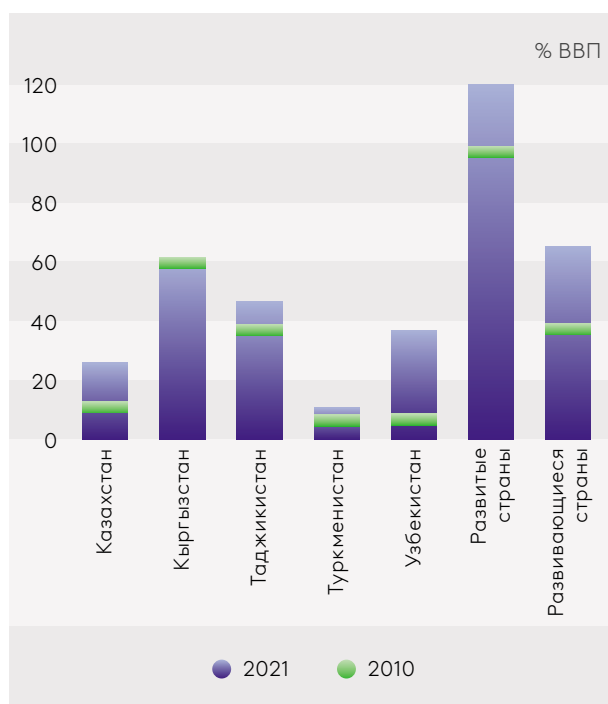
Национальные банки стран ЦА повысили как независимость в формировании денежно-кредитной политики, так и уровень технической экспертизы. Инфляция снизилась с высоких значений, наблюдавшихся в начале 2000-х, и в последние пять лет в среднем по региону составляет около 10% (см. рисунок 6). Замедление роста цен способствовало уменьшению уровня неопределенности и повышению эффективности функционирования

финансовых организаций. Тем не менее многие страны ЦА все еще в состоянии перехода к полноценной политике инфляционного таргетирования, а инфляция, несмотря на нисходящий тренд, остается выше средних темпов по развивающимся странам.

↓ Рисунок 6. Динамика инфляции

↓ Рисунок 7. Государственный долг

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных МВФ.

Уровень фискальной нагрузки в странах Центральной Азии различается, при этом в большинстве стран региона долговая нагрузка невысокая (см. рисунок 7). Перераспределение финансовых ресурсов через государственный бюджет наиболее значительно в Кыргызстане: фискальные доходы и расходы государства составляли примерно треть ВВП в среднем последние пять лет — с 2017 по 2021 г., что выше, чем в развивающихся странах. Для Таджикистана и Узбекистана характерен умеренный уровень фискальной нагрузки и перераспределения национального дохода через бюджет; их параметры соответствуют характерным для развивающихся стран. В Казахстане и еще более ярко выражено в Туркменистане размер государственного бюджета значительно меньше, чем в других центральноазиатских государствах и развивающихся странах в целом. Такое положение дел, в особенности в случае Туркменистана, может быть связано в том числе с использованием для выполнения функций государства квазيبюджетных фондов, формируемых за счет перераспределения рентных доходов. Государственный долг в большинстве стран региона сравнительно низкий, за исключением Кыргызстана и Таджикистана.

4. КАЗАХСТАН: ВЕДУЩАЯ ЭКОНОМИКА РЕГИОНА

↓ Таблица 1. Основные макроэкономические показатели Казахстана

Показатель	2000	2010	2019	2020	2021
Население, млн чел. (на конец периода)	14,9	16,4	18,6	18,9	19,1
Уровень безработицы, % рабочей силы	12,8	5,8	4,8	4,9	4,9
ВВП, млрд долл.	18,3	148,1	181,7	169,8	197,1
ВВП, прирост в % г/г	9,8	7,3	4,5	-2,5	4,3
Инфляция, % г/г (в среднем за период)	13,4	7,1	5,2	6,8	8,0
Основная ставка, % (на конец периода)	14,0	7,0	9,25	9,0	9,75
Курс тенге к доллару США (на конец периода)	144,5	147,4	381,2	420,5	431,7
Сальдо государственного бюджета, + = профицит, % ВВП (оценки МВФ)	1,9*	1,5	-0,6	-0,7	-4,1
Государственный долг, % ВВП (оценки МВФ)	17,6*	10,7	19,9	26,4	25,9
Внешнеторговый оборот товаров и услуг, млрд долл.	19,2	76,9	117,4	97,5	113,5
Консолидированные международные резервы**, млрд долл. (на конец периода)	2,1	59,3	90,7	94,4	89,7

Примечание: г/г — темп прироста период к соответствующему периоду предыдущего года, * — 2002 г., ** — консолидированные международные резервы включают в себя валовые международные резервы НБ РК и активы Национального фонда РК.

Источник: составлено аналитиками ЕАБР на основе данных Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам РК, Национального банка РК, Министерства финансов РК, CEIC, МВФ.

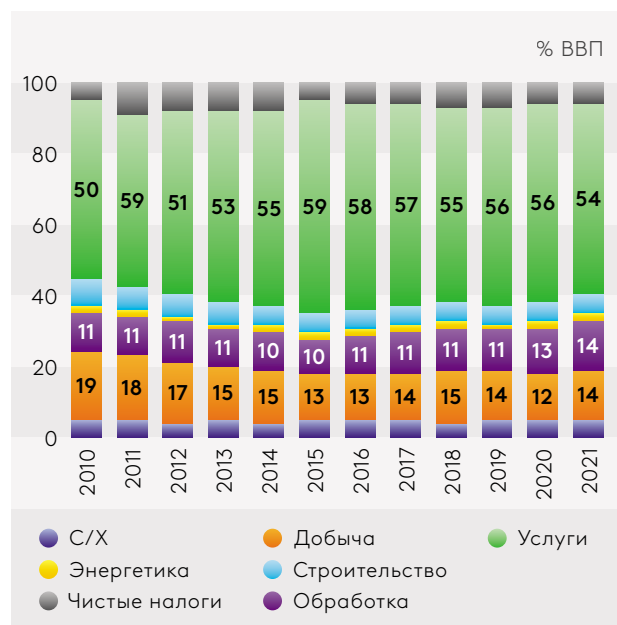
Казахстан является ведущей экономикой Центральной Азии. Номинальный объем ВВП в 2021 г. составил 197,1 млрд долл. (см. таблицу 1) и в 1,3 раза превысил совокупный объем четырех других стран региона. ВВП Казахстана на душу населения по ППС по итогам 2021 г. превысил показатели других стран Центральной Азии в два-семь раз. Подушевой доход Казахстана сопоставим по уровню с российским — он на 8% ниже ВВП на душу населения России по итогам 2021 г.

Казахстан обладает значительными запасами природных ископаемых, прежде всего углеводородного сырья и металлов. Страна находится на 12-м месте в мире по размерам доказанных запасов нефти и на 16-м — по запасам природного газа (30 млрд баррелей нефти и 2,3 трлн м³ газа, согласно ВР), является одним из крупнейших производителей угля, железной руды, бокситов, кадмия, меди, цинка, галлия, хрома и занимает первое место по добыче урана (41% от мирового производства по итогам 2020 г.). Казахстан входит в десятку крупнейших экспортеров пшеницы. В 2020 г. он занял 8-е место, поставив на мировой рынок 6,2 млн тонн пшеницы.

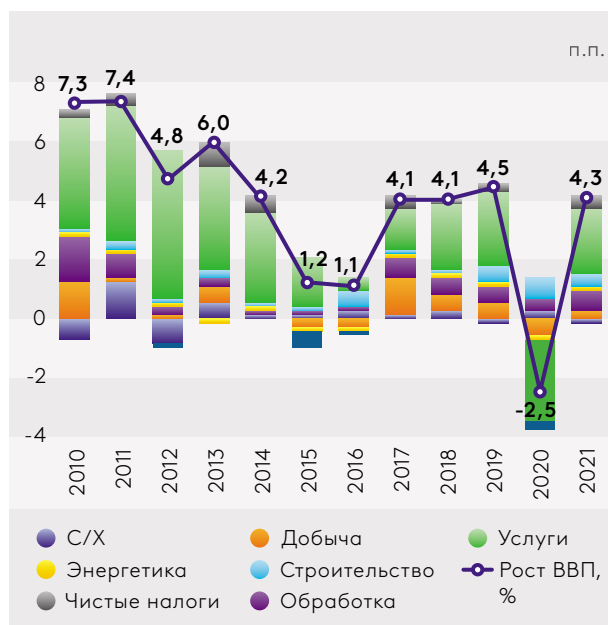
Географически Казахстан расположен в центре Евразии и является самой крупной страной в мире, которая не имеет выхода к Мировому океану. Казахстан находится на удаленном расстоянии от основных центров экономической активности на Евразийском континенте, в том числе в России и Китае, с которыми Казахстан имеет общие границы. Как результат, международная торговля страны сопряжена с относительно высокими транспортными издержками. При этом через территорию Казахстана проходят маршруты, соединяющие Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион, — как существующие, так и планируемые в рамках продвигаемой Китаем инициативы «Один пояс, один путь». Таким образом, географическое положение Казахстана, с одной стороны, создает препятствия для экономического роста и расширения торговли, с другой — обеспечивает ряд потенциальных преимуществ.

Ключевыми секторами экономики Казахстана являются услуги, горнодобывающая и обрабатывающая промышленность. Эти сектора сформировали 54%, 14% и 14% ВВП соответственно в 2021 г. (см. рисунок 8). Среди отраслей сферы услуг лидером является оптовая и розничная торговля (16,8% ВВП). Основу промышленности формируют добыча нефти (35% от общего объема промышленного выпуска) и металлургическое производство (20,7%). Доля обрабатывающей промышленности растет с 2019 г., в том числе за счет расширения производства металлов и выпуска машиностроительной продукции. Дополнительную поддержку оказывает реализация государственных программ, направленных на диверсификацию экономики («Экономика простых вещей», «Дорожная карта бизнеса»).

↓ Рисунок 8. Структура ВВП Казахстана

↓ Рисунок 9. Вклад секторов экономики в рост ВВП Казахстана

Примечание: в составе энергетики учитывается отрасль водоснабжения.

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.

Рост экономики Казахстана составил 3,9% ежегодно в среднем за 2010–2021 гг. В значительной мере рост ВВП в рассматриваемый период обеспечен сферой услуг, вклад которой составил 2,3 п.п. Промышленность обеспечивала 0,86 п.п. экономического роста, строительство — 0,33 п.п., сельское хозяйство — 0,08 п.п. (см. рисунок 9). Рост экономики начал замедляться с 2014 г. на фоне снижения мировых цен на нефть и металлы. Однако меры государственной поддержки смягчили негативные последствия внешних шоков. В частности, программы инфраструктурного развития «Нурлы жол» и «Нурлы

жер» оказали поддержку экономике в 2014–2015 гг. на фоне снижения мировых цен на нефть. В 2020 г. для уменьшения негативного влияния пандемии COVID-19 власти задействовали антикризисный пакет мер, оцениваемый в размере 8,7% ВВП. Противостоять череде внешних потрясений властям Казахстана позволяют накопленные запасы прочности, которые государство создало в результате эффективного распределения нефтяных доходов.

Меры государственной политики направлены на повышение эффективности рынка и расширение конкурентной среды. По оценке ОЭСР, в 2010–2011 гг. на долю госпредприятий приходилось 30–40% ВВП (ОЭСР, 2016). К концу 2019 г. доля государственного участия снизилась до 16% ВВП (Официальный информационный ресурс премьер-министра Республики Казахстан, 2020). Казахстан реализует Комплексный план приватизации на 2021–2025 гг. Ключевая цель программы — снижение доли участия государства в экономике до 14% ВВП к концу 2025 г. (Официальный информационный ресурс премьер-министра Республики Казахстан, 2021а). Для этого выработаны подходы к реализации объектов с государственным участием, согласно которым 50% объектов должно быть выставлено для приватизации в 2021 г., 30% — в 2022 г. и по 10% — в 2023 и 2024 гг.

Препятствием для устойчивого роста является подверженность экономики Казахстана внешним шокам. Нефтегазовая отрасль и металлургия обеспечивают более половины выпуска всего промышленного производства. Доля трансферта из Национального фонда¹ в общем объеме поступлений в государственный бюджет составила 27% в среднем за 2007–2021 гг. Экспортная выручка в среднем за период 2001–2021 гг. на 81% обеспечена поставками за рубеж нефти и металлов. Как следствие, в периоды снижения мировых цен на сырьевые товары экономика Казахстана оказывается под давлением внешних шоков, так как уровень диверсификации экономики пока еще недостаточен для обеспечения устойчивой динамики роста. При этом государственная политика направлена на переход к диверсифицированному устойчивому росту экономики. Так, ключевой документ стратегия «Казахстан-2050» нацелен на то, чтобы республика вошла в тридцатку самых развитых стран мира. Перестройка экономики становится очевидной: доля горнодобывающей промышленности в структуре ВВП снизилась с 19% в 2010 г. до 14% в 2021 г., а доля обрабатывающей промышленности соответственно выросла с 11% до 14%.

Иностранный капитал сосредоточен в горнодобывающих отраслях. Иностранным инвесторам принадлежит 80% в «Тенгизшевройле» — наиболее крупном производителе нефти в республике, разрабатывающем месторождение Тенгиз, и более 83% в компании NCOC (North Caspian Operating Company) — разработчике Кашагана. В валовом притоке прямых иностранных инвестиций в среднем за 2012–2021 гг. капиталовложения в добычу сырой нефти и газа составили 33%, в металлургию — 13%, в деятельность по проведению геологической разведки и изысканий — 13%.

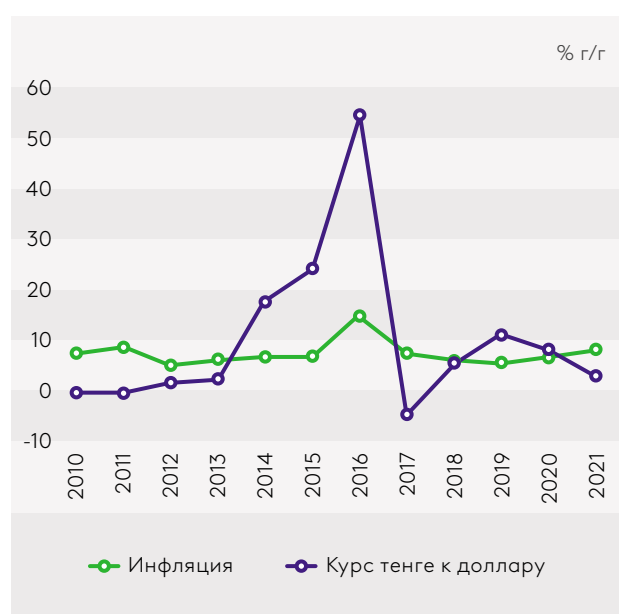
Дефицит счета текущих операций, обусловленный в большой степени обслуживанием обязательств перед прямыми иностранными инвесторами, составил 2,7% ВВП в среднем за 2018–2021 гг. Отрицательное сальдо первичных доходов в размере 11,6% ВВП покрывало профицит торгового баланса в 10,3% ВВП в среднем за указанный период (см. рисунок 11). С 2015 г. текущий счет складывается с отрицательным сальдо преимущественно из-за более низких цен на энергоресурсы, что не позволяет в полной мере компенсировать расходы на выплату процентов и дивидендов прямым иностранным инвесторам. Финансовый счет формировался в основном посредством привлечения прямых иностранных инвестиций (-2,6% ВВП). Портфельные инвестиции (-0,5% ВВП) в большей степени осуществлялись сектором государственного управления и НБ РК, что связано с управлением активами Национального фонда РК. Валовые международные резервы,

¹ В Национальном фонде РК аккумулируются поступления (налоговые, неналоговые, от продажи основного капитала) от организаций нефтяного сектора по утвержденному перечню.

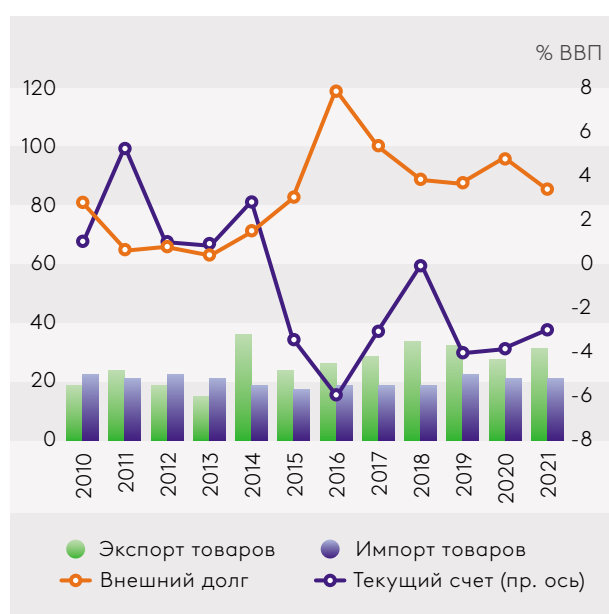
которые включают в себя золотовалютные резервы НБ РК и активы Национального фонда, составили 86 млрд долл. на 1 мая 2022 г. — это эквивалентно 22 месяцам импорта товаров и услуг.

Крупнейшие торговые партнеры Казахстана — Россия, Китай, Италия и Нидерланды. Экспорт товаров (по методологии платежного баланса) с 2017 г. увеличился на 13 млрд долл. (или на 3,2 п.п. ВВП) и превысил 60 млрд долл. в 2021 г. Основные статьи экспорта — топливно-энергетические товары (57,7% совокупного объема в 2021 г.), металлы и металлические изделия (17,5%). Импорт товаров с 2017 г. увеличился на 9 млрд долл. (или на 2,4 п.п. ВВП) и превысил 39 млрд долл. в 2021 г. Почти треть импортируемых Казахстаном товаров в 2021 г. — это машины и оборудование (в 2019 г. — почти 50%, в 2020 г. — 68%). Значимыми статьями импорта страны также являются продовольствие (16,7% импорта в 2021 г.), металлы и изделия из них (14,9%), химическая продукция (14,7%), минеральные продукты (12%).

↓ Рисунок 10. Инфляция и курс тенге (в среднем за год)

↓ Рисунок 11. Внешнеэкономические показатели Казахстана

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, Национального банка Республики Казахстан.

Национальный банк Республики Казахстан в августе 2015 г. осуществил переход от режима фиксированного обменного курса к политике таргетирования инфляции и свободному курсообразованию. Основной причиной перехода выступила масштабная девальвация тенге в 2015–2016 гг. на фоне значительного падения цен на нефть. Новая политика позволила Национальному банку стабилизировать инфляционные ожидания и взять под контроль динамику инфляции. В период с 2018 по 2020 г. инфляция устойчиво находилась в пределах целевого ориентира (см. рисунок 10). Эффективность режима инфляционного таргетирования была наглядно продемонстрирована в период кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Несмотря на существенное снижение цен на нефть в 2020 г., инфляция и стоимость внутреннего кредитования в 2020–2021 гг. оставались более устойчивыми по сравнению с шоком 2014–2016 гг. Национальный банк Республики Казахстан ставит целью снижение инфляции до 3–4% к концу 2025 г.

Переход к свободному курсообразованию в августе 2015 г. внес свой вклад в устранение макроэкономических дисбалансов. Следование режиму фиксированного обменного курса приводило к расходованию золотовалютных резервов, ухудшению конкурентоспособности казахстанских товаропроизводителей и повышению инфляционных ожиданий.

Накопленные макроэкономические дисбалансы в экономике выравнивались ценой болезненных девальваций тенге. С 2015 г. динамика обменного курса тенге складывается исходя из действия рыночных факторов и краткосрочных внешних шоков. Умеренные колебания обменного курса абсорбируют внешние шоки и способствуют стабилизации инфляционных процессов. Национальный банк проводит валютные интервенции исключительно в периоды повышенной турбулентности — так было, в частности, в марте 2020 г., на фоне разворачивания ковидного кризиса.

Размер государственного бюджета Казахстана относительно ВВП находится в характерных для региона Центральной Азии пределах. В среднем за 2017–2021 гг. доходы государства составили 19,4%, а расходы — 21,8% ВВП. Фискальная нагрузка в Казахстане ниже, чем в Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане. Внешний государственный долг составил 17,1 млрд долл. (9% ВВП) на 1 января 2022 г. Из этой суммы больше половины приходится на еврооблигации и более трети — на льготные кредиты, полученные от международных финансовых организаций. Государственный долг Казахстана остается низким и, по оценкам МВФ, вырос с 11% ВВП в 2010 г. до 26% ВВП в 2021 г. Вместе с тем общая долговая нагрузка с учетом долга квазигосударственного сектора значительно выше. В 2021 г. долг квазигосударственного сектора составил 21,2% ВВП ([Счетный комитет по контролю за исполнением республиканского бюджета, 2022](#)).

5. КЫРГЫЗСТАН: ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ — РЕЗЕРВ РОСТА ЭКОНОМИКИ

↓ Таблица 2. Основные макроэкономические показатели Кыргызской Республики

Показатель	2000	2010	2019	2020	2021
Население, млн чел. (на конец периода)	4,9	5,5	6,4	6,5	6,7
Уровень безработицы, % рабочей силы	7,5	8,6	5,5	5,8	—
ВВП, млрд долл.	1,4	4,8	8,9	7,8	8,5
ВВП, прирост в % г/г	5,4	-0,5	4,6	-8,4	3,6
Инфляция, % г/г (в среднем за период)	20,9	8,0	3,1	9,7	11,2
Основная ставка, % (на конец периода)	38,3	0,9	4,25	5,0	8,0
Курс сома к доллару США (на конец периода)	48,3	47,1	69,6	82,6	84,8
Сальдо государственного бюджета, + = профицит, % ВВП (оценки МВФ)	-10,7	-5,9	-0,1	-3,3	-1,3
Государственный долг, % ВВП (оценки МВФ)	123,3	59,7	51,6	67,6	61,0
Внешнеторговый оборот товаров и услуг, млрд долл.	1,2	5,9	8,8	6,5	9,3
Золотовалютные резервы, млрд долл. (на конец периода)	0,3	1,7	2,4	2,8	3,0

Примечание: г/г — темп прироста период к соответствующему периоду предыдущего года.

Источник: составлено аналитиками ЕАБР на основе данных Национального статистического комитета КР, Национального банка КР, МВФ, CEIC.

Кыргызская Республика перешла (поднялась) в разряд государств с доходами ниже среднего уровня. ВВП республики в 2021 г. составил 8,5 млрд долл. (см. таблицу 2), а на душу населения — 1328 долл. (для сравнения: в 2000 г. показатель равнялся 281 долл.). По абсолютному размеру ВВП Кыргызской Республики сопоставим с показателем Таджикистана, а подушевой доход в пять раз меньше уровня Казахстана — лидера региона. В последние пять лет уровень доходов все больше отстает от казахстанского. ВВП Кыргызской Республики на душу населения по ППС по итогам 2021 г. составил 18,5% казахстанского показателя, что на 2,1 п.п. ниже уровня 2017 г.

Формирование емкого и гибкого рынка труда может придать дополнительный импульс устойчивому экономическому росту. Создание новых рабочих мест отстает от темпов прироста населения, что ведет к трудовой миграции, которая приобрела существенную значимость с середины 2000-х гг. Денежные переводы трудовых мигрантов составили 24% ВВП в среднем за 2014–2021 гг. Большая их часть (97%) поступает из России.

Кыргызская Республика обладает гидроэнергетическим потенциалом. Ключевые гидроэнергетические сооружения расположены на самой крупной реке республики — Нарын, которая является основной составляющей реки Сырдарья. Токтогульская ГЭС строилась как комплексный ирригационно-энергетический гидроузел регионального значения. Инфраструктура, созданная в середине XX века, требует модернизации и обновления капитальных активов.

Минерально-сырьевую базу страны составляют месторождения благородных, цветных и редких металлов, нерудного сырья, топливно-энергетических ресурсов. Полезные ископаемые, добываемые в стране: ртуть, глина, уголь, флюорит, гипс, известь, природный газ, сырая нефть, песок и гравий, серебро. Однако основной доход Кыргызская Республика получает от добычи золота. В 2012–2021 гг. доходы от поставок золота в среднем составляли 701 млн долл., что соответствует примерно 40% номинального объема экспорта и 9% ВВП.

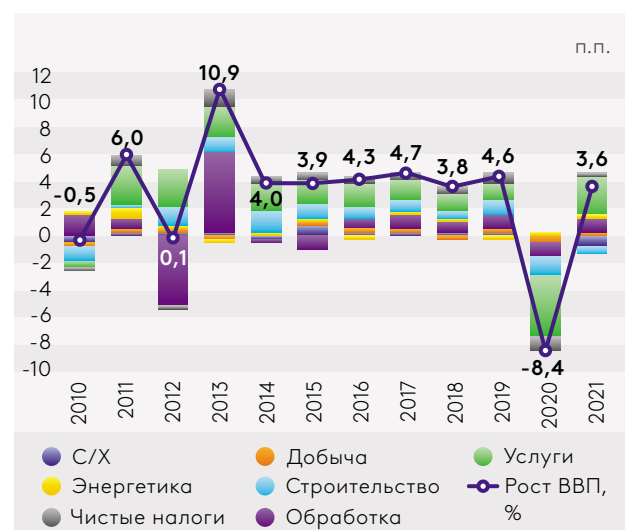
Ключевые сектора экономики Кыргызской Республики — услуги, сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность. Они формируют около 45, 15 и 13% ВВП соответственно в 2021 г. (см. рисунок 12). Среди отраслей сферы услуг лидером является оптовая и розничная торговля (около 18% ВВП). Основу промышленности составляет производство золота (52% от общего объема промышленного выпуска). Доля строительного сектора в 2021 г. была 8%, увеличившись на 2 п.п. по сравнению с 2012 г., что связано преимущественно с усилением активности в этой отрасли.

Рост экономики Кыргызской Республики составил 3,2% в среднем за период 2010–2021 гг. В значительной мере рост ВВП в рассматриваемый период обеспечивали сфера услуг, вклад которой составил 1,3 п.п., и строительство (0,5 п.п.). Промышленность обеспечивала 0,7 п.п. экономического роста, сельское хозяйство — 0,2 п.п. Волатильность экономического роста во многом определялась высокой зависимостью от производства золота (например, в 2012–2013 гг.) (см. рисунок 13). В сфере услуг ключевую роль играет оптовая и розничная торговля, которая получила развитие за счет реэкспорта товаров из Китая в страны Центральной Азии и Россию. С начала 2010-х гг. реэкспортная деятельность сопровождается развитием швейной отрасли, продукция которой — второй после золота экспортный товар республики.

↓ Рисунок 12. Структура ВВП Кыргызской Республики

↓ Рисунок 13. Вклад секторов экономики в рост ВВП Кыргызской Республики

Примечание: в составе энергетики учитывается отрасль водоснабжения; в составе обрабатывающей промышленности учтено производство золота.

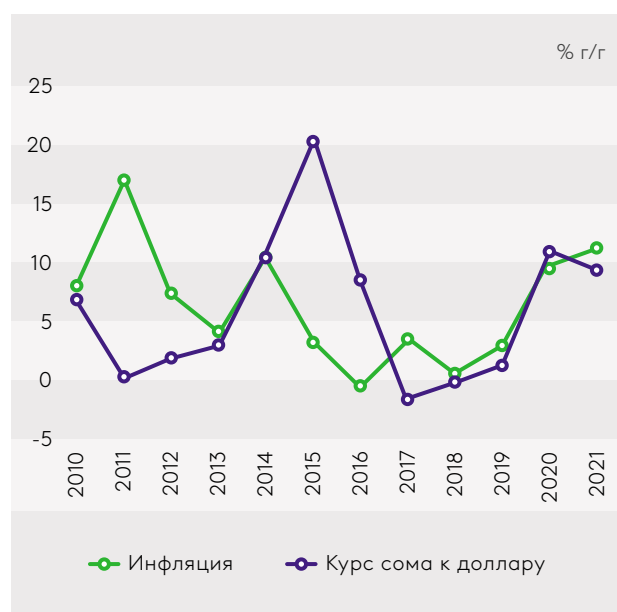
Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных Национального статистического комитета Кыргызской Республики.

Дефицит счета текущих операций в размере 7% ВВП в среднем за 2018–2021 гг. во многом связан с отрицательным сальдо баланса товаров и услуг. Дефицит товаров и услуг в размере 29,4% ВВП в среднем за период 2018–2021 гг. отчасти компенсирован положительным сальдо вторичных доходов 28,3% ВВП (по большей части денежные переводы трудовых мигрантов) в среднем за указанный период (см. рисунок 15). Финансовый счет формировался за счет привлечения прямых иностранных инвестиций (0,9% ВВП), а также кредитов (0,9% ВВП) преимущественно льготным сектором государственного управления и коммерческих ссуд корпоративным сектором. Структура платежного баланса не претерпела существенных изменений за период 2010–2021 гг. Валовые международные резервы составили 2,6 млрд долл. на 1 мая 2022 г. — это эквивалентно 5,3 месяца импорта товаров и услуг.

Крупнейшие торговые партнеры Кыргызской Республики — Россия, Казахстан, Китай, Узбекистан и Турция. Экспорт товаров составил 1,8 млрд долл. в среднем за период 2017–2021 гг. Основные статьи экспорта — золото (26,6% совокупного объема в 2021 г.), продовольствие (19,9%) и минеральные продукты (17,9%). Импорт товаров с 2017 г. увеличился на 1,1 млрд долл. и превысил 5 млрд долл. в 2021 г. Более 20% импортируемых Кыргызской Республикой товаров в 2021 г. пришлось на машины и оборудование. Значимыми статьями импорта также являются текстиль, текстильные изделия и обувь (17,8% импорта страны в 2021 г.), минеральные продукты (16,4%), продовольствие (15,5%).

↓ Рисунок 14. Инфляция и курс сома (в среднем за год)

↓ Рисунок 15. Внешнеэкономические показатели Кыргызской Республики

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных Национального статистического комитета Кыргызской Республики, Национального банка Кыргызской Республики.

Национальный банк Кыргызской Республики с 2018 г. осуществляет постепенный переход к инфляционному таргетированию. Основная цель денежно-кредитной политики — обеспечение ценовой стабильности, под которой понимается удерживание инфляции в рамках целевого ориентира 5–7% (НБ КР, 2017). Эффективность денежно-кредитной политики ограничена такими структурными проблемами, как высокая зависимость от внешних факторов и большая доля продовольствия в структуре потребления домохозяйств. Низкий уровень инфляции в период с 2015 по 2019 г. был следствием слабой ценовой конъюнктуры на мировых рынках зерна, а также реального укрепления сома. Ускорение инфляции с 2020 г. объясняется разворотом в динамике мировых цен на продовольствие и ослаблением сома (см. рисунок 14).

Размер государственного бюджета Кыргызской Республики относительно ВВП является максимальным в регионе стран Центральной Азии. В среднем за 2017–2021 гг. доходы государства составили 32,1% ВВП, а расходы — 34,4% ВВП. В Кыргызстане через бюджет перераспределяется гораздо большая доля национального дохода, чем в других странах Центральной Азии. Фискальная нагрузка в Кыргызской Республике — самая высокая в регионе. Внешний государственный долг составил 50,3% ВВП на 1 января 2022 г., снизившись на 4,1% ВВП по сравнению с началом 2017 г. Государственный долг Кыргызской Республики — один из самых высоких в регионе. По оценке МВФ, в период с 2010 по 2021 г. он колебался в коридоре 50–68% ВВП.

6. ТАДЖИКИСТАН: РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ИНТЕРЕСАХ РАЗВИТИЯ

↓ Таблица 3. Основные макроэкономические показатели Таджикистана

Показатель	2000	2010	2019	2020	2021
Население, млн чел. (на конец периода)	6,2	7,6	9,3	9,5	9,9
Уровень безработицы, % рабочей силы (по данным ВБ)	15,1	10,9	7,1	7,6	7,8
ВВП, млрд долл.	0,9	5,6	8,3	8,2	8,7
ВВП, прирост в % г/г	8,3	6,5	7,4	4,5	9,2*
Инфляция, % г/г (в среднем за период)	32,6	6,9	7,8	8,6	9,0
Основная ставка, % (на конец периода)	20,60	8,25	12,25	10,75	13,25
Курс сомони к доллару США (на конец периода)	2,2	4,4	9,7	11,3	11,3
Сальдо государственного бюджета, + = профицит, % ВВП (оценки МВФ)	-5,6	-3,0	-2,1	-4,4	-2,7
Государственный долг, % ВВП (оценки МВФ)	111,4	36,8	43,1	50,4	46,5
Внешнеторговый оборот товаров и услуг, млрд долл.	—	4,2	4,5	4,6	6,4
Золотовалютные резервы, млрд долл. (на конец периода)	0,1	0,4	1,5	2,2	2,5

Примечание: г/г — темп прироста период к соответствующему периоду предыдущего года; * — предварительная оценка.

Источник: составлено аналитиками ЕАБР на основе данных Агентства по статистике при Президенте РТ и Национального банка Таджикистана (если не указано иное).

Таджикистан добился существенных успехов с начала века. Страна перешла из категории государств с низкими доходами (в определении Всемирного банка) в категорию с доходами ниже среднего. ВВП на душу населения поднялся со 159,4 долл. в 2000 г. до 877,8 долл. в 2021 г. Уровень безработицы снизился с 15,1% в 2000 г. (см. таблицу 3) до 7,8% в 2021 г. (по данным Всемирного банка). Уровень бедности также снижается — за период с 2013 по 2019 г. он упал с 34,3% до 26,3%.

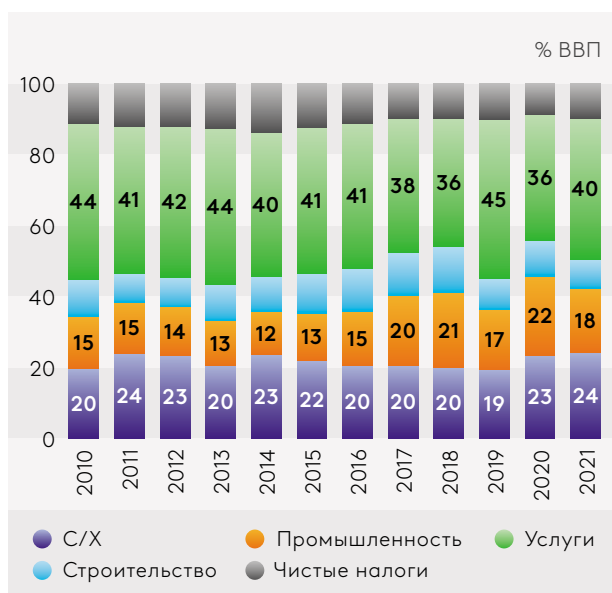
В 2010–2021 гг. страна вернулась к модели развития экономики, характеризующейся опережающим ростом промышленности. Если за 2000–2010 гг. доля промышленности в ВВП снизилась с 33,7 до 14,7% (в основном в связи с бурным ростом торговли в условиях налаживания экономической жизни после периода политической нестабильности

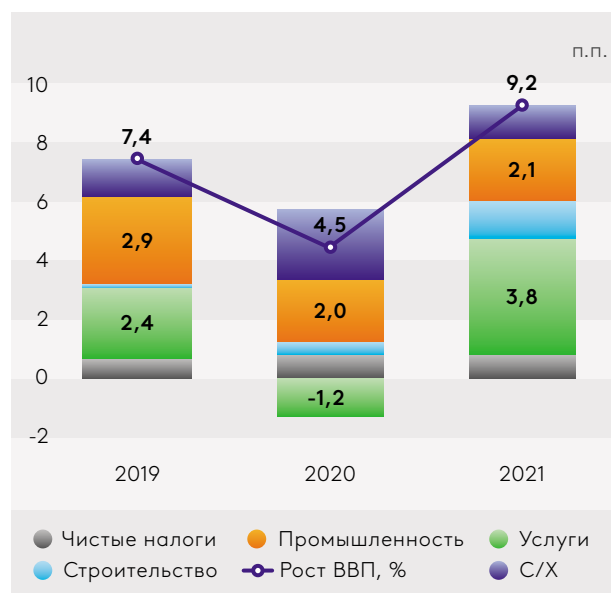
и конфликтов в 1990-е), то к 2021 г. — восстановилась до 18,2% (см. рисунок 16). Это произошло как за счет роста производства в индустриальном секторе экономики, так и за счет увеличения его разнообразия — в течение последних десяти лет в стране успешно развивались отрасли промышленности, отличные от традиционно ключевой металлургии: пищевая, текстильная, производство строительных материалов.

Рост промышленности обеспечен богатой ресурсной базой. Страна обладает запасами природных ископаемых: золота, цветных металлов (прежде всего свинца и цинка), а также угля. Помимо этого, Таджикистан имеет значительный потенциал в области гидроэнергетики. Это, в частности, позволило в 1970-х создать в Таджикистане производство алюминия на основе импортируемого сырья, которое и сейчас остается одним из ключевых источников доходов страны от экспорта. Отрасли, занятые переработкой полезных ископаемых, особенно глубокой, обладают значительным пространством для дальнейшего развития — в настоящее время цветные металлы (кроме алюминия) поставляются на экспорт в виде рудных концентратов, а хлопок — в виде хлопка-волокна и пряжи (а не ткани) (Avesta, 2022).

↓ Рисунок 16. Структура ВВП Таджикистана

↓ Рисунок 17. Вклад секторов экономики в рост ВВП Таджикистана

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан.

Рост экономики Таджикистана составил 7,0% в среднем за последние десять лет, с 2010 по 2021 г. Он был обеспечен вкладом всех основных секторов — сферы услуг, промышленности и сельского хозяйства (см. рисунок 17). При этом для производственных секторов был характерен более стабильный вклад в общий рост. Например, на фоне глобальной рецессии во время пандемии коронавируса в 2020 г. спад испытали отрасли таджикской экономики, входящие в состав сектора услуг, в то время как производства продолжили увеличивать выпуск.

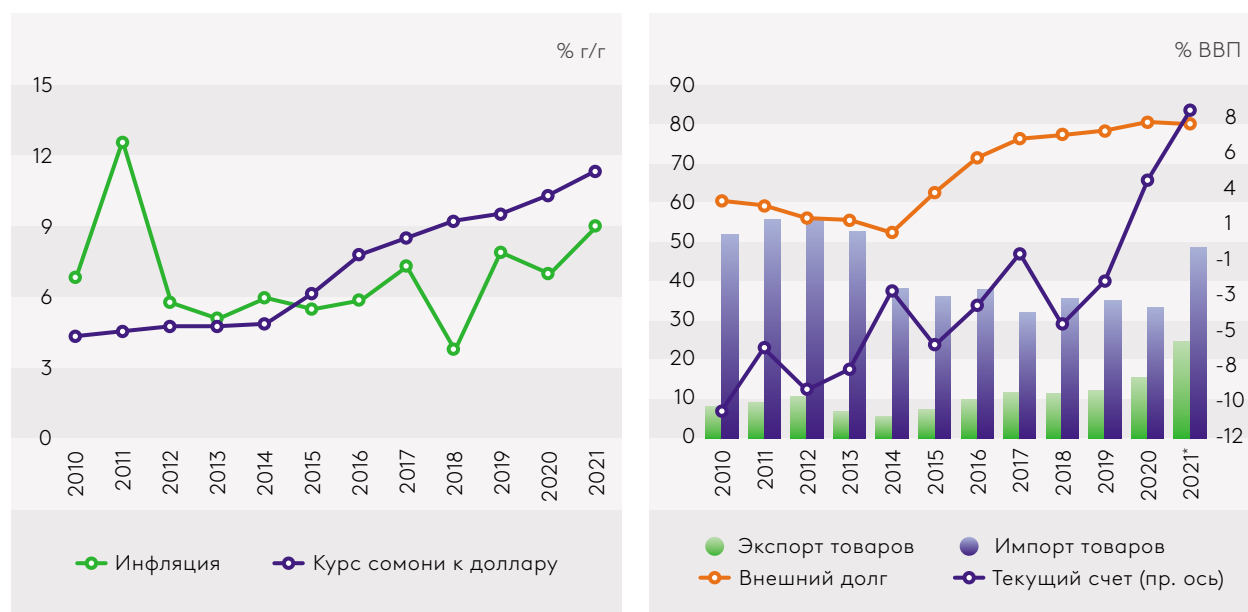
Быстрый рост экономики Таджикистана во многом объясняется догоняющим характером ее развития и сильной демографической динамикой. Тем не менее разрыв в уровне доходов Таджикистана с экономическим лидером региона Центральной Азии — Казахстаном — остается значительным и сокращается медленно. ВВП Таджикистана на душу населения по ППС по итогам 2021 г. составил 14% от показателя Казахстана, увеличившись на 2,0 п.п. с 2010 г. Чтобы повысить скорость сближения с более развитыми экономиками региона по подушевому ВВП, требуется ускорение роста производительности

труда — а этому препятствует недостаток инвестиций, технологий, качественного образования и физической инфраструктуры.

В области структурных реформ, направленных на повышение потенциального роста экономики, за 2010–2020 гг. не было зафиксировано однозначного прогресса. Публикуемые Всемирным банком показатели качества государственного управления за 2010–2020 гг. изменились мало или снизились. Некоторое повышение сводного индекса отразило улучшение по единственному пункту — оценке политической стабильности и безопасности в стране.

Таджикистан обладает быстрорастущими трудовыми ресурсами. Численность населения страны выросла с 7,4 млн человек на начало 2010 г. до 9,9 млн на начало 2022 г. Экономически активное население составляет около 2,5 млн человек (еще 3,6 млн человек — моложе 14 лет и не могут быть официально заняты). Средняя заработная плата в Таджикистане составила 136 долл. в 2021 г. Это почти в четыре раза ниже, чем в Казахстане. Обилие трудовых ресурсов и низкий уровень оплаты труда говорят о привлекательности инвестиций в трудоемкие отрасли экономики (один из примеров использования этого конкурентного преимущества — быстрое развитие текстильной промышленности в стране).

↓ Рисунок 18. Инфляция и курс сомони (в среднем за год) ↓ Рисунок 19. Внешнеэкономические показатели Таджикистана

Примечание: * — оценка внешнего долга за 2021 г. дана на конец сентября.

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, Национального банка Республики Таджикистан.

Актуальной проблемой для страны является нехватка рабочих мест. Недостаток возможностей для трудоустройства и низкие зарплаты в стране вынуждают ее граждан искать работу за рубежом. Денежные переводы трудовых мигрантов составили 23,5% ВВП в среднем за 2010–2021 гг. Большая их часть поступает из России и Казахстана (77% и 6,4% соответственно, по данным² за 2017 г.).

Национальный банк Таджикистана проводит в отношении национальной валюты политику управляемого плавания, не определяя ее курс, но жестко ограничивая волатильность сомони. В ограниченной степени сохраняется практика множественных курсов

² Bilateral Remittance Flows (Migration Policy Institute).

(IMF, 2021). В 2010–2021 гг. сомони дешевет к доллару в среднем на 9,0% в год — при средней инфляции на уровне 6,9% в год за тот же период (см. рисунок 18). Ослабление сомони к доллару и валютам стран — торговых партнеров привело к снижению реального эффективного обменного курса за 2010–2021 гг. на 9,7%.

Текущий счет платежного баланса экономики Таджикистана складывался с дефицитом на протяжении большей части независимой истории страны. Он составлял в среднем 3,4% ВВП за год по итогам 2010–2021 гг. (см. рисунок 19). Наличие дефицита объясняется высокой потребностью экономики в инвестициях, для финансирования которых Таджикистан привлекает внешнее финансирование — как на льготных (со стороны МФО), так и на рыночных условиях (в форме торгового кредитования и, в некоторых случаях, путем размещения гособлигаций). Золотовалютные резервы по состоянию на конец 2021 г. составили 2,5 млрд долл., что соответствует 7 месяцам импорта товаров и услуг. В 2010 г. они составляли лишь 0,4 млрд долл. (1,4 месяца импорта), а в 2000 г. — 0,1 млрд долл. Рост резервов говорит о снижении рисков неустойчивости платежного баланса, связанных с дефицитом счета текущих операций и ростом внешнего долга, по итогам двух последних десятилетий.

За период 2010–2021 гг. экспорт из Таджикистана увеличился в 2,6 раза. Он вырос до 2,1 млрд долл. (24% ВВП) в 2021 г. с 0,8 млрд долл. (14,9% ВВП) в 2010 г. за счет увеличения поставок, в первую очередь золота. Этому способствовало как расширение добычи металла, так и динамика его стоимости на международных рынках. Повышение доходов от внешней торговли создает предпосылки для роста потребления (в том числе инвестиционного) внутри страны в ближайшие годы. При этом сальдо счета текущих операций, вероятно, вернется к отрицательным значениям на фоне выравнивания динамики экспорта и импорта.

Ключевыми торговыми партнерами Таджикистана являются Швейцария, Россия, Казахстан, Китай и Турция. По итогам 2021 г. главной статьёй экспорта стали золото и драгоценные камни (41,7% стоимости экспорта за 2021 г.). Поставки по этой статье объясняют роль Швейцарии в экспорте Таджикистана (41,7%). Другие важные статьи экспорта — минеральные продукты (прежде всего рудные концентраты, 24,3% стоимости экспорта), текстиль (прежде всего хлопок-волокно, 13%), недрагоценные металлы (в основном алюминий, 12,4%) и электроэнергия (4,5%). Из стоимости импортированных в 2021 г. в страну товаров 17,6% пришлось на минеральные продукты (прежде всего топливо, включая нефтепродукты и газ), 15,6% — на машины и оборудование, 9,6% — на недрагоценные металлы, 9,2% — на пищевую продукцию, 9,1% — на транспортные средства, 8,5% — на химическую продукцию (включая глинозем — сырье для производства алюминия).

Денежно-кредитная политика в Таджикистане находится в процессе перехода к инфляционному таргетированию. Это предусмотрено «Стратегией денежно-кредитной политики Республики Таджикистан на 2020–2025 гг.» (НБТ, 2020). Свою текущую политику Национальный банк Таджикистана определяет как режим «монетарного таргетирования», в рамках которого НБТ регулирует денежное предложение (предложение резервных денег) в интересах обеспечения ценовой стабильности — целевой интервал для годовой инфляции установлен в пределах $6\pm 2\%$. Политика НБТ также предусматривает осуществление интервенций на валютном рынке для сглаживания чрезмерных колебаний курса сомони.

Политика, проводимая Национальным банком, обеспечила значительную степень контроля над инфляцией. Рост потребительских цен в стране составил 6,9% в среднем за год по итогам 2010–2021 гг. За 10 лет — с 2012 по 2021 г. — инфляция ни разу не превысила 10% по состоянию на конец года. За пределы целевого интервала ($6\pm 2\%$) она заметно (больше чем на 0,1 п.п.) выходила в 2013 г., оказавшись слишком низкой (на уровне 3,7%),

и в 2020 г., повысившись до 9,4% под влиянием ослабления национальной валюты и роста цен на импортируемое продовольствие в условиях пандемии COVID-19.

Размер государственного бюджета Таджикистана относительно ВВП один из самых высоких в регионе Центральной Азии. В среднем за 2017–2021 гг. доходы государства составили 27,5% ВВП, а расходы — 31,1% ВВП. Через бюджет перераспределяется больше национального дохода, чем в Узбекистане, Казахстане и Туркменистане. Несмотря на дефицитное исполнение бюджета, государственный долг снизился относительно размеров ВВП с 47,7% в 2017 г. до 46,5% в 2021 г. Это стало возможным благодаря быстрому росту экономики.

7. ТУРКМЕНИСТАН: КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЭКОНОМИКИ ВО МНОГОМ ОБУСЛОВЛЕНА ПЕРСПЕКТИВАМИ ЕЕ ДИВЕРСИФИКАЦИИ

↓ Таблица 4. Основные макроэкономические показатели Туркменистана

Показатель	2000	2010	2019	2020	2021
Население, млн чел. (на конец периода)	4,5	5,1	5,9	6,0	6,1*
Уровень безработицы, % рабочей силы (оценка ВБ)	11,5	4,0	4,3	5,0	5,1
ВВП, млрд долл.	8,5	34,8	53,0	53,2	63,4*
ВВП на душу населения, тыс. долл.	1,9	6,8*	8,9*	8,8*	10,3*
ВВП, прирост в % г/г:					
– официальные данные	5,5	9,2	6,3	5,9	6,2
– оценка МВФ	18,6	16,2	-3,4	-3,0	4,9
Инфляция, % г/г (в среднем за период)	8,0	4,4	13,0	10,0	12,5
Курс маната к доллару США (на конец периода)	1,04	2,85	3,5	3,5	3,5
Сальдо государственного бюджета, + = профицит, % ВВП	-0,3	1,3	-0,3	-0,1	-0,1*
Государственный долг, % ВВП (оценки МВФ)	73,7	6,3	15,3	13,1	10,6*
Внешнеторговый оборот товаров, млрд долл.	3,7**	7,4	14,4	11,2	12,7
Счет текущих операций, % ВВП	4,6	-8,9	2,8	-3,3	1,9*

Примечание: г/г — темп прироста период к соответствующему периоду предыдущего года, * — оценка МВФ, ** — 2002 г.

Источник: составлено аналитиками ЕАБР на основе данных Всемирного банка, Азиатского банка развития, МВФ и Trade Map.

Туркменистан является третьей по размеру после Казахстана и Узбекистана экономикой Центральной Азии с объемом ВВП 63,4 млрд долл. в 2021 г. (см. таблицу 4), по оценкам МВФ. Туркменистан граничит с Казахстаном, Узбекистаном, Ираном, Афганистаном. К западу от страны — Каспийское море, обеспечивающее возможность развития коммуникаций с более широким кругом государств. Запасы газа, которыми обладает Туркменистан, оцениваются как четвертые по величине в мире, составляя около 10% мировых запасов (по данным ВБ). В дополнение к природному газу страна богата нефтью, серой, йодом, солью, глинами, гипсом и цементом — всеми необходимыми ресурсами для химической

и строительной промышленности. Экономический рост республики сильно зависит от углеводородов и связанных с ними отраслей. Экспорт углеводородов, большая часть которого приходится на природный газ, направляемый в Китай, составляет 25% ВВП Туркменистана.

Сельское хозяйство интенсивно развивается благодаря наличию орошаемых оазисов. Наиболее значимыми культурами являются хлопок, большая часть которого производится на экспорт, и пшеница, потребляемая внутри страны. В начале 2000-х сельскохозяйственный сектор занимал почти 22% ВВП при поддержке государственных субсидий на приобретение ресурсов и низких процентных ставках по кредитам. Сельское хозяйство сейчас занимает незначительную долю в ВВП по сравнению с началом 2000-х (примерно 10,8% в 2019 г.), что связано с опережающими темпами расширения промышленного и строительного секторов. В сельском хозяйстве, однако, до сих пор занята значительная часть рабочей силы (около 21% работающего населения, по данным АБР за 2019 г.).

Экономика в 2000–2009 гг. росла быстрыми темпами — в среднем на 7,4% в год. Рост и экспорт были поддержаны добывающим сектором, который расширялся благодаря высокому уровню международных цен и увеличению производственных мощностей. Экономический рост Туркменистана в 2015–2021 гг. замедлился до 6% в среднем за год после 11% в 2010–2014 гг. (см. рисунок 20) — это во многом связано со снижением мировых цен на энергоносители и сокращением государственных расходов и субсидий социального назначения. Согласно данным Всемирного банка, промышленность вместе со строительством составляли 42% ВВП в 2019 г., услуги — 47,2% ВВП (соответственно 60% и 28% ВВП в 2010 г.). Сокращение доли промышленности связано со снижением мировых цен на энергоносители, а также с некоторым повышением диверсификации экономики за последние годы. В структуре промышленности по сей день превалирует добыча природного газа.

С 2012 г. Туркменистан имеет статус страны с доходами выше среднего уровня. Сильный экономический рост с начала 2000-х увеличил ВВП на душу населения почти в четыре раза в течение 12 лет (с 2,5 тыс. долл. в 2001 г. до 9,5 тыс. долл. в 2012 г.). Средняя заработная плата выросла в семь раз в период 2000–2011 гг. (опережающими темпами — в строительстве и транспорте) (Gyulumyan, 2014). ВВП на душу населения в 2021 г. оценивается МВФ в размере 10,3 тыс. долл. Сближение Туркменистана по уровню доходов с лидером региона Центральной Азии — Казахстаном — в последние годы замедлилось, однако этот разрыв остается меньшим, чем у других стран ЦА. ВВП Туркменистана на душу населения по ППС по итогам 2021 г. составил около 62,4% от показателя Казахстана. Причиной замедления конвергенции стали более скромные темпы роста экономики с 2015 г. на фоне низких цен на энергоносители, снижения государственных расходов, малоразвитости неэнергетического сектора и закрытости экономики.

В 2019 г. Туркменистан подписал пятилетний контракт с Российской Федерацией на поставку природного газа. При этом крупнейшим рынком для экспорта углеводородов Туркменистана остается Китай. Вместе с тем страна находится в процессе строительства трубопровода Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия (ТАПИ). Экспорт газа в другие регионы через механизмы обмена газом поможет снизить риски чрезмерной географической концентрации экспорта.

Прогресс Туркменистана в улучшении деловой среды и приватизации государственных предприятий по сравнению с началом 1990-х можно назвать незначительным, что ограничило экономическое развитие за пределами энергетического сектора. Высокие цены на энергоносители в середине 2000-х гг. позволяли правительству выделять масштабные средства на развитие и социальные нужды. Снижение цен с середины 2014 г. замедлило экономический рост Туркменистана и привело к сокращению государственных доходов, правительство урезало субсидии в ряде областей, увеличилась задолженность по заработной плате.

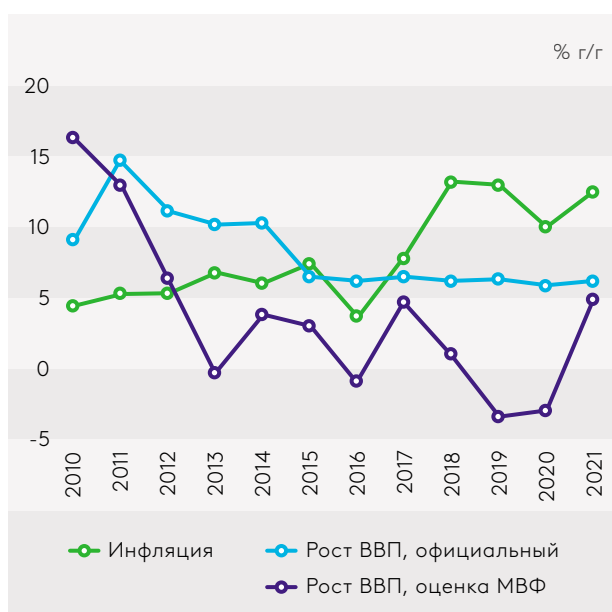
Доминирующая роль государственного сектора в экономической деятельности препятствует развитию частного сектора. Несмотря на рост доли частного сектора (согласно оценкам АБР, доля его в неуглеводородном ВВП увеличилась до 70% и более в 2021 г. — с 60% в 2015 г. [ADB, 2017]), государственный сектор и государственные монополии продолжают управлять экономикой и формальным рынком труда. Открытие экономики, улучшение нормативно-правовой среды для бизнеса, ускорение приватизации государственных предприятий и более активные инвестиции в человеческий капитал могут помочь развитию частного сектора.

За исключением углеводородного сектора, приток прямых иностранных инвестиций в страну остается ограниченным.

В Туркменистане действует режим фиксированного обменного курса: манат привязан к доллару США с 2009 г. В мае 2008 г. Центральный банк Туркменистана объявил об унификации обменного курса. До 2008 г. в Туркменистане существовал двойной валютный курс с разницей между официальным и параллельным обменными курсами почти в четыре-пять раз. Практика двойного обменного курса ограничивала экспорт и поощряла импорт, мешала банковскому сектору проводить операции на валютном рынке и по торговому финансированию. В январе 2009 г. валюта была деноминирована по курсу 1 манат за 5000 манатов и привязана к доллару США по фиксированному курсу 2,85 маната за доллар.

В январе 2015 г. Центральный банк Туркменистана установил валютный курс на уровне 3,5 маната за доллар, который используется во всех официальных транзакциях до сегодняшнего дня. Неофициальный курс в начале 2022 г. был близок к 20 манатам за доллар (Хроника Туркменистана, 2022). Предприятия обязаны конвертировать по официальному курсу всю экспортную выручку и поступившие иностранные инвестиции. Предельный объем покупки валюты для физических лиц установлен на уровне 500 долл. США в месяц. С 2016 г. в стране действует ряд ограничений на обмен иностранной валюты. В 2020 г. правительство учредило Резервный валютный фонд, куда перечисляются доходы в иностранной валюте. Средства фонда планируется сосредоточить в Центральном банке и перечислять в него доходы в иностранной валюте министерств, отраслевых ведомств, их подотчетных учреждений, всех юридических лиц с государственным участием.

↓ Рисунок 20. ВВП и инфляция Туркменистана

↓ Рисунок 21. Внешнеэкономические показатели Туркменистана

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных Всемирного банка, Азиатского банка развития, МВФ и Trade Map.

Действующий режим денежно-кредитной политики ограничивает возможности сдерживания инфляции в стране. Центральный банк Туркменистана использует таргетирование объемов кредитования как инструмент влияния на внутренний спрос (Fitch Ratings, 2022). Инфляция в 2020 г. составила 10,0% г/г, замедлившись с 13,3% годом ранее. Вероятно, динамика показателя определяется конъюнктурой на мировых рынках продовольствия и курсом маната на неофициальном рынке. Возможно, отмена субсидирования цен на некоторые товары также способствовала ускорению инфляции. В 2021 г. среднегодовая инфляция ускорилась до 12,5%. К концу года инфляция могла достичь 21% г/г за счет удорожания продовольствия на 35% г/г (Fitch Ratings, 2022).

Размер государственного бюджета Туркменистана относительно ВВП находится ниже характерных для региона Центральной Азии пределов. В среднем за 2011–2021 гг. доходы государства составили 12,4% ВВП, а расходы — 12,0% ВВП. Согласно рейтинговому агентству Fitch, к концу 2021 г. уровень государственного долга по отношению к ВВП удалось снизить за счет погашений внешнего долга (см. рисунок 21) и использования средств Фонда стабилизации Туркменистана для финансирования дефицита бюджета.

Туркменистан импортирует готовую продукцию, а в состав экспорта входит преимущественно минеральное топливо. На продукцию машиностроения и металлы приходится половина поставок товаров в страну. Основными поставщиками товаров в Туркменистан являются Турция (26,4% от общего импорта в 2021 г.), Россия (19,4%) и Китай (12,3%). Минеральное топливо обеспечивает 87% экспорта Туркменистана. Основным покупателем туркменских энергоресурсов является Китай (79% от экспорта минеральных продуктов). До переориентации на рынок Китая главным направлением поставок туркменских углеводородов была Европа (через территорию РФ). Однако падение спроса и цен на энергоносители в 2009 г. привело к поискам новых рынков и началу строительства трубопровода в Китай.

8. УЗБЕКИСТАН: ПРОВОДИМЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ УКРЕПЛЯЮТ ОСНОВЫ ДОЛГОСРОЧНОГО РОСТА

↓ Таблица 5. Основные макроэкономические показатели Узбекистана

Показатель	2000	2010	2019	2020	2021
Население, млн чел. (на конец периода)	24,8	29,1	33,9	34,6	35,3
Уровень безработицы, % рабочей силы	—	5,4	9,0	10,5	9,6
ВВП, млрд долл.	17,2	50,0	59,9	59,9	69,2
ВВП, прирост в % г/г	3,8	7,1	5,7	1,9	7,4
Инфляция, % г/г (в среднем за период)	25,0	7,5	14,5	12,9	10,8
Основная ставка, % (на конец периода)	24,0	14,0	16,0	14,0	14,0
Курс сума к доллару США (на конец периода)	325	1 640	9 508	10 477	10 838
Сальдо государственного бюджета, + = профицит, % ВВП (оценки МВФ)	-3,7	2,6	0,6	-2,5	-4,6
Государственный долг, % ВВП (оценки МВФ)	29,5	6,6	28,4	37,6	36,8
Внешнеторговый оборот товаров и услуг, млрд долл.	6,2	22,2	28,4	37,6	36,8
Золотовалютные резервы, млрд долл. (на конец периода)	—	14,2	29,2	34,9	35,1

Источник: составлено аналитиками ЕАБР на основе данных Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике, Центрального банка Республики Узбекистан, МВФ (если не указано иное).

Узбекистан является второй по размеру (после Казахстана) экономикой Центральной Азии с объемом ВВП 69,2 млрд долл. в 2021 г. (см. таблицу 5). Страна богата природными ресурсами (драгоценные металлы, медь, уран, вольфрам, уголь, природный газ) и обладает развитой производственной базой. При этом в Узбекистане наблюдается недостаточное использование базы ресурсов — у республики есть возможности расширить присутствие в цепочке создания стоимости в цветной металлургии, производстве строительных материалов, химической и нефтехимической промышленности (Алексеев и др., 2019).

Экономические преобразования, начатые в 2017 г., способствовали изменению структуры экономики Узбекистана. Ключевыми секторами экономики являются сфера услуг, сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность. Они формируют 36%, 25% и 20% ВВП соответственно (см. рисунок 22). Доля обрабатывающей промышленности в ВВП с 2017 г. выросла более чем на 6 п.п., что может объясняться существенным наращиванием

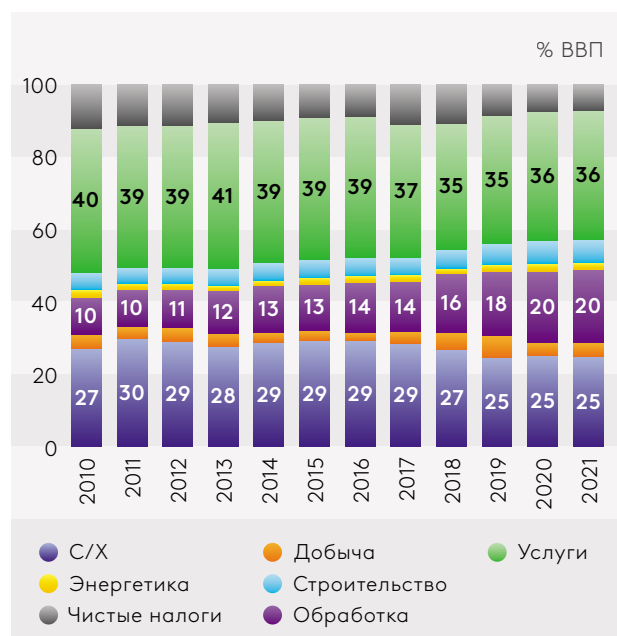
инвестиций после начала структурных экономических реформ. Среди отраслей промышленности лидирует металлургия (более четверти производства), существенная доля принадлежит машиностроению, текстильной, пищевой и химической отраслям.

Экономика Узбекистана имеет потенциал быстрой адаптации к динамично развивающейся внешней среде. Малый и средний бизнес играет значимую роль в экономике страны. Организации МСБ в 2021 г. обеспечили почти 55% ВВП, 27% промышленного производства и более 72% строительных работ, в них трудится более 70% занятых в экономике. Это способствует мобильной подстройке экономических агентов к меняющимся условиям и обеспечивает устойчивость роста ВВП, основанного на частной инициативе.

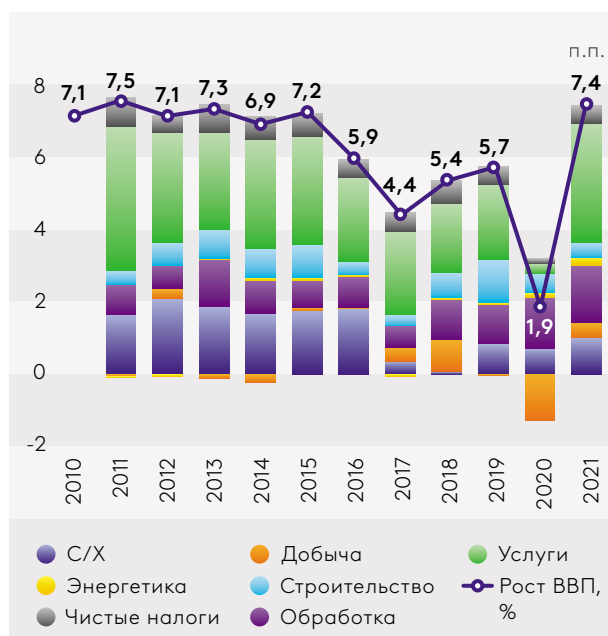
Рост экономики Узбекистана составил 5,9% в среднем за период с 2012 по 2021 г. В значительной мере рост ВВП за эти десять лет обеспечила сфера производства: вклад сельского хозяйства составил 1,2 п.п., промышленности — 1,1 п.п., строительства — 0,7 п.п. Отрасли сферы услуг обеспечили 2,4 п.п. роста ВВП (см. рисунок 23). Рост экономики начал замедляться еще до структурных реформ 2017 г., что указывало на исчерпание потенциала плановой закрытой модели роста.

Динамичное развитие экономики Узбекистана во многом объясняется ее догоняющим развитием и увеличением рабочей силы. Вместе с тем сближение Узбекистана по уровню доходов с лидером региона Центральной Азии — Казахстаном — происходит медленно, а разрыв остается значительным. ВВП Узбекистана на душу населения по ППС по итогам 2021 г. составил около 30% от показателя Казахстана — увеличение примерно на 2 п.п. за последние десять лет. Одна из причин такой медленной динамики — низкая производительность ключевых секторов экономики Узбекистана (Винокуров, Цукарев и др., 2021). Повышению производительности препятствует недостаток инвестиций, технологий, а также состояние физической инфраструктуры.

↓ Рисунок 22. Структура ВВП Узбекистана

↓ Рисунок 23. Вклад секторов экономики в рост ВВП Узбекистана

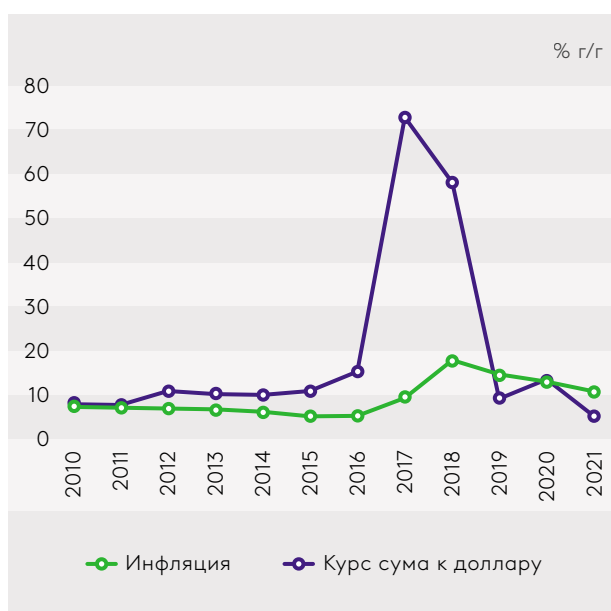
Примечание: в составе энергетики учитывается отрасль водоснабжения.

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

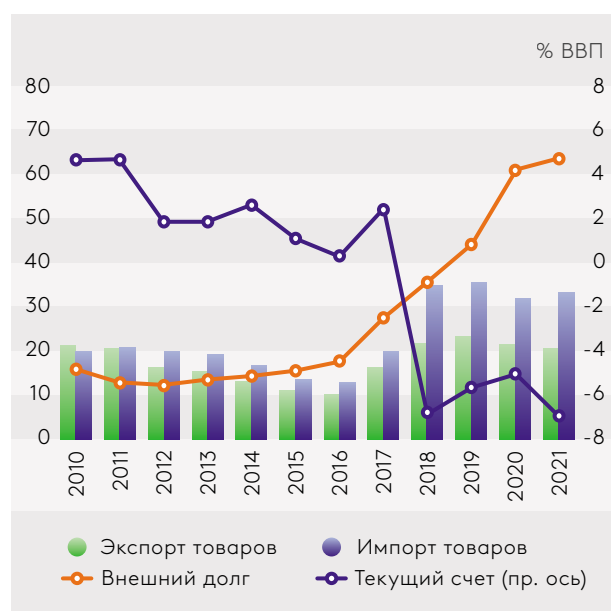
Начатые в 2017 г. структурные реформы способствуют преобразованию экономики страны и могут поддержать потенциал ее роста, который оценивается около 5,5% в год

(Винокуров, Цукарев и др., 2021). В последние годы произошло открытие экономики, начата либерализация бизнес-среды, цен, торговли и валютного рынка, выросли инвестиции, взят курс на увеличение производства товаров с высокой добавленной стоимостью и диверсификацию экспорта. Это улучшило инвестиционный климат и повысило потенциал привлечения внешнего финансирования. Доля инвестиций в ВВП увеличилась с 22% в среднем в 2012–2017 гг. до 35% в 2018–2021 гг. Количество действующих предприятий и организаций с иностранным капиталом выросло с 5008 на начало 2017 г. до 13 289 на начало 2022 г. Чистый приток ПИИ в 2019 г. вырос до 3,9% ВВП, а в 2020–2021 гг. сохранялся на уровне 2,9% ВВП. Предприятия обрабатывающей промышленности в 2021 г. освоили 37,5% объема иностранных инвестиций и кредитов, горнодобывающей — 14,2%, энергетики — 12,1%, сельского хозяйства — 9,7%. При этом 24,2% поступивших ПИИ в основной капитал пришлось на Россию, еще 20,4% — на Китай, 9,2% — на Турцию, 8,1% — на Германию. Следует отметить, что, несмотря на проводимые реформы, в структуре обрабатывающей промышленности все еще преобладают средне- и низкотехнологичные производства — 77% по итогам 2021 г. На высокотехнологичные приходится только 2,7% выпуска, на средне-высокотехнологичные — 20,1%.

↓ Рисунок 24. Инфляция и курс сума (в среднем за год)

↓ Рисунок 25. Внешнеэкономические показатели Узбекистана

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике, Центрального банка Республики Узбекистан.

Узбекистан обладает значительными и конкурентоспособными трудовыми ресурсами. Численность населения страны выросла с 26 млн человек на начало 2005 г. до 35,3 млн на начало 2022 г. Экономически активное население составляет около 15 млн человек — это почти половина всей рабочей силы Центральной Азии. Средняя заработная плата в Узбекистане равнялась 303 долл. в 2021 г. Это почти в два раза ниже, чем в Казахстане. Обилие трудовых ресурсов и низкий уровень оплаты труда повышают привлекательность инвестиций в трудоемкие отрасли экономики Узбекистана (Алексеев и др., 2019).

Актуальной проблемой для страны является нехватка рабочих мест — уровень безработицы составил 9,6% в 2021 г. Это вынуждает граждан Узбекистана трудоустроиваться за рубежом и обуславливает высокую значимость для экономики денежных переводов: их поступления составили 13,4% ВВП в среднем за 2018–2021 гг. Основным донором личных трансфертов с долей около 70% в 2021 г. остается Россия. При этом в сравнении с 2019 г. доля России в поступлениях трансфертов снизилась почти на 7 п.п. Одновременно увеличилась доля Казахстана — с 5,9% в 2019 г. до 9,4% в 2021 г., США — с 3,9 до 6,2%

соответственно, Южной Кореи — с 2,8 до 3,9%, Израиля — с 1,4 до 1,8%. Из Турции в Узбекистан поступило в 2021 г. 2,8% объема личных трансфертов.

В 2017 г. власти Узбекистана перешли к установлению курса сума на основе рыночных принципов, устранили ограничения на платежи и переводы по операциям текущего счета, приняли меры по либерализации ограничений на приток ПИИ, разрешили продавать наличную иностранную валюту физическим лицам-резидентам (IMF, 2020). В 2017 г. узбекский сум ослаб к доллару на 72%, в 2018 г. — на 58% (см. рисунок 24). В совокупности с другими мерами это позволило устранить практику множественности курсов.

Открытие внешней торговли и наращивание внутренних инвестиций привело к формированию дефицита текущего счета, который составил 6,1% ВВП в среднем в 2018–2021 гг. (см. рисунок 25). Необходимость финансирования дефицита текущего счета обусловила наращивание внешнего долга Узбекистана. За 2017–2021 гг. внешний долг страны (государственный и частный) увеличился на 45 п.п. ВВП и достиг 63% ВВП (или 43,7 млрд долл.) на конец 2021 г. Золотовалютные резервы Узбекистана на 1 марта 2022 г. составили 35,4 млрд долл. — это эквивалентно 16 месяцам импорта товаров и услуг.

Крупнейшие торговые партнеры Узбекистана — Китай, Россия, Турция и Казахстан. Экспорт товаров с 2017 г. увеличился на 4 млрд долл. (или на 4 п.п. ВВП) и превысил 14 млрд долл. в 2021 г. Основная статья экспорта — золото (29,2% совокупного объема в 2021 г.). Крупными позициями являются продовольствие (10,5% в 2021 г.), цветные металлы (10,4%), химические продукты (8,7%), энергетические товары (6,3%), машины и оборудование (5%). Импорт товаров с 2017 г. увеличился почти на 11 млрд долл. (или на 13 п.п. ВВП) и превысил 23 млрд долл. в 2021 г. Почти 40% импортируемых Узбекистаном товаров в 2021 г. пришлось на машины и оборудование (в 2019 г. — почти 50%, в 2020 г. — 68%). С 2017 г. объем поставок в страну машин и оборудования увеличился более чем в два раза, что объясняется существенным ростом внутренних инвестиций. Значимыми статьями импорта Узбекистана также являются химическая продукция (18% импорта в 2021 г.), продовольствие (12,3%), черные металлы (8,4%), энергетические товары (6,5%).

Либерализация цен, торговли и валютного рынка привела к повышению инфляции, которая в 2021 г. оставалась двузначной — 10,8% к 2020 г. Девальвация сума в 2017–2018 гг. усилила давление на цены импортных товаров. Открытие внешней торговли ведет к подстройке внутренних цен к мировым — в первую очередь цен на продукты питания. Повышение регулируемых цен и тарифов и их доведение до безубыточного уровня также оказывает давление на инфляцию. Центральный банк Республики Узбекистан ставит целью снижение инфляции до 5% к концу 2023 г.

Денежно-кредитная политика в Узбекистане находится в процессе транзита к инфляционному таргетированию. Ключевым инструментом денежно-кредитной политики является основная ставка. Центральный банк путем операций на открытом рынке стремится обеспечить формирование краткосрочных процентных ставок на межбанковском рынке вблизи уровня основной ставки и в пределах процентного коридора.

Размер государственного бюджета Узбекистана относительно ВВП находится в характерных для региона Центральной Азии пределах. В среднем за 2017–2021 гг. доходы государства составили 26,1% ВВП, а расходы — 26,8% ВВП. В Узбекистане через бюджет перераспределяется гораздо больше национального дохода, чем в Туркменистане, и больше, чем в Казахстане. В то же время фискальная нагрузка в Узбекистане не такая высокая, как в Таджикистане и Кыргызстане. Внешний государственный долг вырос с середины 2010-х гг. в условиях расширения дефицита текущего счета платежного баланса и достиг (с учетом гарантий) 23,6 млрд долл. на начало 2022 г. Государственный долг, по оценке МВФ, составил 36,8% ВВП в 2021 г.

9. СДЕРЖИВАЮЩИЕ ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Несмотря на существенный прогресс в социально-экономическом развитии, достигнутый в регионе Центральной Азии с начала XXI века, существует целый ряд факторов, сдерживающих экономическое развитие и рост реальных располагаемых доходов населения (см. рисунок 26). Формирование в экономиках Центральной Азии благоприятных условий (институциональных, отраслевых, социально-экономических, макроэкономических) станет основой их устойчивого роста. Так, институциональные условия являются, как правило, катализатором структурных экономических преобразований. Расшивка «узких мест» в таких отраслях, как транспорт и ВЭК, позволит региону раскрыть свой экономический потенциал, обеспечить товарную диверсификацию производства и экспорта. Расширение производственного потенциала региона будет содействовать увеличению количества новых рабочих мест и снижению зависимости внутреннего спроса от денежных переводов в ряде стран региона. Низкая инфляция, безопасный уровень суверенного долга, развитый и надежный финансовый сектор — важные условия для устойчивого роста любой экономики. Выстраивание добрососедских отношений центральноазиатских государств как между собой, так и с основными торговыми партнерами влияет на качество и скорость региональной и международной кооперации и является ключевой предпосылкой устойчивого долгосрочного развития региона.

↓ Рисунок 26. Сдерживающие факторы и условия экономического развития государств Центральной Азии

Источник: ЕАБР.

Преодоление структурных ограничений в развитии — вызов для центральноазиатских стран и, одновременно, возможность снизить зависимость от экспорта сырьевых ресурсов. Диверсификация и модернизация экономик требуют постановки амбициозных

целей. Узбекистан, обеспечивший свободу торгово-экономических отношений, стал успешным примером реформирования национальной экономики для некоторых других государств Центральной Азии (Burunciuc and Izvorski, 2019). Используя его опыт в области экономической либерализации, страны региона могут активизировать развитие отраслей промышленности и сельского хозяйства, внешней торговли, а также улучшать условия для ведения бизнеса.

Недостаточный уровень регионального сотрудничества — это следствие сырьевой направленности экономик региона. Ориентированное на зарубежные рынки производство сырьевых товаров объясняет низкую комплементарность товарной структуры производства и слабую интенсивность сотрудничества стран региона между собой. Предпосылками для углубления регионального взаимодействия могут стать диверсификация производства, повышение степени передела продукции, расширение географии экспорта, создание высокопроизводительных рабочих мест, развитие частного сектора.

Страны региона значительно различаются по уровню жизни, темпам экономического роста, качеству социальных услуг и инфраструктуры, эффективности государственного управления. Дивергенция в отношении отдельных параметров социально-экономического развития усиливается. Казахстан по-прежнему остается лидером в этом отношении, укрепляя свои позиции. Например, по показателю ВВП на душу населения по ППС Узбекистан имеет около 30% от уровня Казахстана, по данным МВФ за 2021 г., Таджикистан и Кыргызстан — менее 20%, а доля Туркменистана снизилась за последние пять лет с 71% до 62% от показателя Казахстана.

Институциональное устройство в странах региона имеет различия, но в целом нуждается в укреплении. Общими внутренними вызовами для стран Центральной Азии международные эксперты называют необходимость повышения эффективности государственного управления, развития социальных лифтов (Rumer, Sokolsky, Stronski, 2016). Слабость институтов государственного управления отчасти ограничивает возможности для диверсификации национальных экономик (OECD, 2018). Наиболее передовой страной с точки зрения институционального устройства остается Казахстан. В Индексе экономической свободы за 2022 г. республика занимала 64-е место в мировом рейтинге³.

Улучшить инвестиционную привлекательность центральноазиатских государств могут следующие механизмы: совершенствование и гармонизация нормативно-правовой базы, защита прав инвесторов, объединение усилий по привлечению инвесторов, проведение преобразований, направленных на приватизацию и реструктуризацию крупных государственных компаний (Das, 2018).

Доля государственного сектора и государственных компаний в странах Центральной Азии остается высокой (Burunciuc and Izvorski, 2019). Казахстан и Кыргызстан больше других стран региона продвинулись в осуществлении рыночных реформ. В последние годы существенного прогресса в этом направлении достиг Узбекистан, планирующий приватизацию крупных государственных монополий, таких как «Узбекнефтегаз», «Тепловые электрические станции» и АО «Uzbekistan airways» (Национальное информационное агентство Узбекистана, 2022). Ситуацию в Таджикистане и Туркменистане все еще можно обозначить как переходный период — в направлении рыночной экономики.

Экономический рост центральноазиатских государств по-прежнему во многом зависит от экспорта биржевых товаров (все страны региона) и от экспорта рабочей силы (Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан). По этой причине экономики их чувствительны к внешним шокам. Волатильность мировых товарных рынков создает риски для устойчивого долгосрочного экономического роста, попадающего в зависимость от валютной

³ Index of Economic Freedom (The Heritage Foundation).

выручки (OECD, 2018). В экспорте стран Центральной Азии преобладают поставки продукции топливно-энергетического сектора (Казахстан, Туркменистан), драгоценных металлов (Узбекистан, Кыргызстан), руд и металлов (Таджикистан, Казахстан).

Денежные переводы трудовых мигрантов — существенный источник поддержки потребительского спроса для ряда стран региона. В Таджикистане и Кыргызстане денежные переводы составляют около 25% ВВП. В Узбекистане их доля ниже, но уровень зависимости потребления от доходов мигрантов сохраняется высоким (около 15% ВВП). Низкие доходы населения ограничивают потенциал развития сферы услуг.

Отсутствие выхода к открытому морю сдерживает торгово-экономический потенциал региона. Центральноеазиатские страны удалены от основных центров мировой экономической активности. Несмотря на близость региона к Китаю, транспортная доступность к рынку этой страны также затруднена. Горный ландшафт в регионе препятствует развитию транспортных связей как с миром, так и внутри региона (Starr, 2007). Неразвитая конкуренция на рынке транспортных услуг, сохраняющиеся барьеры при пересечении границ являются фактором повышенных транспортных расходов. По оценкам экспертов, из-за более высоких транспортных издержек ВВП стран, не имеющих выхода к морю, растет на 1,5% медленнее, а товарооборот на 30% меньше, чем ВВП и товарооборот стран, имеющих выход к морю (Лисоволик, 2017). Высокие транспортные издержки вызваны, помимо этого, недостатком транспортных сетей, высокой стоимостью и низким качеством транспортных и логистических услуг в регионе, а также трудностями с перемещением через границы (Das, 2018). Неразвитое воздушное сообщение ограничивает туризм, торгово-инвестиционные связи, деловые контакты, в том числе с другими азиатскими государствами.

Большую роль в развитии транспортной связанности должна сыграть «мягкая» транспортная инфраструктура. Таможенные процедуры и прочие правила, регламентирующие торговлю, находятся на разных уровнях развития. Согласованность между странами в этих вопросах недостаточна для динамичного развития региональных и внешних торговых связей (Das, 2018). Из-за недостатков в инфраструктуре, таможенных и технических ограничений транзитный потенциал региона реализуется не полностью (Dankov, 2020).

Водно-энергетический комплекс Центральной Азии является основой социально-экономической стабильности региона. Ослабление сотрудничества в ВЭК Центральной Азии в 2000-х гг. совпало с периодом быстрого увеличения нагрузки на энергетический сектор. Высокий износ инфраструктуры ВЭК приводит к потерям электроэнергии и дефициту водных ресурсов. Отсутствие согласованности в использовании водных ресурсов ведет к серьезным наводнениям в странах, расположенных в нижнем течении (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан), и к летним засухам и нехватке электроэнергии — в странах в верхнем течении (Кыргызстан и Таджикистан) (Винокуров и Либман, 2012). Основные проблемы связаны с нарастающим дефицитом пресной воды. Истощение водных ресурсов в бассейне Аральского моря будет продолжаться в силу демографических факторов, предполагающих сохранение высоких темпов роста населения и увеличение уровня потребления и урбанизации в регионе, а также из-за возможного расширения площади орошаемых земель (Винокуров, Ахунбаев, Усманов и др., 2021).

Создание новых высокопроизводительных рабочих мест — один из основных вызовов для будущего экономического роста стран Центральной Азии. Ввиду слабого развития частного сектора темпы создания дополнительных рабочих мест отстают от динамики прироста населения, что стимулирует трудовую миграцию. Сохраняющийся демографический бум усиливает дефицит рабочих мест. В экономике Узбекистана в среднем создается около 280 тыс. новых рабочих мест в год (в чистом выражении) — при том что только по демографическим причинам ежегодно необходимо 600 тыс. (Всемирный банк, 2019). В этой связи проблема безработицы остается крайне актуальной — ее

уровень колеблется в диапазоне от 2% до 9%. Общее количество официальных безработных превышает 2 млн человек. Сохраняются высокие уровни неформальной занятости. Значительная доля безработных не регистрируется из-за нежелания проходить бюрократические процедуры и неграмотности (Dankov, 2020).

При этом страны испытывают дефицит квалифицированных кадров, которых не хватает в здравоохранении, образовании, промышленности, транспорте и жилищно-коммунальной сфере (Dankov, 2020). Значительная доля занятых сосредоточена в низкопроизводительном секторе сельского хозяйства. Модернизация системы образовательных услуг — еще один серьезный вызов для будущего развития региона. В Казахстане формирование пула высококвалифицированных кадров стало одним из ключевых ориентиров на долгосрочную перспективу. К примеру, государственная стипендиальная программа «Болашак» расширила возможности получения образования, что способствует развитию человеческого капитала и несет потенциал для наращивания производительности труда и эффективности производства.

Центральноазиатские государства сильно уязвимы перед изменением климата. По прогнозам, регион будет становиться более жарким. Это может стать серьезной преградой для роста и развития сельского хозяйства. К климатическим вызовам также чувствительна сфера водно-энергетического комплекса. Изменение климата — это социально-экологическая проблема, которая влечет риск для продовольственной безопасности и благополучия населения, поскольку в сельском хозяйстве занята существенная доля населения региона.

Макроэкономическая стабильность центральноазиатских стран повышается. Вместе с тем инфляция сохраняется высокой, а фискальные риски в отдельных странах усилились. За последние 10 лет уровень государственного долга увеличился в большинстве стран региона. Наибольший уровень долга в Кыргызстане и Таджикистане — 61% и 46,5% ВВП соответственно в 2021 г. В структуре обязательств этих стран доминируют внешние заимствования, номинированные в иностранной валюте, что повышает фискальные риски. При этом наибольший темп роста долгового бремени имеет Узбекистан, где с 2016 по 2021 г. государственный долг вырос почти на 30 п.п. — до 36,8% ВВП.

Инфляция, несмотря на ее постепенное замедление, остается нестабильной и превышает среднемировое значение. В 2021 г., по данным МВФ, рост цен в ряде стран Центральной Азии (Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан) выражался двузначным числом. За последние 10 лет наибольшая инфляция была в Узбекистане — цены выросли в три раза. В Казахстане и Туркменистане — в два раза. Для борьбы с высокой инфляцией многие страны региона переходят к политике инфляционного таргетирования.

Последствия пандемии привели к ухудшению макроэкономической стабильности стран Центральной Азии. Структурные особенности экономик региона предопределили их уязвимость перед последствиями пандемии. До вспышки COVID-19 уровни международных резервов и долгового бремени считались в целом приемлемыми для всех стран Центральной Азии. Резкое снижение цен на сырьевые товары и объема денежных переводов, а также высокая стоимость пакетов финансовой поддержки со стороны правительств привели к увеличению долгового бремени и к давлению на национальные валюты (OECD, 2020).

Благополучие региона во многом будет связано с настройкой выгодного для центральноазиатских государств формата экономического сотрудничества с Китаем и Россией и с использованием транзитных возможностей. Другие мировые экономические центры будут влиять на регион в меньшей степени. ЕС в основном выступает в качестве консультирующей стороны, фокусируясь на таких сферах экономики, как управление и водная безопасность (Spaiser, 2018). Значение Центральной Азии для США постепенно

снижается (Rumer et al., 2016). Однако США продолжают реализовывать отдельные программы (например, USAID⁴).

Китай становится значимым геополитическим и экономическим действующим игроком в регионе (Rumer et al., 2016). В рамках инициативы «Один пояс, один путь» экономики центральноазиатских государств получают отличный шанс ускорить реализацию межгосударственных инфраструктурных проектов (Pieper, 2021). При этом Китай заинтересован в импорте энергоресурсов и твердых полезных ископаемых, а также в расширении рынков сбыта для своих товаров. За последние 10 лет Китай стал основным кредитором для ряда стран Центральной Азии. Резко возрос внешний долг перед Китаем в Кыргызстане и Таджикистане (OECD, 2020).

Геополитические риски значимо влияют на устойчивость развития региона. Внутренние риски связаны с нерешенными приграничными спорами, которые во многом обусловлены растущим дефицитом ресурсов, главным образом водных. В Ферганской долине страны имеют политические, экономические и социальные разногласия. Наличие анклавов создает трудности для перемещения населения и товаров. Из-за нерешенных вопросов делимитации и демаркации кыргызско-таджикской границы регулярно возникают конфликтные ситуации. Все это сдерживающе влияет на торгово-инвестиционное развитие стран региона. Существенным внешним геополитическим риском для центральноазиатских государств является санкционное давление на экономику России. Зависимость от торговли с Россией, работы мигрантов в России, инвестиций российских компаний повышает риски всплесков волатильности роста и замедления экономического развития стран региона. Если экономическая ситуация в России будет улучшаться медленно, экономические связи региона, вероятно, будут более интенсивно укрепляться с Турцией и азиатскими странами.

⁴ United States Agency for International Development (USAID) в Центральной Азии.

10. ТОРГОВО-ИНВЕСТИЦИОННЫЕ СВЯЗИ: УКРЕПЛЕНИЕ ВЗАИМОВЫГОДНОГО ПАРТНЕРСТВА

Торговля государств Центральной Азии

Географическая близость стран региона и схожесть культурных устоев создают благоприятные условия для торгово-экономического сотрудничества. Однако различия в экономических моделях развития и сохраняющиеся барьеры сдерживают углубление межгосударственных связей. Тем не менее значимость взаимной торговли товарами по отношению к внешнеторговому обороту повышается, укрепляется инвестиционное сотрудничество. Это также определяет необходимость нового взгляда на регион.

Региональная торговля в целом сталкивается с ограничениями со стороны структурных экономических и институциональных особенностей стран региона. Горный ландшафт, требующий значительно больших инвестиций в создание надежной и удобной транспортной инфраструктуры, недостаточно развитые транспортно-логистический и финансовый сервисы, несогласованность регуляторной среды, таможенных процедур также входят в число основных барьеров для роста региональной торговли в Центральной Азии (Абдымомунова и др., 2018; Институт АБР, 2015).

Несмотря на трудности, взаимная торговля стран региона развивается опережающими темпами по отношению к внешней, ее вес в общем товарообороте увеличивается. Значительный импульс развитию и увеличению объемов внутрирегиональной торговли после 2017 г. придал Узбекистан. Структура взаимной торговли до недавнего времени носила преимущественно аграрно-сырьевой характер. Вместе с тем развитие промышленного производства и производственная кооперация способствуют увеличению объемов несырьевого экспорта, а приток инвестиций в регион — несырьевого импорта.

В 2021 г. внешнеторговый оборот товаров стран Центральной Азии составил 165,5 млрд долл. (см. рисунок 27). Доля Казахстана — 61,4%, Узбекистана — 22,9%, Туркменистана — 7,7%, Кыргызстана — 4,4%, Таджикистана — 3,6%. За прошедшие 20 лет этот показатель вырос в шесть раз. Пандемия COVID-19 привела к сокращению внешнеторгового оборота в 2020 г., однако уже в 2021 г. торговля в большинстве стран региона восстановилась. Объем торговли товарами относительно ВВП находится на достаточно устойчивом уровне с 2018 г., составив около 49% в 2021 г. Регион в целом имеет положительный торговый баланс — за счет положительного баланса Казахстана и Туркменистана. Достигнув максимального значения в 2011 г., торговое сальдо постепенно снижается вследствие опережающего роста импорта. Во внешнеторговом обороте стран Центральной Азии преобладают товары, доля услуг составила всего 12% в общем объеме торговли товарами и услугами по итогам 2020 г.

Доходы от сырьевого экспорта остаются одним из основных факторов развития стран Центральной Азии. На минеральные продукты в 2021 г. приходилось более 50% экспорта товаров региона, а еще почти 16% обеспечивала продукция металлургии. По-прежнему сохраняется экспортная полярность ЦА. Поставки Туркменистана за рубеж практически на 90% представлены топливно-энергетическими товарами. В Казахстане они

составляют почти 60% экспорта, значимой позицией здесь также является продукция металлургии. Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан в значительной степени полагаются на поставки за рубеж золота. Кроме того, Узбекистан и Кыргызстан специализируются на экспорте продовольствия, а Таджикистан — рудных концентратов и металлов. В импорте стран Центральной Азии доминируют машины, оборудование и транспортные средства, на которые в 2021 г. приходилась треть поставок (см. рисунок 29). Это является отражением догоняющего развития, накопления капитала и роста инвестиций.

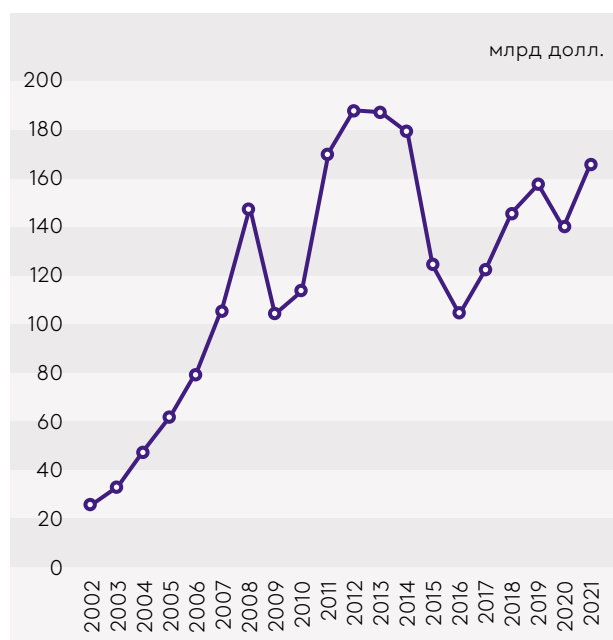
Россия и Китай являются основными торговыми партнерами стран Центральной Азии. За последние 20 лет торговля с Китаем росла опережающими темпами по отношению к объемам торговли с Россией. В 2021 г. доля товарооборота стран Центральной Азии с Россией составила 21,6%, с КНР — 20,4%. Нахождение центральноазиатских стран на стыке транспортных коридоров между Китаем и Россией создает возможности для развития транзитного потенциала — как для транспортировки товаров, так и для вовлечения центральноазиатских стран в трансграничные производственные цепочки. Крупным торговым партнером для стран региона также является Турция (см. таблицу 6), а для Казахстана — страны ЕС, куда поставляется казахстанская нефть.

↓ Таблица 6. Доля основных торговых партнеров в товарообороте стран Центральной Азии в 2021 г., %

Страна → торг. партнер ↓	в том числе:					
	Страны ЦА	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Россия	21,6	23,9	31,6	22,5	6,7	18,6
КНР	20,4	17,9	21,1	14,0	51,0	17,5
Турция	6,0	4,0	5,7	6,5	13,1	8,7
Страны ЦА	9,9	6,2	21,2	28,0	8,5	13,9

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных Trade Map.

↓ Рисунок 27. Внешнеторговый оборот товаров стран Центральной Азии

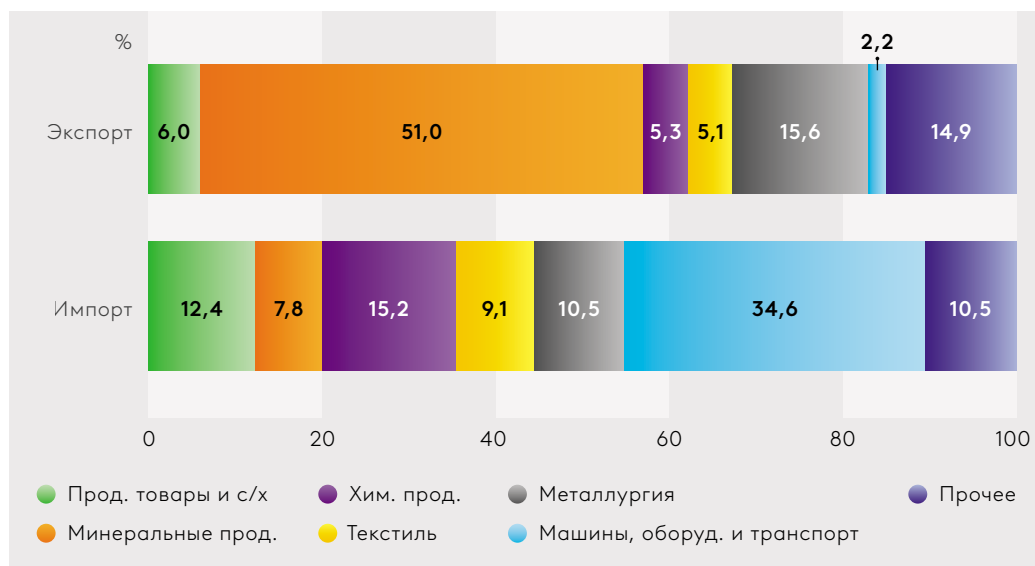

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных Trade Map.

↓ Рисунок 28. Внешняя и взаимная торговля товарами стран Центральной Азии

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных Trade Map, Управления статистики внешнеэкономической деятельности и торговли РУ.

← Рисунок 29. Структура внешней торговли товарами стран ЦА в 2021 г.

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных национальных ведомств стран ЦА, Азиатского банка развития, Всемирного банка, Trade Map.

С Китаем товарооборот стран Центральной Азии за 20 лет вырос более чем в 25 раз. Для сравнения, общая внешняя торговля Китая выросла за этот период в девять раз. По данным центральноазиатских государств, торговля с КНР составила 33,7 млрд долл. в 2021 г. (20,4% в общем объеме торговли) (см. [врезку 1](#)). Наибольший рост товарооборота Китая произошел с Туркменистаном — в 200 раз. Туркменистан наиболее сильно связан с КНР, практически весь объем его экспорта в Китай приходится на природный газ, поставляемый с 2009 г. по магистральному газопроводу Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай ([Алифинова, 2022](#)). Объемы торговли Китая с Узбекистаном и Таджикистаном выросли более чем в 100 раз, с Кыргызстаном — в 24 раза, с Казахстаном — в 16 раз. Китай также становится одним из важных направлений экспорта продукции стран Центральной Азии. С 2016 г. этот экспорт вырос на 42,8% — до 16,4 млрд долл. в 2020 г. ([Алимов, 2022](#)). Китай стремится довести товарооборот с регионом до 70 млрд долл. к 2030 г., в том числе открывая доступ товарам и сельскохозяйственной продукции стран ЦА к своему внутреннему рынку ([Цзиньпин, 2022](#)).

Врезка 1

По данным китайской стороны, товарооборот КНР со странами Центральной Азии составил 44,5 млрд долл. в 2021 г. Данные по взаимной торговле стран ЦА и КНР существенно расходятся (44,5 против 33,7 млрд долл.). Наибольшие абсолютные расхождения связаны с Казахстаном (около 6 млрд долл.). Основными причинами статистических расхождений являются, во-первых, учет китайской таможенной транзитных товаров, следующих через государства Центральной Азии, с которыми граничит КНР, в частности через Казахстан, во-вторых, завышение китайскими экспортерами цен перед национальной таможенной для увеличения сумм возврата НДС за вывезенные товары. Занижение импортных цен также может быть одной из причин ([Zakon.kz](#)).

Россия остается в числе приоритетных торговых партнеров. Торговые потоки Казахстана, Таджикистана и особенно Кыргызстана в значительной степени ориентированы на Россию ([Vinokurov, 2018](#)). Внешнеторговый оборот России с Центральноазиатским регионом составил 35,8 млрд долл. в 2021 г. (21,6% в общем объеме торговли

центральноазиатских стран). Объемы торговли выросли с 2001 г. (6,3 млрд долл.) примерно в шесть раз. Россия имеет положительное торговое сальдо с каждой из стран Центральной Азии. Общее сальдо — 18,3 млрд долл. в 2021 г. Торговля России с Казахстаном составляет 69% к общему объему. Наибольший отрицательный баланс в торговле с Россией имеет Таджикистан — объемы импорта российских товаров превышали экспорт в эту страну в 11 раз в 2021 г.

Вместе с тем роль России в товарообороте некоторых стран Центральной Азии постепенно снижается. Так, доля России во внешнеторговом обороте Узбекистана за последние 10 лет снизилась на 11,8 п.п., тогда как доля торговли республики с КНР выросла на 5 п.п., с Турцией — на 3,5 п.п. Снижение удельного веса России в торговле с Таджикистаном составило 5,5 п.п. с 2014 по 2021 г. На этом фоне увеличилась доля торговли Таджикистана с Узбекистаном и Казахстаном за тот же период — на 7,4 и 3,9 п.п. соответственно. Во внешнеторговом обороте Казахстана, формирующего основную часть объемов торговли всего региона, доля России выросла на 6,8 п.п. за последние 10 лет. При этом удельный вес стран Азии в торговле Казахстана увеличился на 8,3 п.п., в частности, с Южной Кореей — на 1,7 п.п., с Индией — на 1,6 п.п., с КНР — на 1,4 п.п., с Турцией — на 1,4 п.п.

Товарооборот между странами Центральной и Южной Азии имеет потенциал для расширения. Для Центральной Азии торговля с Южной Азией составляет пока около 2,5% к общему внешнеторговому обороту. Однако центральноазиатские страны видят перспективы наращивания экспортных поставок в Южную Азию, в частности нефти и газа, а также заинтересованы в увеличении ассортимента импортной продукции, в первую очередь техники и товаров народного потребления. Несмотря на территориальную близость региона к Индии, Пакистану и другим странам Южной Азии, развитие торговли сдерживается отсутствием прямых транспортных маршрутов. Развитие МТК «Север — Юг» и транспортных маршрутов через Афганистан в Иран и Пакистан будет способствовать выходу товаров стран Центральной Азии как на рынки Южной Азии, так и на мировой рынок через инфраструктуру морских портов Персидского залива. В частности, Узбекистан активизировал торговлю с Южной Азией — в 2022 г. им впервые было импортировано мясо из Пакистана и начата проработка возможностей импорта пшеницы из этой страны. Также Узбекистан развивает торговлю с Индией ([Министерство инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан, 2022а](#)).

Суммарный товарооборот стран ЦА динамично растет и составил 16,4 млрд долл. в 2021 г. Доля взаимной торговли выросла с 6,4% в объеме внешней торговли в 2014 г. до 9,9% в 2021 г. ([см. рисунок 28](#)). Это свидетельствует об успехах развития регионального сотрудничества. Вместе с тем в структуре взаимной торговли в регионе большую роль по-прежнему играют аграрно-сырьевые товары. Например, в экспорте Туркменистана в Узбекистан преобладает минеральное топливо (92% в структуре экспорта), в экспорте Таджикистана в Казахстан — руды (91%), в экспорте Казахстана в Узбекистан — злаки (29%).

Внутрирегиональная торговля стран Центральной Азии является наиболее значимой для Таджикистана и Кыргызстана — 28,0% и 21,2% соответственно к общему объему внешней торговли этих стран ([см. таблицу 6](#)). При этом, несмотря на общую границу, торговые связи между Таджикистаном и Кыргызстаном одни из наиболее слабых в регионе — 0,3% от объема взаимной торговли стран Центральной Азии. Торговля Таджикистана и Кыргызстана внутри региона ориентирована в основном на Казахстан и Узбекистан. Наибольшие объемы взаимной торговли имеют Казахстан и Узбекистан ([см. таблицу 7](#)). Доля их товарооборота в общем объеме взаимной торговли Центральной Азии составила 45,2% в 2021 г. Другие значимые торговые связи в регионе: торговля Казахстана и Таджикистана (13,6%), Казахстана и Кыргызстана (11,7%), Кыргызстана и Узбекистана (11,1%).

Удельный вес Казахстана в объеме взаимной торговли товарами стран Центральной Азии составил 80,9% в 2021 г., из них более половины приходится на товарооборот с Узбекистаном. Автомобили являются важной статьёй взаимной торговли обеих стран (Латипов, 2022). С 2010 г. объем торговли Казахстана со странами Центральной Азии вырос с 2,5 до 6,3 млрд долл. При этом интенсивный рост начался с 2017 г., и основным драйвером стала торговля с Узбекистаном. Доля стран Центральной Азии во внешне-торговом обороте Казахстана увеличилась с 2,8% в 2010 г. до 6,2% в 2021 г.

↓ Таблица 7. Доля экспорта стран в другие страны ЦА в общем объеме взаимной торговли товарами стран ЦА (по экспорту) в 2021 г., %

Страна-импортер → Страна-экспортер ↓	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Казахстан		7,3	9,3	2,5	33,2
Кыргызстан	4,4		0,3	0,1	2,1
Таджикистан	4,2	0,1		0,0	1,5
Туркменистан	8,0	0,4	0,3		0,5
Узбекистан	12,0	9,0	3,8	1,1	

Источник: расчеты ЕАБР на основе данных Trade Map.

Узбекистан начал наращивать внешнюю торговлю, в том числе со странами Центральной Азии, с 2017 г. на фоне проведения экономической либерализации. Доля стран Центральной Азии во внешнеторговом обороте Узбекистана возрастает, что указывает на опережающий рост его торговли со странами региона. С 2016 г. объем торговли товарами и услугами Узбекистана со странами Центральной Азии вырос в 2,6 раза — до 6,3 млрд долл. в 2021 г. (объем торговли только товарами составил 5,9 млрд долл. в 2021 г.). Доля стран Центральной Азии в объеме внешней торговли Узбекистана увеличилась на 5 п.п. до 15,1%.

Туркменистан имеет наименьшие объемы и удельный вес торговли со странами региона. Во многом это следствие политики полного нейтралитета. Товарооборот со странами Центральной Азии составил 1,1 млрд долл. в 2021 г., что в 1,5 раза меньше объемов торговли в регионе менее крупных по уровню ВВП стран — Таджикистана и Кыргызстана. Торговля Туркменистана в основном связана с соседним Узбекистаном, доля которого в объеме торговли Туркменистана с центральноазиатскими странами составила 71,4%.

Развитию взаимной торговли центральноазиатских государств будут способствовать как структурные факторы (создание торгово-логистической инфраструктуры в приграничных зонах, совместных оптово-распределительных центров и логистических сервисов, развитие финансового сектора и др.), так и политические меры — улучшение тарифных и нетарифных условий, укрепление взаимодействия таможенных и налоговых органов стран, гармонизация правил торговли через использование преимуществ ЕАЭС (единая таможенная территория) (Винокуров и др., 2017) и механизмов ВТО (СУПТ и др.). Большую роль будет играть цифровизация торговли. Цифровые меры по упрощению процедур торговли могут принести значительные выгоды странам региона. Внедрение мер ВТО СУПТ может снизить торговые издержки более чем на 11%, а беспрепятственный электронный обмен данными и документами через границы — более чем на 20% (UNESCAP, 2021).

Расширение потенциала торговых отношений стран региона в перспективе будет связано с переходом к торговле продуктами с высокой добавленной стоимостью. Это станет возможным через укрепление промышленной кооперации, создание региональных

цепочек добавленной стоимости, использование сравнительных преимуществ экономик. Важными аспектами остаются также дальнейшее развитие деловой среды, привлечение внешних инвестиций, технологий и высококвалифицированных специалистов в несырьевые отрасли, создание собственной базы подготовки кадров и повышения квалификации.

Инвестиции в Центральноазиатском регионе

Страны Центральной Азии сделали рывок в рейтинге Doing Business⁵. Вместе с тем страны по-прежнему находятся на разных уровнях инвестиционной привлекательности. Казахстан среди стран региона имеет наилучшие позиции, занимая 25-е место среди 190 стран мира в рейтинге Doing Business 2020 г., он поднялся на 57 позиций за 15 лет. Узбекистан поднялся в этом рейтинге на 82 ступени (69-е место в 2020 г.), Кыргызстан и Таджикистан — на 24 (80-е и 106-е места соответственно).

Объем накопленных центральноазиатскими государствами входящих иностранных инвестиций составляет 211 млрд долл. (см. таблицу 8). Страны региона являются чистыми импортерами прямых инвестиций. Основные преимущества региона — макроэкономическая стабильность, масштабные запасы природных ресурсов, большой внутренний рынок, низкая стоимость рабочей силы, агропромышленный потенциал (Абдымомунова и др., 2018). С 2010 по 2021 г. объем накопленных входящих инвестиций увеличился в 2,1 раза, с 2000 г. — в 17,2 раза. Опережающими темпами привлекал прямые инвестиции Узбекистан — объем инвестиций вырос в 4,4 раза с 2010 г. (UNCTAD, 2022).

Уровень ПИИ относительно ВВП Центральной Азии опережает среднемировые значения, составляя 61% против 47% в 2021 г. Однако в Таджикистане и Узбекистане показатель ниже (38% и 16% соответственно). А в других странах ПИИ в основном формируются за счет вложений в сырьевые сектора. Так, по итогам 2021 г. 71% накопленных ПИИ в Казахстане приходится на добычу нефти и газа. По оценкам экспертов (Абдымомунова и др., 2018), за исключением добывающих отраслей уровень ПИИ в Центральной Азии относительно ВВП ниже, чем в других развивающихся регионах.

Инвестиционные проекты в регионе редко являются элементом глобальных цепочек поставок. Сельское хозяйство и трудоемкие перерабатывающие отрасли промышленности получают недостаточно инвестиций (Институт АБР, 2015). Значительный инвестиционный потенциал имеют такие отрасли региона, как переработка сельскохозяйственной продукции, нефтехимический сектор, туризм (Абдымомунова и др., 2018).

↓ Таблица 8. Накопленные ПИИ, поступившие в страны ЦА, млн долл.

	2000	2010	2021
Казахстан	10 078	82 648	151 953
Кыргызстан	432	1 698	4 233
Таджикистан	136	1 226	3 198
Туркменистан	949	13 442	40 775
Узбекистан	698	2 564	11 278
Страны ЦА	12 293	101 578	211 437

Источник: составлено ЕАБР по данным UNCTAD, 2022.

⁵ Рейтинг стран проводился Всемирным банком с 2006 по 2020 г. Туркменистан в рейтинге не представлен.

Казахстан привлек наибольший объем ПИИ среди стран региона — 151,9 млрд долл. из 211,4 млрд долл. Всего за последние 30 лет экономика Казахстана получила более 370 млрд долл. иностранных инвестиций. Крупнейшие инвесторы — Нидерланды (101 млрд долл.), США (46,2 млрд долл.) и Швейцария (28,5 млрд долл.) (Сарсенова, 2022).

Инвестиции КНР в Центральноазиатский регион по объему в два раза больше российских. Объем китайских прямых инвестиций в страны Центральной Азии приблизился к 40 млрд долл. по состоянию на конец 2020 г. Объем китайских ПИИ в Казахстане достиг 21,4 млрд долл., в Узбекистане — более 10 млрд долл., в Кыргызстане — 4,6 млрд долл., в Таджикистане — более 3 млрд долл. Число китайских компаний в составе совместных предприятий и с собственным 100% капиталом в Центральноазиатском регионе достигло 7,7 тыс. на конец 2021 г. В Казахстане зарегистрировано 2,7 тыс. предприятий с китайским участием и 798 совместных предприятий. В Узбекистане с 2017 г. их численность возросла в 1,5 раза и приблизилась к 2 тыс. (Алимов, 2022).

По данным Банка России, объем накопленных прямых инвестиций России в Центральноазиатский регион составил 4,9 млрд долл. по состоянию на 01.01.2022. Россия с 2010 г. увеличила инвестиции в регион на 1,8 млрд долл., в Казахстан с опережающими темпами. Однако более полную оценку российским инвестициям в регион дает база данных Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР в силу своей методологии (см. врезку 2). По данным МВИ ЕАБР, объем накопленных прямых инвестиций России в страны региона составляет 21,7 млрд долл. Российские инвестиции в Казахстан составили 11,1 млрд долл., в Узбекистан — 8,9 млрд долл., в Кыргызстан — 0,9 млрд долл., в Таджикистан — 0,6 млрд долл. Россия остается основным донором инвестиций для стран ЦА среди постсоветских государств. Например, в Таджикистане более 95% постсоветских ПИИ — из России, в Узбекистане — 98,5%. Доминирующее присутствие крупных инвестиций российских сырьевых компаний постепенно дополняется растущими инвестициями российских сельскохозяйственных и обрабатывающих предприятий (Кузнецов, Винокуров, 2021). В центральноазиатских странах функционирует более 10 тыс. российских и совместных предприятий, создающих 900 тыс. рабочих мест (Лавров, 2022).

Врезка 2

База данных МВИ ЕАБР является постоянно действующим проектом ЦИИ ЕАБР и содержит детальные сведения о взаимных накопленных ПИИ по проектам инвесторов из стран СНГ и Грузии. Мониторинг ведется с 2012 г. на основании разносторонней информации, полученной из открытых источников. База формируется по принципу «снизу вверх», то есть ее составители отталкиваются от отчетности компаний и другой первичной информации. В результате МВИ ЕАБР позволяет адекватно учитывать такие факторы, как инвестиции через офшоры и другие «перевалочные базы». В этом отличие базы данных МВИ ЕАБР от официальной статистики.

Инвестиционные связи внутри региона постепенно развиваются. Казахстан является главным внутренним инвестором. За последние 15 лет Казахстан вложил более 1 млрд долл. в Кыргызстан (Kapital.kz, 2021). Объем накопленных казахстанских инвестиций в Таджикистан приблизился к 500 млн долл. в 2021 г., что в 20 раз превышает уровень 2013 г. (Назаров, 2021). Казахстан нацелен на реализацию совместных со странами региона крупных инфраструктурных проектов и развитие производственной кооперации. Казахстанско-узбекское сотрудничество в сфере промышленной кооперации

имеет высокую динамику ([Официальный информационный ресурс премьер-министра Республики Казахстан, 2021b](#)). Особое значение придается сотрудничеству в автомобильной отрасли. Кроме того, ведется сотрудничество в финансовой сфере, легкой промышленности и других секторах экономики ([Газета.uz, 2019](#); [Yassy-tur.kz, 2020](#)).

В 2021 г. началось строительство международного центра торгово-экономического сотрудничества Казахстана и Узбекистана «Центральная Азия». МЦТЭС «Центральная Азия» станет крупной промышленной и торгово-логистической площадкой для реализации совместных инвестиционных проектов Казахстана и Узбекистана, позволит развивать промышленную кооперацию двух стран и будет интегрирован с ключевыми транспортными коридорами ([CAAN, 2021](#)). В планах Казахстана создание и модернизация таких же центров на границах с Россией, Китаем, Кыргызстаном и принятие Единой стратегии развития трансграничных хабов ([Capital.kz, 2022](#)).

Для стимулирования инвестиционного партнерства Узбекистан вместе с Таджикистаном и Кыргызстаном создает фонды развития. Узбекско-Кыргызский фонд развития и Узбекско-Таджикский инвестиционный фонд нацелены на поддержку и продвижение реализации перспективных совместных проектов в различных отраслях экономики ([Министерство инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан, 2022b](#); [Avesta, 2021](#)).

Основной вклад в развитие региона продолжат оказывать инвестиции основных торговых партнеров — Китая и России. Развитие добрососедских отношений с ними, а также со странами Южной Азии и другими государствами будет придавать импульс устойчивому росту центральноазиатских стран. Ключевая задача — привлечение ПИИ в несырьевые отрасли, включая инвестиции в трудоемкие отрасли и АПК. Эффекты вхождения в регион иностранных компаний будут сопряжены с ускоренным технологическим ростом, развитием сферы услуг.

Совместные мероприятия центральноазиатских государств могут стать дополнительным инструментом привлечения иностранных инвестиций. Так, в 2022 г. в рамках Первого Ташкентского международного инвестиционного форума Узбекистан выдвинул инициативу по созданию интегрированного инвестиционного пространства, объединяющего страны региона ([Министерство инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан, 2022a](#)).

Немаловажную роль по-прежнему будут играть программы и финансовая поддержка международных организаций и банков развития (структуры системы ООН, ВБ, АБР, ЕБРР, ИБР, ЕАБР и др.), содействующие сплочению стран региона, продвижению устойчивых механизмов долгосрочного развития, реализующие программы технической помощи и инфраструктурные проекты, способные стать важными стратегическими ориентирами для раскрытия инвестиционного и экспортного потенциала региона ([Batsaikhan and Dabrowski, 2017](#)).

Торговля и инвестиции стран Центральной Азии должны становиться более климатически ориентированными. По оценкам ЭСКАТО ООН, вклад стран Центральной Азии в ограничение климатических изменений мог бы быть увеличен в соответствии с передовым опытом стран Азиатско-Тихоокеанского региона — например, можно использовать цифровые технологии для упрощения торговых процедур ([UNESCAP, UNEP, UNCTAD, 2021](#)). Это позволит укрепить конкурентоспособность товаров, производимых в странах Центральной Азии, на фоне ужесточения требований по снижению выбросов парниковых газов.

Государственные программы поддержки торговли и инвестиций

↓ Рисунок 30. Институты и механизмы поддержки торговли и инвестиций центральноазиатских стран

Казахстан	Кыргызстан	Узбекистан	Таджикистан	Туркменистан
Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен»	Государственное предприятие «Центр «единого окна» в сфере внешней торговли» при Министерстве экономики и коммерции Кыргызской Республики	Агентство продвижения экспорта при Министерстве инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан	Агентство по экспорту при Правительстве Республики Таджикистан	Торгово-промышленная палата Туркменистана
Международный финансовый центр «Астана»	Национальное агентство по инвестициям при Президенте Кыргызской Республики	Агентство по привлечению иностранных инвестиций при Министерстве инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан	Государственное унитарное предприятие «Таджинвест»	АО закрытого типа «Туркменская инвестиционная компания»
АО «QazTrade», АО «Экспортная страховая компания «KazakhExport»	Торговый портал export.gov.kg Инвестиционный портал invest.gov.kg	Программа «Made in Uzbekistan»	Торговый портал tajtrade.tj Инвестиционный портал tajinvest.tj	Центр поддержки экспортеров (проект)
Экспортный портал export.gov.kz	Экспортно-импортный банк (проект)	Ежегодное проведение Ташкентского международного инвестиционного форума	Агентство по страхованию экспорта (проект) Фонд развития экспортеров (проект)	
Другие институты и механизмы поддержки торговли и инвестиций				
Программы международных организаций и источники льготных финансовых ресурсов				
Специальная программа ООН для стран Центральной Азии (СПЕКА) 				
Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) 				
   				
    				

Источник: ЕАБР.

Для привлечения инвестиций и повышения своей конкурентоспособности на внешних рынках страны Центральной Азии реализуют масштабные государственные программы и принимают участие в крупных международных инициативах (см. рисунок 30), открывающих для региона уникальные возможности реализации экономического потенциала.

Так, в **Казахстане** реализован ряд комплексных программ, включая Государственную программу инфраструктурного развития «Нурлы жол» на 2020–2025 гг., цель которой — развитие эффективной транзитной, экспортной и логистической инфраструктуры для реализации экспортной политики страны. Запущен целый ряд государственных инициатив, таких как «Экономика простых вещей», «Дорожная карта бизнеса». Утверждены десять национальных проектов продолжительностью до 2025 г. включительно, призванных повысить эффективность реализации стратегии «Казахстан-2050» (Эксперт, 2021). В стране действует программа «Национальная экспортная стратегия Республики Казахстан» на 2018–2022 гг., нацеленная на формирование единой и целостной политики по обеспечению условий для роста несырьевого экспорта в два раза к 2025 г. и в три раза — к 2040 г.

Также в Казахстане действуют специальные институты, такие как Совет иностранных инвесторов под председательством главы государства, Банк развития Казахстана, Национальная палата предпринимателей РК «Атамекен» и действующая на ее основе

Внешнеторговая палата Казахстана. В частности, «Атамекен» уполномочена оказывать содействие экспортерам в рамках государственной программы, которая предусматривает возмещение затрат субъектам индустриально-инновационной деятельности, выпускающим отечественные обработанные товары. К институтам, реализующим ключевые программы, относятся также Аграрная кредитная корпорация, экспортно-кредитная страховая корпорация «КазЭкспортГарант», национальное агентство по экспорту и инвестициям KAZNEX INVEST, развивающийся единый оператор поддержки экспорта Kazexport и экспортная страховая компания KazakhExport, которая к 2023 г. стремится стать ключевым институтом развития в реализации государственной внешнеэкономической политики Казахстана в Центральноазиатском регионе и странах ЕАЭС. С 2021 г. в Казахстане начал работу экспортный портал export.gov.kz, который позиционируется в качестве одного из базовых проектов в сфере цифровизации торговли Казахстана. Им управляет единый оператор мер государственной поддержки отечественных экспортеров — Центр развития торговой политики QazTrade. Меры по цифровизации экспортной поддержки и развитию инструментов субсидирования экспортных кредитов в линейке инструментов поддержки экспорта Казахстан осуществляет совместно с Азиатским банком развития ([Обзорно-аналитический портал Strategy 2050, 2021a](#)). Особую роль в привлечении инвестиций и развитии экспорта играют международный финансовый центр «Астана» (МФЦА) и Astana Hub. Так, МФЦА работает над внедрением новых инструментов на финансовом рынке, например, по развитию «зеленых» финансов и привлечению инвестиций для диверсификации экономики Казахстана и всего региона в целом, привлекая бизнес стран региона к работе в МФЦА. Astana Hub представляет собой международный технопарк IT-стартапов, который создает привлекательные условия для регистрации, развития и работы высокотехнологичных компаний как на территории Казахстана, так и по всему миру, оказывает помощь в развитии бизнеса и его выходе на международные рынки. Тем самым Казахстан создает возможности для всего региона.

В **Кыргызстане** поддержка национального внешнеторгового потенциала осуществляется в рамках принятых в 2018 г. Программы Правительства Кыргызской Республики по развитию экспорта Кыргызской Республики на 2019–2022 гг. и Плана мероприятий по ее реализации. Среди основных задач — создание фундамента для построения более привлекательного внешнеторгового режима, повышение конкурентоспособности товаров и ответственности производителей за выпускаемую продукцию. Основные усилия сфокусированы на поддержке плодоовощной и мясомолочной отраслей, экспорте бутилированной питьевой воды и туристических услуг. При Министерстве экономики Кыргызской Республики действует институт поддержки экспорта — государственное предприятие «Центр «единого окна» в сфере внешней торговли», которое, в частности, специализируется на осуществлении предтаможенных процедур в области импортно-экспортной деятельности и оказании консультационных услуг ([ЕЭК, 2019](#)). Непосредственно развитием экспорта и привлечением инвестиций в Кыргызстане занимается Агентство по продвижению и защите инвестиций Кыргызской Республики. В Национальной программе развития Кыргызской Республики до 2026 г., разработанной в рамках Национальной стратегии развития Кыргызской Республики до 2040 г., обозначены перспективы создания государственного Экспортно-импортного банка и запуска национальной экспортной программы «Сделано в Кыргызстане» в 2022–2026 гг. ([Министерство юстиции Кыргызской Республики, 2021](#)).

В **Узбекистане** ключевым ориентиром в контексте повышения экспортного потенциала и инвестиционной привлекательности является Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 гг. Стратегия предполагает, в частности, дальнейшее улучшение и повышение привлекательности инвестиционного климата в стране, принятие мер по привлечению в последующие пять лет инвестиций в объеме 120 млрд долл., в том числе 70 млрд долл. иностранных инвестиций. Причем Узбекистан нацелен наладить новую систему по эффективному использованию инвестиций и увеличению объемов экспорта

на основе принципа «снизу вверх» и довести объемы экспорта республики в 2026 г. до 30 млрд долл. ([Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан, 2022](#)). В рамках Стратегии привлечения иностранных и отечественных инвестиций до 2026 г. республика рассчитывает на приток инвестиций на основе ГЧП в объеме 14 млрд долл. в энергетическую, транспортную, водно-хозяйственную и коммунальную сферы, здравоохранение, образование, экологию и другие отрасли. Особый акцент Узбекистан делает на усилении партнерства отдельных областей страны с Индией, Китаем и Россией, расширении географии экспорта со 115 до 150 стран, а также на увеличении экспорта туристических, транспортных, информационных и иных услуг в 1,7 раза, до 4,3 млрд долл. Наконец, в рамках обозначенной стратегии Узбекистан планирует создание зон свободной торговли на приграничных с соседними государствами территориях.

В Таджикистане целям реализации экспортного и инвестиционного потенциала служат Государственная программа развития экспорта Республики Таджикистан на 2021–2025 гг., дополняющая Национальную стратегию развития Республики Таджикистан на период до 2030 г., а также Программа среднесрочного развития Республики Таджикистан на 2021–2025 гг. Последняя предусматривает, в частности, увеличение объема инвестиций в реальный сектор и инфраструктуру на 25%, усиление потенциала Агентства по экспорту при Правительстве Республики Таджикистан. Предполагается создание Агентства по страхованию экспорта Таджикистана и Фонда развития экспортеров Таджикистана — организаций, специализирующихся на страховании экспорта, а также формирование отраслевых экспортных кластеров, отраслевых программ по производству и переработке экспортной продукции и другие меры ([FAOLEX, 2021](#)).

В Туркменистане новые подходы в сфере развития экспорта и инвестиций будут сформулированы в разрабатываемой Национальной программе социально-экономического развития Туркменистана на 2022–2052 гг., которая должна актуализировать и усилить положения и мероприятия аналогичной программы на период 2011–2030 гг. ([Золотой век, 2022](#)). В Туркменистане с 2015 г. реализуются государственные программы по наращиванию объемов экспорта (общей стоимостью около 6,1 млрд долл.) и по производству импортозамещающей продукции (общей стоимостью 176 млн долл.). С целью привлечения иностранных инвестиций в 2021 г. было создано ЗАО «Туркменская инвестиционная компания», учредителем его стал Государственный банк внешнеэкономической деятельности Туркменистана.

Помимо собственных программ стран Центральной Азии, следует выделить наиболее значимые программы, предлагаемые развитыми экономиками и международными институтами, крупнейшие из которых — Россия, США, Германия, Япония, ЕС, Корея, Турция, а среди организаций — Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Азиатский банк развития (АБР), Исламский банк развития, Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана ООН (ЭСКАТО ООН), Организация экономического сотрудничества (ОЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) ([Ермолов, 2021](#)).

Наиболее масштабная помощь в реализации структурных экономических преобразований в странах Центральной Азии предоставляется в рамках таких программ, как Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество (ЦАРЭС) с головной организацией в лице Азиатского банка развития. Программа реализуется при поддержке других международных институтов — МВФ, Всемирного банка, ПРООН, ЕБРР и Исламского банка развития. Участниками ЦАРЭС, помимо стран Центральной Азии, являются КНР (с акцентом на Синьцзян-Уйгурский автономный округ), Азербайджан, Монголия и Афганистан. Основная задача ЦАРЭС — финансирование инфраструктурных проектов и совершенствование экономической политики стран региона в сферах транспорта, энергетики, торговли и транзита. Эта программа стала авторитетной платформой для диалога и координации в области планирования и реализации

приоритетных региональных проектов. Особый акцент в ней сделан на трансформации отдельных транспортно-коммуникационных проектов в странах ЦАРЭС в торгово-экономические коридоры.

ЕБРР реализует в странах Центральной Азии Пилотную программу поддержки региональных экспортеров-2022. Так, в Туркменистане портфель ЕБРР составляет 320 млн евро по 88 проектам, в том числе финансируемым ЕС, например, по программе «Ready4trade Центральная Азия», в рамках которой ведется обучение предпринимателей тонкостям электронной торговли.

Среди крупнейших в регионе внешних программ необходимо отметить также работу Агентства США по международному развитию (USAID) в области торговли в Центральной Азии. Она направлена на улучшение взаимодействия в сфере торговли для содействия экономическому росту и расширению экономических возможностей во всем регионе. Среди компонентов программы — гармонизация процедур таможенного и пограничного контроля, укрепление партнерства между государственным и частным секторами в вопросах торговли и инвестиций, а также укрепление трансграничного взаимодействия бизнеса⁶.

Стоит подчеркнуть, что здесь упомянуты далеко не все программы — их реализуется довольно много. Но важно понимать, что все эти программы, инициируемые не только самими странами региона, но и многими другими крупными странами и авторитетными организациями, подчеркивают особую роль Центральной Азии и задают важные стратегические ориентиры для раскрытия инвестиционного и экспортного потенциала региона.

⁶ Программа USAID по торговле в Центральной Азии.

11. ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР: ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВНУТРЕННИХ СБЕРЕЖЕНИЙ

Формирование собственного финансового сектора — неотъемлемое условие устойчивого развития стран региона. Основными задачами являются преодоление недоверия со стороны населения и диверсифицированное развитие финансовых услуг. Первоначальный период быстрого развития и расширения кредитной активности, опиравшейся на иностранный капитал и притоки экспортных доходов, помог включить в финансовый рынок широкий круг фирм и домохозяйств. Однако вкладчики и инвесторы недостаточно доверяют финансово-банковскому сектору. Население предпочитает «традиционные» способы хранения накоплений, не доверяя депозитам. В чрезвычайных ситуациях население полагается в большей степени на материальную помощь со стороны семьи и друзей, чем на кредиты от банков. Кроме того, несмотря на то что сети банковских учреждений в регионах расширяются, возможности доступа к ним в отдаленных областях пока недостаточны (CAAN, 2017). Низкая степень инклюзивности финансовой системы может способствовать сохранению неравенства доходов населения, замедлению развития человеческого капитала по причине ограниченного доступа к услугам образования и здравоохранения.

Лидером в регионе по уровню финансового развития является Казахстан (см. рисунок 31). По состоянию на 1 апреля 2022 г. в Казахстане действовали 22 банка. Доля пяти крупнейших банков в активах банковского сектора составила 64,7%. Уровень финансового развития Узбекистана уступает Казахстану. По состоянию на 1 мая 2022 г. в стране действовали 33 банка, из них 12 с участием государства, на которые приходился 81% активов банковского сектора. По уровню финансового развития Таджикистан и Кыргызстан близки. В 2021 г. в Таджикистане действовали 14 банков, в Кыргызстане — 23 банка. В Туркменистане самый низкий уровень финансового развития среди остальных государств Центральной Азии. По состоянию на апрель 2022 г. в стране действовали 9 банков, из них 4 — с государственным участием.

Доступность банковских услуг для населения во многом характеризуется количеством банкоматов (АТМ). В Казахстане число АТМ на 100 тыс. взрослого населения составило 95,8 в 2020 г. при среднемировом уровне в 41,2 и увеличилось в 1,5 раза за 10 лет. В других странах региона количество АТМ по отношению к населению меньше (в Узбекистане — 48,4, в Кыргызстане — 41,8, в Таджикистане — 21,5)⁷, но интенсивно увеличивается. За 10 лет число АТМ на 100 тыс. взрослого населения в Таджикистане и Кыргызстане увеличилось более чем в 3 раза, в Узбекистане — в 11 раз.

Глубина банковского сектора, измеренная как отношение активов банков к ВВП, наибольшая в регионе в Узбекистане — 60,6% ВВП по итогам 2021 г. (32,9% ВВП на начало 2017 г.). Увеличению активов банковского сектора способствовал быстрый рост кредитования в стране в последние годы. Кредитная нагрузка на экономику выросла с 20,6% до 44,4% ВВП за период 2017–2021 гг. Вместе с тем доминирование государственных банков обуславливает низкий уровень финансового посредничества и ограниченный доступ к финансам (IMF, 2022). Глубина банковского сектора в Казахстане составила 46,9% ВВП в 2021 г. Реструктуризация банковского сектора с целью повышения качества кредитного портфеля и ужесточение макропруденциального надзора привели к снижению показателя по сравнению с 2017 г. (58% ВВП). В Кыргызстане глубина банковского

⁷ Статистика Всемирного банка по АТМ. Данные по Туркменистану не представлены.

сектора за последние 10 лет значительно увеличилась (с 34% ВВП на начало 2010 г. до 48% на 1 апреля 2022 г.) благодаря росту объема выданных кредитов. В Таджикистане кредитование отставало от роста экономики, вследствие чего отношение активов банков к ВВП снизилось с 28,0% ВВП в 2011 г. до 22,7% в 2021 г.

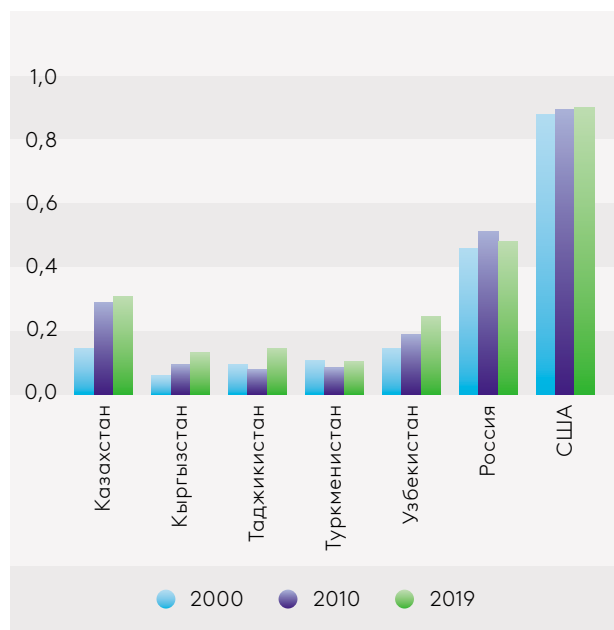
Страны региона, за исключением Казахстана, недостаточно интегрированы в мировую финансовую систему. Это ограничивает поступление в страны Центральной Азии зарубежного капитала. Формирование полноценного регионального финансового рынка видится пока отдаленной перспективой, но оно могло бы содействовать включению стран в глобальный финансовый рынок. Заделы формируются сейчас — функционирует международный финансовый центр «Астана», проводятся мероприятия по сокращению барьеров для региональных и иностранных инвестиций.

Дальнейшее развитие финансового сектора будет содействовать углублению региональной интеграции и преодолению ресурсной зависимости. Нехватка предложения банковских услуг ограничивает развитие частного сектора, особенно малого и среднего предпринимательства. Эксперты отмечают недостаток таких услуг, как торговое финансирование, кредитные гарантии, страхование (Das, 2018). Создание развитого финансового посредничества станет стимулом для развития торгово-инвестиционных отношений не только внутри региона, но и с соседними государствами.

Развитие финансового сектора, помимо повышения доступности банковских услуг, должно также охватывать и небанковские услуги, включая рынки капитала, страховые компании и прочие небанковские финансовые учреждения, для обеспечения инклюзивного роста экономик региона (Всемирный банк, 2016). На фоне низкой востребованности сберегательных услуг в регионе страховые продукты являются еще менее популярными.

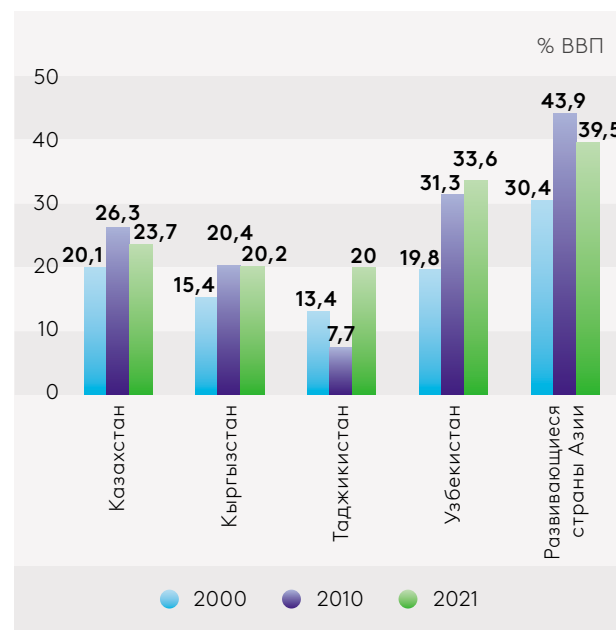
Внутренние сбережения имеют большой потенциал использования для финансирования развития экономики (см. рисунок 32) в условиях, когда ПИИ в несырьевые отрасли экономики ограничены. Привлечение сбережений населения наряду с развитием финансовых услуг (банковские, биржевые, страховые) позволит сформировать надежные источники экономического роста.

↓ Рисунок 31. Индекс финансового развития

Источник: расчеты аналитиков ЕАБР на основе данных МВФ.

↓ Рисунок 32. Валовые национальные сбережения

Примечание: частные и государственные сбережения.
Источник: МВФ.

12. ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС: РАЗВИТИЕ ЧЕРЕЗ СОТРУДНИЧЕСТВО

Состояние водно-энергетического комплекса и инвестиции

Эффективное развитие водно-энергетического комплекса (ВЭК) в регионе является одной из ключевых задач для стран Центральной Азии. Новый взгляд на ВЭК заключается в признании важности учета региональных интересов для повышения эффективности функционирования ВЭК. В настоящее время инвестиционные проекты отвечают в основном национальным интересам. Проекты сосредоточены по большей части в сегменте генерации, что приводит к нехватке инвестиций в водном хозяйстве и электросетевом комплексе.

Страны Центральной Азии испытывают дефицит пресной воды и в соответствии с международной классификацией относятся к категории «недостаточно обеспеченных стран». Уровень нагрузки на водные ресурсы (ЦУР 6.4.2) находится на высоком уровне в 81,4% и к 2040 г. можеткратно возрасти (см. рисунок 33). Усиление сотрудничества в сфере ВЭК позволит снизить издержки в экономиках центральноазиатских государств и повысить их конкурентоспособность.

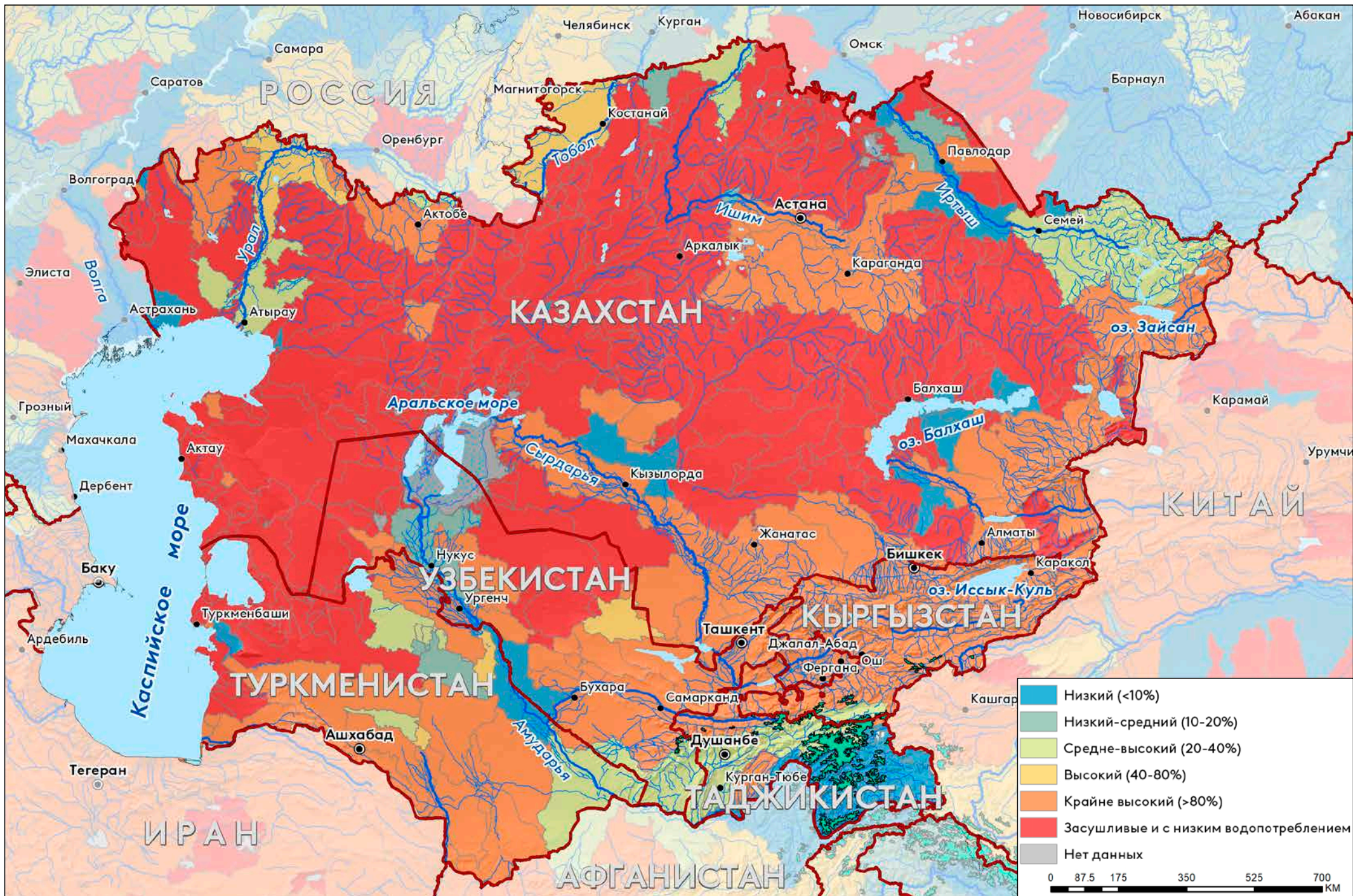
Водное хозяйство и энергетические системы в регионе неразрывно связаны друг с другом. В бассейне Аральского моря они формируют единый водно-энергетический комплекс Центральной Азии, состоящий из системы гидроузлов, водохранилищ, насосных станций, оросительных каналов, электростанций, электрических сетей, регулирующих организаций и т.д.

Взаимосвязь водных ресурсов, сельского хозяйства и энергетики в Центральной Азии обусловлена природно-географическими условиями в бассейне Аральского моря. На территории этого бассейна, охватывающего 60% площади Центральной Азии, проживает, по состоянию на 2020 г., 60 млн человек, или почти 80,7% населения региона. Все крупные реки бассейна, включая Амударью и Сырдарью, соединяют территории всех республик ЦА и Афганистана, имеют трансграничный характер и межгосударственный статус. Речной сток бассейна (115,1 км³, или 51% совокупного объема возобновляемых водных ресурсов Центральной Азии) практически полностью формируется в верховьях — Кыргызстане и Таджикистане — и используется преимущественно на нижележащих территориях региона — в Южном Казахстане, Туркменистане и Узбекистане.

Неравномерный характер распределения водных и топливно-энергетических ресурсов в регионе и приоритетность использования водных ресурсов для нужд сельского хозяйства предопределили взаимозависимость энергетических систем Центральной Азии. В советское время водно-энергетический комплекс формировался и развивался комплексно, как важный компонент союзного среднеазиатского экономического района. В соответствии с этим предназначением разрабатывались и осуществлялись планы управления водными и топливно-энергетическими ресурсами, предусматривающие механизм компенсации затрат и распределения выгод между странами региона. Так, большая часть электроэнергии, вырабатываемой Нарынским (бассейн Сырдарья) и Вахшским (бассейн Амударья) каскадами ГЭС, в летний период при ирригационных

↓ Рисунок 33. Уровень нагрузки на водные ресурсы Центральной Азии в 2040 г.

Источник: ЕАБР на основе данных WRI Aqueduct 3.0.

попусках передавалась соседним республикам. Кыргызстан и Таджикистан, в свою очередь, взамен получали в осенне-зимний период из союзного резерва материально-технических ресурсов электроэнергию, природный газ, уголь и мазут для работы тепловых электростанций (Винокуров, 2008). Важным элементом данного механизма выступала Объединенная энергосистема Центральной Азии (ОЭС ЦА), которая обеспечивала необходимые перетоки между национальными энергосистемами. Долгосрочное планирование режимов ОЭС ЦА учитывало структуру генерирующих источников каждой из энергосистем, а также предусматривало минимизацию затрат топлива и потерь электроэнергии в сетях энергосистемы в условиях ирригационного режима основных ГЭС.

После распада СССР режим функционирования водно-энергетического комплекса в регионе нарушился. Из-за недостатка собственных энергоресурсов страны с преобладающей гидроэнергетикой стали выпускать из водохранилищ больше воды в зимнее время для покрытия в этот период возросших потребностей в электроэнергии. Это привело к нарушению правил эксплуатации ГЭС и их расчетных водных и энергетических режимов, потере многолетней регулирующей способности водохранилищ и нарастанию критического недостатка воды на ирригационные цели даже в многоводные годы. Другими последствиями стали рост числа аварийных ситуаций на энергосистемах и снижение надежности энергоснабжения в регионе. Сложившаяся ситуация в ВЭК Центральной Азии характеризуется недостаточным уровнем сотрудничества и значительными экономическими потерями. Ежегодный экономический ущерб и нереализованные экономические выгоды, по экспертным оценкам, достигают 4,5 млрд долл. (adelphi и РЭЦЦА, 2017). Это соответствует 1,5% регионального ВВП. Потери в сельском хозяйстве оцениваются в 0,6% ВВП, в энергетическом комплексе — 0,9% ВВП Центральной Азии.

В последние три десятилетия каждая из стран Центральной Азии делала упор на достижение национальной энергетической безопасности. Активно строились новые и модернизировались действующие генерирующие мощности. Это позволяло удовлетворять увеличивающиеся потребности за счет собственной генерации. Фактически был реализован курс на самодостаточность энергосистем. В результате совокупные энергетические мощности стран ЦА увеличились с 42,2 ГВт в 1992 г. до 53,8 ГВт в 2020 г. (Винокуров, Ахунбаев, Усманов и др., 2021).

За этот же период инвестиции в водное хозяйство региона были крайне ограниченными, и отличительной чертой стран Центральной Азии в бассейне Аральского моря стало то, что их социально-экономическое развитие происходило в условиях истощения водных ресурсов. С точки зрения обеспеченности водными ресурсами в международной классификации они находятся в категории «недостаточно обеспеченных» (1405 м³/чел. в год при пороге в 1700 м³/чел. в год). В силу недостаточного объема инвестиций в водном хозяйстве накопилось множество проблем. Инфраструктура водного хозяйства — как в коммунальном водоснабжении, так и в ирригации — достигла предельного срока эксплуатации и требует обновления и модернизации. Неудовлетворительное техническое состояние ирригационной инфраструктуры (износ — 70%) ведет к значительным потерям воды, вызывая заболачивание и засоление орошаемых земель (60% орошаемых земель в разной степени засоленности).

В условиях недостаточной инвестиционной привлекательности ВЭК ЦА и низкой рентабельности проектов для частного капитала и иностранных инвесторов многосторонние банки развития (МБР) выступили важным источником финансовых ресурсов для реализации государственных инициатив по развитию комплекса. По итогам 2021 г., по оценкам ЕАБР, в стадии реализации находилось 104 проекта на сумму 10,2 млрд долл. Лидером по объему финансирования является ЕБРР с портфелем в 3,3 млрд долл., или 32,7% от общего объема финансирования МБР в ЦА. Следом идут ВБ — 3,0 млрд долл. (29,6%) и АБР — 2,6 млрд долл. (26,2%). На долю ЕАБР и ЕФСР, ЕИБ и АБИИ в совокупности

приходится 1,2 млрд долл. (11,5%). Несмотря на борьбу с последствиями пандемии COVID-19, МБР продолжили финансирование ВЭК ЦА. В 2020 г. МБР было одобрено финансирование по 24 проектам в ВЭК ЦА на общую сумму 1,8 млрд долл.

Многие проекты, финансируемые МБР, реализуются в рамках региональных инициатив. В их числе: «Энергетическая стратегия ЦАРЭС до 2030 г.» (АБР); центральноазиатская программа развития энергетических и водных ресурсов, включающая в себя инвестиционный проект CASA-1000 (Всемирный банк). Реализуются также инициативы международных агентств развития. К ним относятся программа GIZ «Трансграничное управление водными ресурсами в Центральной Азии» (МИД Германии) и проект «Адаптация управления трансграничными водными ресурсами в бассейне реки Амударья к возможным изменениям климата» (USAID). Эти инициативы нацелены на решение проблем экологии, продвижение технологий интегрированного управления водными ресурсами, внедрение и развитие «зеленой» энергии путем обмена опытом и технологиями, помощь в энергетическом секторе, водоснабжении и эффективном управлении водными, земельными ресурсами, улучшение мелиоративных, ирригационных и дренажных систем.

Проведенный ЕАБР детальный анализ перспективных инвестиционных проектов в ВЭК Центральной Азии (Винокуров, Ахунбаев, Усманов и др., 2021) свидетельствует о том, что структура портфеля далека от оптимальной, и причиной этому — нескоординированный характер развития ВЭК. Инвестиционные проекты направлены в большинстве случаев на удовлетворение потребностей национальных экономик и не учитывают региональные интересы.

В отраслевой структуре преобладают проекты энергетического сектора. Выявленные совокупные инвестиционные предложения в этом сегменте ВЭК ЦА оцениваются на текущий момент в 52,8 млрд долл. Из них 45,4 млрд долл. (86,0%) приходится на сегмент генерации и 7,4 млрд долл. (14,0%) — на электросетевой комплекс. Основные цели проектов: обеспечение безопасности энергоснабжения путем диверсификации источников энергии и наращивания традиционных для страны видов генерирующих мощностей, выход на новые рынки электроэнергии и укрепление внутренних электроэнергетических связей.

Несмотря на истощение водных ресурсов, все страны региона в своих национальных стратегиях и программах предусматривают дальнейший рост водопотребления для целей орошения и гидроэнергетики. Планируемые и прогнозные потребности в инвестициях в водное хозяйство региона составляют порядка 9,7 млрд долл. с 2021 по 2030 г. Основные объемы планируемых инвестиций в водный сегмент приходятся на две страны, расположенные в низовьях трансграничных рек Аральского бассейна, — Казахстан (49,3%) и Узбекистан (26,2%). Они в большей степени испытывают проблему водообеспеченности. Реализуемые проекты чаще всего являются частью государственных программ и финансируются за счет государственных средств.

Развитие «зеленой» энергетики

В связи с изменением климата и тенденциями по снижению стока воды в Центральной Азии важной составляющей развития энергетического сектора становится внедрение альтернативных источников электроэнергии. Практически во всех странах были разработаны меры политики и законы, касающиеся развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ). В связи с этим одним из перспективных направлений развития электроэнергетики региона может стать увеличение доли ВИЭ в энергобалансе стран Центральной Азии.

В горных регионах Кыргызстана и Таджикистана, а также в отдаленных степных регионах Казахстана и пустынных зонах Туркменистана орографические особенности и природный потенциал делают целесообразным использование ВИЭ. В таких регионах развитие распределенной электроэнергетики, включая различные ВИЭ (малые ГЭС, солнечная, ветровая, геотермальная энергия), может быть более оправданным с технологической и экономической точек зрения — по сравнению с прокладкой линий электропередачи от крупных электростанций до удаленных точек энергопотребления.

Потенциал малых ГЭС в ЦА распределяется неравномерно и значительно варьируется. Равнинные засушливые и полузасушливые территории, занимающие большие площади в Казахстане, Узбекистане и Туркменистане, обладают минимальным или даже нулевым гидроэнергетическим потенциалом. С другой стороны, горные районы востока и юго-востока ЦА, включающие в себя территории Кыргызстана, Таджикистана и частично Казахстана, имеют высокий гидроэнергетический потенциал. Эти территории обеспечены водой благодаря обильным дождям и снегопадам. Основные ресурсы сконцентрированы в Таджикистане — 30 ГВт из 39,9 ГВт потенциальных мощностей в регионе.

Значительный потенциал ВИЭ сконцентрирован в сегментах солнечной и ветровой энергетики. Так, «солнечный» потенциал оценивается как «высокий» — 5470 ГВт в совокупности для Центральной Азии (см. таблицу 9). Это более высокие значения, чем в среднем для европейско-азиатской континентальной территории, хотя и более низкие, чем для тропических и субтропических пустынь, расположенных южнее. 3760 ГВт этого потенциала сконцентрировано в Казахстане. «Ветровой» потенциал оценивается как «умеренный» — в совокупности в 369,1 ГВт, с более высокими значениями вдоль горных хребтов на юге Казахстана и в открытых степях к востоку от Каспийского моря, что и объясняет доминирующее значение этой страны (354 ГВт только в Казахстане) в совокупном объеме.

↓ Таблица 9. Потенциал ВИЭ в ЦА

	Малые ГЭС	Солнечная		Ветровая		Геотермальная	Био
	МВт	МВт	ТВт·ч	МВт	ТВт·ч	ТВт·ч	МВт
Казахстан	4 800 (<35 МВт) 2 707 (<10 МВт)	3 760 000	6 684	354 000	11 388	54 000	300
Кыргызстан	900 (<30 МВт) 275 (<10 МВт)	267 000	537	1 500	256	171	200
Таджикистан	30 000 (<30 МВт)	195 000	410	2 000	146	45	300
Туркменистан	1 300	655 000	1 484	10 000	1 992	н.д.	н.д.
Узбекистан	1 180 (<10 МВт)	593 000	1 195	1 600	1 685	2	800
Всего	39 862	5 470 000	10 310	369 100	15 467	54 218	1 600

Примечание: малые ГЭС — станции с мощностью <10 и <35 МВт.

Источник: Laldjebaev, Isaev, Saukhimov, 2021.

Для реализации потенциала ВИЭ в перспективе должен быть решен вопрос интеграции объектов на основе ВИЭ в энергосистемы стран ЦА. Это требует специальных решений по внедрению автоматического частотного регулирования, развития газотранспортной системы для обеспечения скорости набора нагрузки тепловых электростанций, сооружения новых высокоманевренных гидроэлектростанций и гидроаккумулирующих электростанций, повышения пропускной способности электрических сетей.

В перспективе одной из альтернатив для Центральной Азии может стать развитие ядерной энергетики. На данный момент в Казахстане и Узбекистане на продвинутой стадии находится рассмотрение проектов по строительству атомных электростанций (АЭС). Кыргызстан рассматривает возможность строительства атомных станций малой мощности.

В Казахстане, по предварительным расчетам, для покрытия возможного дефицита базовой мощности необходимо строительство АЭС как минимум с двумя блоками мощностью от 1000 до 1400 МВт с примерной стоимостью строительства от 6 до 12 млрд долл. (Трофимова, Батыршин, 2022). В соответствии с планом первоочередных мероприятий по строительству АЭС, утвержденным премьер-министром РК в 2014 г., были подобраны две потенциальные площадки — на юге Казахстана в поселке Улкен на Балхаше и близ города Курчатова на севере (бывший Семипалатинский полигон). В 2019 г. были отобраны технико-коммерческие предложения от шести ключевых изготовителей из Китая, Кореи, России, США и Франции. Ввод в эксплуатацию планируется в 2035 г.

В сентябре 2018 г. в Узбекистане было подписано российско-узбекское межправительственное соглашение о строительстве АЭС (Lillis, 2022). Проект стоимостью в 11 млрд долл. предполагает возведение на побережье озера Тузкан в Джизакской области двух энергоблоков поколения «3+» с реакторами ВВЭР-1200 и общей мощностью 2400 МВт. Строительство и ввод в эксплуатацию АЭС запланированы с 2022 по 2030 г.

В январе 2022 г. Кыргызстан заключил меморандум с госкорпорацией «Росатом» о сотрудничестве в сооружении атомных станций малой мощности (Forbes Kazakhstan, 2022). В рамках меморандума стороны выразили заинтересованность в совместной работе по сооружению атомной станции малой мощности на базе реакторной установки «РИТМ-200Н» на территории Кыргызстана.

Предложения по интеграционным мерам

Для Центральной Азии интеграционные процессы в сфере совместного управления водными ресурсами трансграничных рек и энергетики были и остаются важнейшим фактором, определяющим практически все аспекты регионального развития. В этой связи:

- Возрастающий дефицит воды в бассейнах трансграничных рек ЦА обуславливает необходимость мер по укреплению водохозяйственной инфраструктуры и водосбережению, рационализации водопользования во всех отраслях экономики, в первую очередь в сельском хозяйстве, и требует значительных долгосрочных инвестиций.
- Для решения вопросов водопользования потребуются новые механизмы и инструменты сотрудничества в бассейнах трансграничных рек (Винокуров и др., 2022). Необходимо выработать политические и правовые меры урегулирования водных и энергетических отношений, учитывающие интересы каждой стороны.
- Одной из важнейших задач энергетического сектора Центральной Азии является обеспечение комплексного подхода к использованию имеющегося топливно-энергетического потенциала. Оптимальное его освоение с учетом интересов каждой страны региона может и должно происходить на основе укрепления межгосударственного сотрудничества.

- Требуются новые подходы к формированию и регулированию регионального конкурентного рынка электроэнергии, в основе которых должны лежать современные технологические (в том числе цифровые) решения. Их цели — способствовать удовлетворению потребностей региона в электроэнергии и водных ресурсах наиболее экономичными и экологичными способами, а также вести к сближению подходов к ценообразованию и тарифов. С регуляторной точки зрения конкурентный рынок в ЦА может быть сформирован в соответствии с принципами, принятыми в рамках Общего электроэнергетического рынка ЕАЭС.
- Вступление Узбекистана в евразийские структуры (ЕАЭС, ЕАБР, ЕФСР) и Таджикистана в ЕАЭС значительно облегчило бы решение ключевых вызовов ВЭК ЦА. Эффективное интегрированное управление водными ресурсами в Центральной Азии, а также развитие Общего электроэнергетического рынка ЕАЭС нуждаются в комплексном региональном решении и участии всех стран Центральной Азии.

13. ТРАНСПОРТНЫЕ СВЯЗИ: ОСНОВА ДЛЯ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ВЗАИМНОГО И ВНЕШНЕГО ЭКСПОРТА

Состояние транспортного сектора в регионе

Транспорт играет для Центральной Азии роль ключа, позволяющего распахнуть закрытые двери и обеспечить доступ на международные рынки. Новый взгляд на транспорт Центральной Азии состоит в том, что транспортные коридоры и маршруты, пересекающие регион в направлениях север — юг и запад — восток, дают ему уникальный шанс возродиться в качестве транзитного перекрестка, образуя транспортный каркас Евразии.

Тем не менее доступ государств региона к мировым рынкам зависит от автомобильного и железнодорожного транзита по территории третьих стран, с которыми они граничат. Расстояние до ближайших морских портов составляет от 1500–1700 км (при использовании автомобильного транспорта до портов Карачи в Пакистане и Бендер-Аббас в Иране) до 3500–6600 км (при использовании железных дорог до морских портов Балтийского, Азово-Черноморского или Дальневосточного бассейнов в России) (см. таблицу 10).

↓ Таблица 10. Расстояния от стран Центральной Азии до морских портов в странах транзита автомобильным и железнодорожным видами транспорта

Страны ЦА	Основные морские порты в странах транзита	Расстояние до моря (км) (авто/ж/д)
Казахстан	Шанхай (CHN); Гамбург (DEU); Санкт-Петербург (RUS); Владивосток (RUS)	4 700–5 200
Кыргызстан	Шанхай (CHN); Гамбург (DEU); Санкт-Петербург (RUS); Владивосток (RUS)	4 900–5 000
Таджикистан	Бендер-Аббас (IRN); Карачи (PAK); Шанхай (CHN); Гамбург (DEU); Санкт-Петербург (RUS); Владивосток (RUS)	1 500–3 770
Туркменистан	Поти (GEO); Бендер-Аббас (IRN); Шанхай (CHN); Гамбург (DEU); Санкт-Петербург (RUS); Владивосток (RUS)	1 700–4 500
Узбекистан	Поти (GEO); Бендер-Аббас (IRN); Ляньюньган (CHN); Гамбург (DEU); Санкт-Петербург (RUS); Владивосток (RUS)	2 700–6 600

Источник: UNESCAP, 2022.

Высокие транспортные издержки, обусловленные большими расстояниями и достигающие, по данным ЮНКТАД, 60% стоимости импортируемых товаров (UNCTAD, 2021), ограниченный доступ к международным рынкам, слабая транспортная связанность внутри самого региона выступают сдерживающими факторами для устойчивого социально-экономического развития региона. Континентальность снижает темпы роста стран Центральной Азии на 1,5 п.п. по сравнению со странами, имеющими выход к морю (Arvis et al., 2010).

По показателю транспортной связанности ЭСКАТО ООН (UNESCAP, 2019) все государства Центральной Азии пока отстают от развитых стран (эталоном признан Сингапур). Они отстают и по показателю эффективности логистики LPI. В 2018 г. наилучшую позицию в регионе занимал Казахстан (77-е место в рейтинге из 160 стран). За ним следуют Узбекистан — 117-е место, Кыргызстан — 132-е, Туркменистан — 142-е и Таджикистан — 147-е место.

Развитие транспорта в Центральной Азии было связано с тремя историческими вызовами. Первый — инфраструктурная фрагментация, связанная со структурой транспортной сети СССР, развивавшейся без учета административных границ союзных республик, а также с практическим отсутствием автомобильных и железнодорожных выходов в страны-соседи на юге (Афганистан, Иран). После распада СССР и его единой транспортной системы образовалось «лоскутное одеяло» (Kulipanova, 2012) из железнодорожных и автодорожных веток, в частности в Кыргызстане и Таджикистане.

Второй вызов — ландшафт. Горный рельеф местности на востоке региона сдерживал развитие автомобильных и железных дорог, приводя к строительству кружных или следующих через опасные горные перевалы маршрутов. Низкой плотности транспортной сети способствовал и географический разброс городов, обширность малозаселенных пустынь и степей.

Третий вызов — дефицит финансовых ресурсов на развитие транспортной инфраструктуры, возникший уже после обретения суверенитета (Libman and Vinokurov, 2011).

В силу указанных факторов приоритетное развитие в большинстве стран Центральной Азии получил автомобильный транспорт. Однако и в сфере международных автомобильных перевозок в регионе появилось множество барьеров, которые дополнительно увеличивали транспортные и временные издержки и осложняли развитие торговли, о чем свидетельствовали результаты различных международных исследований, таких как NELTI (NEA, 2009).

Несмотря на перечисленные трудности, за последние два десятилетия в регионе был достигнут существенный прогресс в строительстве и модернизации транспортной инфраструктуры, в том числе входящей в сеть Азиатских шоссейных дорог (АШД) и Трансазиатской железной дороги. За 20 лет существенно возросли объемы пассажирских и грузовых перевозок, повысилась транспортная доступность для населения. Одним из индикаторов, свидетельствующих о повышении качества инфраструктуры, является протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием, которая в регионе за последние 20 лет увеличилась на 24,5 тыс. км (см. таблицу 11). Самый значительный прогресс можно отметить в Туркменистане и Узбекистане, где развернуто наиболее масштабное дорожное строительство.

Динамичное развитие сети автодорог является фактором повышения транспортной и торговой связанности в Центральной Азии (см. врезку 3).

↓ Таблица 11. Протяженность автодорожной сети общего пользования с твердым покрытием в регионе Центральной Азии в 2000–2021 гг., тыс. км*

Страна	2000	2010	2021	Прирост 2021 к 2000, %
Республика Казахстан	83,2	86,0	84,8	101,9
Кыргызская Республика	32,0	33,0	34,0	106,3
Республика Таджикистан	27,0	29,0	30,0	111,1
Туркменистан	47,5	51,0	55,4	116,6
Республика Узбекистан	75,5	79,0	85,5	113,2
Всего по Центральной Азии	265,2	278,0	289,7	109,2

* — включая дорожную сеть внутри городов и муниципалитетов

Источник: составлено экспертами ЕАБР на основе статистики Международной дорожной федерации (IRF) и национальных статистических агентств.

Важным индикатором качества и доступности транспортной системы государств Центральной Азии является уровень мобильности населения, свидетельствующий о доступности общественного транспорта — без учета поездок на личных автомобилях и немоторизированных транспортных средствах.

Врезка 3. Проекты развития автодорожной сети в странах Центральной Азии

Ключевыми автодорожными проектами в Казахстане являются строительство участка коридора ТРАСЕКА Бейнеу — Шалкар — Ыргыз (648 км, 2025–2028 гг.) и автодороги Актобе — Уральск — Самара (523 км, 2025–2030 гг.). Проходящий через Казахстан новый международный маршрут Европа — Западный Китай стал первой в Центральной Азии полностью удовлетворяющей международным стандартам скоростной автомагистралью, связывающей Китай с Россией.

Основные проекты, реализация которых закончена или продолжается в Кыргызстане: строительство альтернативной северо-южной магистрали, реконструкция дорог Бишкек — Ош, Тюп — Кеген, Бишкек — Нарын — Торугарт, Кочкор — Арал, Ош — Баткен — Исфана — Худжанд. Продолжается строительство международных автодорог Балыкчы — Каракол.

В Таджикистане за последние 30 лет объем инвестиций в развитие дорожной сети превысил 1,8 млрд долл. Реконструировано более 2,1 тыс. км международных и 1 тыс. км внутренних автодорог, 31 км тоннелей, 240 мостов. Построены и реконструированы автомагистрали Куляб — Хорог — Кульма — Карокурум (Шохон — Зигар и Шкев — Зигар), Душанбе — Курган-Тюбе — Куляб, Душанбе — Чанак,

Вахдат — Чиргатол — Саритош (граница с Кыргызской Республикой), Душанбе — Турсунзаде (граница с Узбекистаном), Айни — Пенджикент (граница с Узбекистаном), Восе — Ховалинг, Худжанд — Исфара. Открыты новые туннели Озоди, Истиклол, Шахристон и Чормагзак.

В Туркменистане модернизируется и строится сеть автомагистралей протяженностью 13,7 тыс. км. Введены в эксплуатацию 118 мостов ([Туркменская государственная издательская служба, 2016](#)). Ведутся строительные работы на автомагистрали Туркменбаши — Ашхабад (564 км). В 2019 г. объявлено строительство 600 км участка включенной в сеть АШД автомагистрали Ашхабад — Туркменабад — граница с Узбекистаном, которое планируется осуществить к 2030 г. Запланированная к строительству скоростная автомагистраль Туркменбаши — Гарабогаз — граница с Казахстаном с мостом через залив Гарабогазгол (298 км, из них 225 км на территории Туркменистана) должна войти в состав Восточного автодорожного маршрута МТК «Север — Юг»).

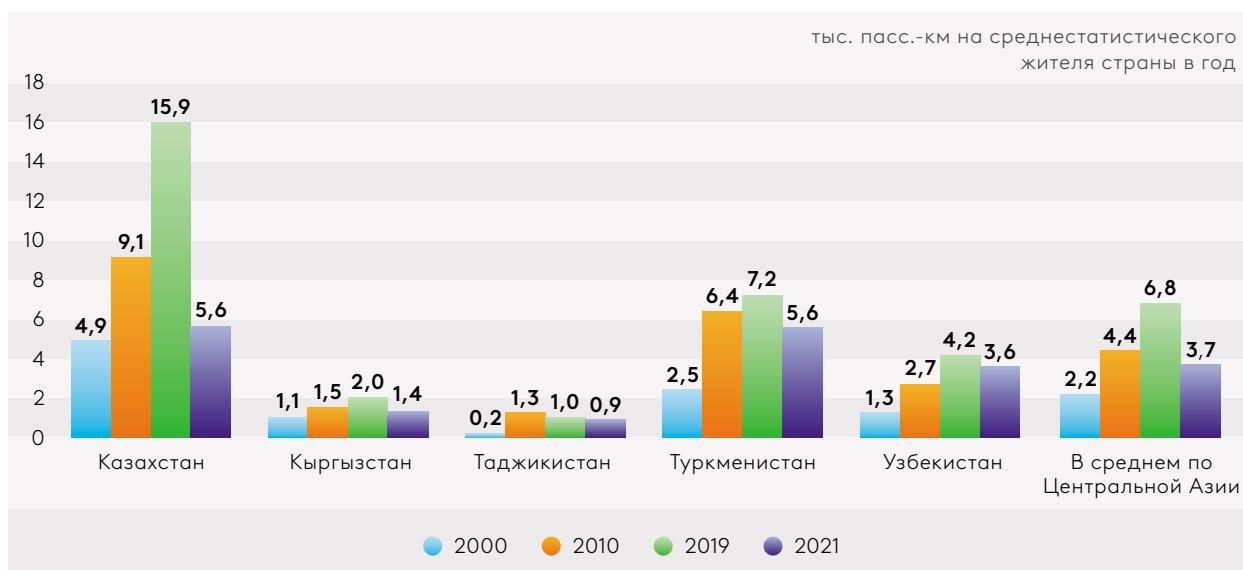
К крупным проектам, реализованным в Узбекистане, относятся: реконструкция 77 км участка Карши — Китаб на трассах А380 и М39; расширение участка дороги в 75 км коридора ЦАРЭС-2 между городами Пунган и Мананган и др. Узбекистан рассматривает возможность реконструкции и развития автомагистрали протяженностью 920 км из Узбекистана в Китай через Кыргызстан (Андижан — Ош — Иркештам — Кашгар). Грузоперевозки по этой автодороге осуществляются с февраля 2018 г. и имеют важное значение для всей Центральной Азии.

За период 2000–2019 гг. мобильность населения в регионе выросла более чем в три раза — с 2198 до 6792 пасс.-км/чел., однако пандемия COVID-19 нарушила этот устойчивый тренд, приведя к временному снижению числа поездок. Наибольший уровень мобильности — в Казахстане, граждане которого передвигаются чаще и на большие расстояния. Вместе с тем влияние пандемии на мобильность граждан Казахстана было более существенным, чем в других государствах Центральной Азии (см. [рисунок 34](#)).

Среди проблем, актуальных для всей Центральной Азии, следует выделить неразвитость пассажирского сообщения между странами региона. В исследовании автобусных перевозок в Евразии, проведенном Международным союзом автомобильного транспорта ([IRU, 2016](#)), установлено, что прямое международное автобусное сообщение между большинством стран региона отсутствует, в ряде случаев требуется пересадка пассажиров на границе. Аналогичная проблема существует и на воздушном транспорте. По данным Межгосударственного авиационного комитета ([МАК, 2022](#)), из-за отсутствия прямого авиасообщения между столицами некоторых стран Центральной Азии доступным для перелета остается только стыковочный маршрут через Стамбул.

Во всех государствах Центральной Азии в XXI веке придается стратегическое значение развитию железных дорог. Ранее объемы перевозок грузов внутри региона были относительно невелики. В настоящее время создаются новые железнодорожные маршруты и контейнерные сервисы, которые позволяют лучше интегрироваться в глобальные цепочки поставок (см. [врезку 4](#)).

↓ Рисунок 34. Мобильность граждан стран Центральной Азии

Источники: составлено экспертами ЕАБР на основе данных Всемирного банка и национальных статистических агентств.

Врезка 4. Проекты развития железных дорог в Центральной Азии

В Казахстане идет строительство вторых главных путей на участке Достык — Мойынты (836 км, 2022–2025 гг.), железнодорожной линии Дарбаза — Мактаарал (106 км, 2024–2025 гг.); железнодорожной линии в обход Алматы (73 км, 2023–2024 гг.). Планируется также обновление подвижного состава, в том числе за счет организации собственного производства контейнеров.

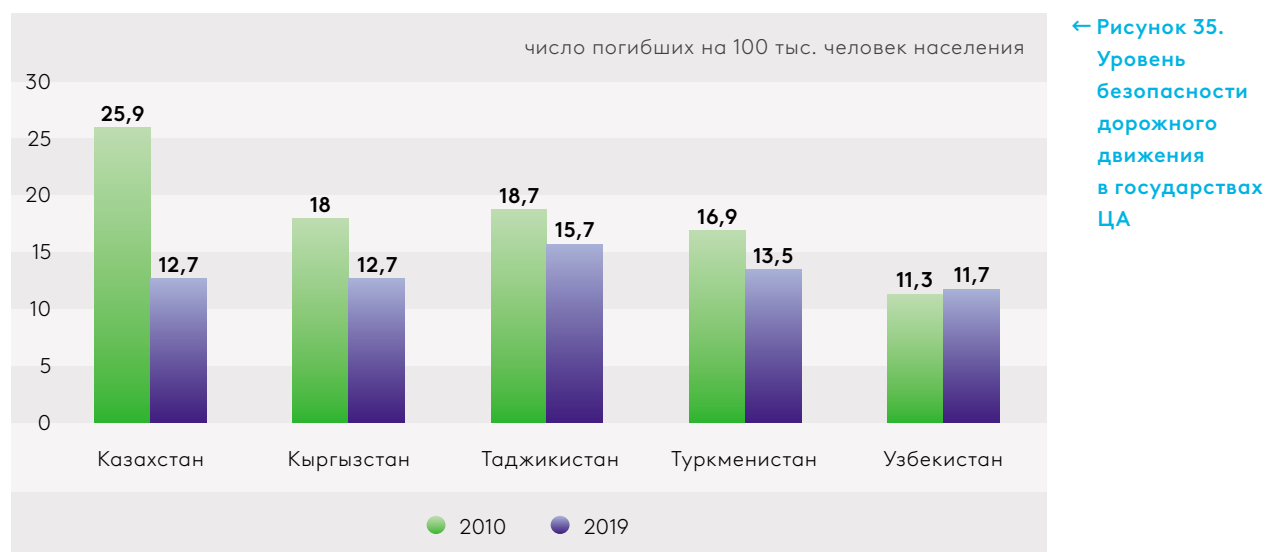
Для ликвидации фрагментарности железнодорожной сети Кыргызстана планируется объединение обособленных северного и южного участков. В завершающей стадии находятся переговоры по проекту строительства железной дороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан, которая укрепит транзитную роль Кыргызстана и увеличит транзитные доходы.

В Таджикистане в 2016 г. введена в эксплуатацию железная дорога Душанбе — Курган-Тюбе, включающая три тоннеля и восемь мостов. Вместе с тем соединение северного участка железной дороги с центральным и южным участками остается возможным только через территорию Узбекистана. Одним из крупных проектов должен стать Трансафганский коридор, который соединит Таджикистан, Афганистан и Туркменистан и обеспечит Таджикистану альтернативный выход на Иран, Турцию и страны Южного Кавказа.

В Туркменистане реализовано несколько важных проектов по расширению железнодорожной сети длиной 5188 км. В 2014 г. завершено строительство ветки в 700 км между г. Серхетяк на границе с Казахстаном и г. Ак-Яйла на границе с Исламской Республикой Иран. К 2016 г. сдан в эксплуатацию участок в 85 км между г. Керки (ранее Атамурат) и п. Ымамназар на границе с Афганистаном. В 2017 г. полностью реконструирована железнодорожная линия Серхетабат (ТКМ) — Тургунди (АФГ) протяженностью 13 км. В планах — электрификация основных магистральных участков протяженностью 2000 км.

Из общей протяженности железных дорог Узбекистана 6950 км — 1200 км являются новыми линиями, построенными в период независимости. К реализованным проектам относятся: линия Навои — Учкудук — Султон — Увайс — Тог-Нукус протяженностью 700 км; железнодорожный мост через реку Амударья протяженностью 681 м; линия Таш — Гозар — Байсун — Кумкургон протяженностью 223 км. Кроме того, модернизировано и реконструировано более 3800 км железных дорог, электрифицировано почти 1100 км (UNESCAP, 2022). К последним проектам относится электрификация новой 124-километровой железнодорожной линии Пап — Ангрен, которая соединяет три области в Ферганской долине с остальной частью страны в обход Таджикистана. АБИИ и АБР выделили в 2021–2022 гг. соответственно 162 и 108 млн долл. на электрификацию железнодорожной линии Бухара — Ургенч — Хива протяженностью 465 км, входящей в состав коридора ЦАРЭС-2. Расширение железнодорожной сети позволило осуществлять внутренние перевозки без транзита через приграничные районы соседних Таджикистана и Туркменистана. Узбекистан рассматривает возможность участия в строительстве железной дороги Мазари-Шариф — Герат (Трансафганский коридор). Реализация этого проекта позволит в будущем создать выход через Афганистан к морским портам в Иране (Чабахар) и Пакистане (Чаман).

Значительный прогресс можно отметить в сфере повышения безопасности дорожного движения. За последнее десятилетие количество погибших в ДТП снизилось во всех странах региона, за исключением Узбекистана (см. рисунок 35). Смертность на дорогах Казахстана упала вдвое. Успехи были достигнуты в том числе благодаря выполнению правительствами стран региона рекомендаций ООН в рамках Глобального десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения (2011–2020 гг.).

Источники: ЕЭК ООН, ВОЗ.

Приоритеты по развитию транспортно-логистического потенциала

Увеличение объемов пассажирских и грузовых перевозок, в том числе контейнерного транзита, обеспечение устойчивой «зеленой» мобильности и снижение транспортных издержек экономики — вот приоритеты как национальных стратегий, так и двустороннего и многостороннего сотрудничества стран региона. В фокусе усилий — развитие международных транспортных коридоров (МТК) и создание альтернативных маршрутов, которые позволят диверсифицировать возможности каждой из стран Центральной

Азии. Казахстан является наиболее активным участником всех осуществляемых международных программ и инициатив по развитию транзитного потенциала на направлениях восток — запад и север — юг и добивается статуса евразийского центра перевозок и логистики. Приоритеты по реализации транспортного и транзитного потенциала Казахстана включены в Стратегию-2050 (принята в 2012 г.), а также в Государственную программу инфраструктурного развития «Нұрлы жол» на 2020–2025 гг. (утверждена в 2019 г.). Рассматривается возможность создания «контейнерного хаба» на базе портов Актау и Курык (10,4 млрд тенге, 2022–2025 гг.), приобретения новых морских судов (80 млрд тенге, 2023–2025 гг.).

Среди ключевых транспортных маршрутов, в которых активно задействован Казахстан, следует выделить маршруты, связывающие Китай с Европой, Китай — Туркменистан — Иран (восточный маршрут МТК «Север — Юг»). Особое внимание уделяется развитию Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ), обеспечивающего контейнерный транзит из Китая через порты Каспийского моря в Азербайджан, Грузию и далее в Турцию и страны Европы.

На новый уровень выходит сотрудничество Казахстана и Узбекистана. Ведется работа по созданию высокоскоростной пассажирской магистрали Туркестан — Шымкент — Ташкент, по строительству железнодорожной линии Дарбаза — Мактаарал — Джизак, по модернизации пунктов пропуска. Страны договорились о начале строительства автомобильной и железной дорог Кызылорда — Учкудук с 2025 г. На средства АБР осуществляется создание экономического коридора Шымкент — Ташкент — Худжанд, направленного на упрощение торговли и грузовых перевозок между Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном (ADB, 2021). Казахстан заинтересован в участии Узбекистана в развитии маршрута ТМТМ, а также коридора «Север — Юг», который позволит увеличивать объемы перевозок на рынки Южной Азии, через Туркменистан и инфраструктуру иранских портов.

В Кыргызстане реализуется национальная программа социально-экономического развития на 2018–2040 гг., призванная обеспечить свободу перемещения населения и вывести страну из транспортного тупика.

Приоритеты развития транспортного сектора Таджикистана зафиксированы в Национальной программе социально-экономического развития до 2030 г. С учетом своих географических особенностей Таджикистан стремится преодолеть территориальную замкнутость и максимально диверсифицировать маршруты перевозок на внешние рынки.

Приоритеты развития транспортного сектора Туркменистана содержатся в Национальной программе социально-экономического развития в 2019–2025 гг. Туркменистан реализует задачу по превращению страны в транспортно-коммуникационный центр на направлениях восток — запад и север — юг. Реализуются масштабные проекты по модернизации действующих и строительству новых автомобильных и железных дорог, обновлению и расширению материально-технической базы гражданской авиации, судоходства. Туркменистан является инициатором принятия в 2014–2021 гг. пяти резолюций Генеральной ассамблеи ООН по устойчивому транспорту. В ноябре 2016 г. в Ашхабаде состоялась Первая глобальная конференция ООН по устойчивому транспорту, на которой были определены приоритеты развития транспорта и устойчивой мобильности до 2030 г. Страна реализовала самые амбициозные инфраструктурные проекты — международного морского торгового порта Туркменбаши на Каспийском море (открыт в 2018 г.) и нового международного аэропорта Ашхабада (открыт в 2016 г.), который наряду с Алматы входит в число самых технически оснащенных в Центральной Азии, со всепогодной взлетно-посадочной полосой категории IIIb ИКАО.

Стратегия развития транспортной системы Республики Узбекистан на период до 2035 г. уделяет особое внимание обеспечению транспортной связанности регионов страны

и формированию транспортных коридоров, которые должны обеспечивать для узбекских грузов выходы к морским портам третьих стран и связывать страну с Китаем, Россией, Афганистаном, Ираном, Туркменистаном, Турцией и Индией.

Международные программы и инициативы по повышению торгово-транспортной связанности (см. таблицу 12) играют важную, подчас системообразующую роль в развитии транспорта и торгово-экономического сотрудничества в Центральной Азии. К числу таких программ относятся:

- ЦАРЭС, в рамках которого развиваются шесть региональных транспортных коридоров, а общий объем инвестиций в систему транспорта, торговую и транспортную связанность превысил 31,5 млрд долл.;
- программа ООН СПЕКА, запущенная в конце 1990-х гг. по инициативе Казахстана и при участии ЕЭК ООН и ЭСКАТО ООН;
- Международный транспортный коридор Европа — Кавказ — Азия (ТРАСЕКА), который начинался как программа ЕС, но получил статус полноценной международной межправительственной организации, включающей 14 государств, в том числе все страны Центральной Азии;
- «Один пояс, один путь» — масштабный проект транспортной, торговой и экономической связанности, реализуемый Китаем;
- проекты, финансируемые Индией, Японией (JICA), Германией (GIZ), США (USAID) и другими странами.

↓ Таблица 12. Ключевые международные инвестиционные инициативы в транспортном секторе Центральной Азии

Название проекта	Инвестиции, млрд долл.	Страны или континенты
Инициатива «Один пояс, один путь» (BRI)	900–8 000*	Европа, Азия, Африка
Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС)	31,5**	Афганистан, Азербайджан, Китайская Народная Республика, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Монголия, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан
Транспортный коридор «Европа — Кавказ — Азия» (ТРАСЕКА)	0,16**	Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Иран, Республика Молдова, Румыния, Турция, Украина, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, а также страны — члены Европейского союза
Трансазиатская железная дорога (ТАЖД) — сеть в регионе ЭСКАТО ООН	75,6*	Афганистан, Армения, Азербайджан, Бангладеш, Беларусь, Бутан, Бруней, Камбоджа, Китай, Индия, Индонезия, Иран, Казахстан, Лаос, Монголия, Непал, Пакистан, Южная Корея, Россия, Шри-Ланка, Таджикистан, Таиланд, Турция, Туркменистан, Узбекистан, Вьетнам

Примечание: * — планируется инвестировать; ** — уже инвестировано.

Источник: UNESCAP, 2019.

Перспективы формирования Евразийского транспортного каркаса

Центральная Азия находится на перекрестке ключевых сухопутных транспортных артерий, исторически выступающих в качестве моста между Востоком и Западом, Севером и Югом и представляющих в настоящее время основу Евразийского транспортного каркаса (см. рисунок 36).

Коридоры по оси «Восток — Запад» уже на данный момент привлекли значительный транзитный поток контейнеров. С 2014 по 2021 г. число контейнерных поездов из Китая в Европу транзитом возросло с 308 до 15150, то есть более чем в 50 раз. Общее количество контейнеров, перевезенных между Китаем и Европой в 2021 г. по Трансъевразийскому коридору (Китай — Казахстан — Россия — Беларусь — ЕС), составило 693 тыс. ДФЭ, по ТМТМ — 25,3 тыс. ДФЭ.

Скорость движения контейнерных поездов, следующих через Казахстан, превысила 1100 км в сутки, стремительно растет число и расширяется география регулярных контейнерных сервисов, продолжает увеличиваться номенклатура перевозимых грузов. Растут перевозки не только из Китая в Европу, но и в обратном направлении. ЕАБР рассчитал, что в перспективе агрегированный железнодорожный контейнеропоток по оси Китай — ЕАЭС — ЕС может составить до 2 млн ДФЭ в год (Винокуров и др., 2018).

Основным импульсом для повышения значимости транспортных маршрутов по оси «Север — Юг» в последние годы является активное взаимодействие стран региона с Индией, Ираном, Афганистаном, а также активизация Азербайджана, Казахстана, Туркменистана и других стран, тяготеющих к МТК «Север — Юг», по вопросам развития транзита и мультимодальных коридоров в Каспийском регионе.

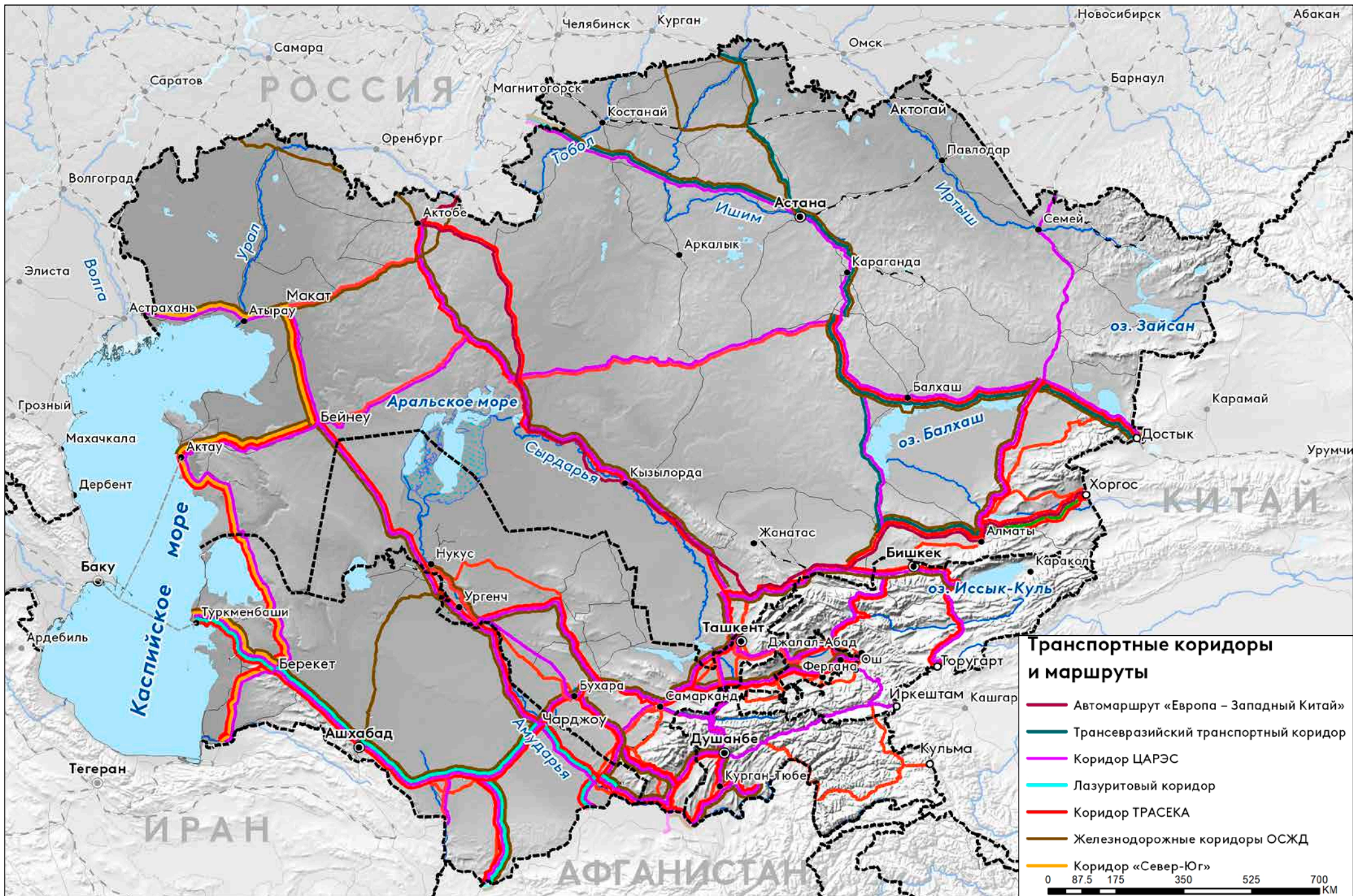
Развитие контейнерных перевозок по МТК «Север — Юг» представляет значительный интерес для государств Центральной Азии, поскольку сможет обеспечить перевозки от 245 до 500 тыс. ДФЭ (от 4,4 до 9 млн тонн) к 2030 г. (Винокуров, Ахунбаев, Шашкенов и др., 2021).

Уникальность Евразийского транспортного каркаса заключается в возможностях стыковки МТК, проходящих через Центральную Азию, что порождает многовариантные возможности логистики для стран региона. В частности, МТК «Север — Юг» сопрягается с Северным коридором, международным транспортным маршрутом «Европа — Западный Китай», транспортным коридором ТРАСЕКА, маршрутом ТМТМ, Лазуритовым коридором и др. Это создает возможности для использования преимуществ и выгод транспортно-логистического и транзитного перекрестка (Vinokurov, Ahunbaev, Zaboev, 2022).

Одновременно с развитием транспортной инфраструктуры страны региона должны направить значительные усилия на оптимизацию «мягкой» (нематериальной) инфраструктуры — гармонизировать регулирование перевозок и упростить процедуры пересечения границ (например, в отношении таможенного транзита и пограничного контроля).

Важным направлением обеспечения «бесшовных» перевозок является цифровизация транспортных и логистических процессов. Цифровизация подразумевает внедрение электронных транспортных накладных, таких как СМР, СМГС и ЦИМ/СМГС, электронной книжки МДП (eTIR), создание цифровой сети глобального транзита на базе глобального транзитного документа (GTrD), внедрение технологий цифровых двойников транспортной инфраструктуры, искусственного интеллекта, беспилотного движения, «больших данных», распределенных реестров (блокчейн), автоматической идентификации и отслеживания грузов и контейнеров и прочее.

↓ Рисунок 36. Схема международных транспортных коридоров и маршрутов, формирующих транспортный каркас Центральной Азии

14. ЭКОЛОГО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОН

Экологические и климатические риски

Изменение климата

Центральная Азия входит в число самых уязвимых перед изменением климата регионов. К климатическим вызовам особенно чувствительны сферы обеспечения продовольствием, водных ресурсов, энергетики, особую актуальность приобретает проблема сохранения биоразнообразия. Поэтому и путь адаптации региона к изменению климата лежит через «зеленую» трансформацию экономики — а для этого необходима реализация национальных стратегий, концепций и секторальных инициатив, а также международных программ и соглашений (см. рисунок 37).

↓ Рисунок 37. Климатические и экологические вызовы государств ЦА

Источник: ЕАБР.

Изменение климата становится все более серьезным вызовом для поступательного развития сельского хозяйства Центральной Азии. По прогнозам, границы агроэкологических зон будут смещаться, а регион в целом станет более жарким и менее пригодным для традиционного земледелия. Среднегодовая температура в регионе растет более высокими темпами по сравнению с мировыми значениями. В частности, в Казахстане за период наблюдений с 1976 по 2017 г. этот прирост составил +0,34°C в среднем за

десятилетие, в то время как в целом по планете +0,18°C (UN, 2019). Изменение климата представляет риск для продовольственной безопасности и благосостояния населения, поскольку вклад сельскохозяйственного сектора в ВВП стран региона достаточно высокий, к тому же он обеспечивает работой от 15% населения (в Казахстане) до 45% (в Таджикистане) (ЦАКИП, 2021). Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) в 2021 г. спрогнозировала рост средней температуры в бассейне Амударьи к концу столетия по сравнению с сегодняшней на 5°C и увеличение количества дней с температурой выше 40°C к 2100 г. до 60 — вместо текущих 20 в год, наряду с этим возрастет частота и интенсивность сильных дождей⁸. Эти изменения окажут негативное влияние на животноводство, рыболовство, аквакультуру, а в некоторых районах — и на пригодность земель для сельскохозяйственных нужд (Van 't Wout, Celikyilmaz, Arguello, 2021).

Загрязнение водных ресурсов и воздуха

Для всех без исключения стран региона характерна проблема загрязнения воздуха, нехватки и снижения качества питьевой воды. В Узбекистане треть всего населения живет в районах естественных гидрометеорологических бедствий (засухи, пыльные бури и т.д.), последствия которых — миграция людей, разрушение инфраструктуры и сокращение доступности воды для сельского хозяйства страны, в которой 90% земель орошаются искусственно.

Проблемы с водой в регионе могут усугубиться из-за повышения температуры, сокращения объема осадков и ускоряющегося кризиса Приаралья — на территориях Туркменистана, Казахстана и Узбекистана, примыкающих к Аральскому морю. Всего за 60 лет некогда четвертое по величине озеро в мире, занимавшее до начала 1960-х гг. территорию более 60 тыс. км², потеряло более 90% водного объема, уровень воды опустился с абсолютной отметки 53,4 м в 1960 г. до 29 м — осталось лишь около 6% воды от прежнего объема. Причины этого на 70% антропогенны — чрезмерное и нерациональное использование вод питавших Арал рек при поливе сельскохозяйственных угодий (ЮНЕСКО, 2020).

В результате в стокилометровой зоне прекратились паводки, уменьшилось количество осадков, лето стало более жарким и засушливым, а зима — более холодной и продолжительной. Это отразилось на биоразнообразии в Приаралье: число видов птиц, обитающих на его территории, сократилось с 319 до 160, видов млекопитающих — с 70 до 32, видов рыб — с 32 до 6.

Быстрое исчезновение моря ухудшает экологическую обстановку. С его высохшей акватории в атмосферу ежегодно выбрасывается более 100 млн тонн пыли и свыше 100 тыс. тонн соли. С катастрофой Аральского моря связывается дальнейший рост водозабора и прогнозируемое повышение температуры воздуха в Приаралье на 1,5–3°C в период 2035–2050 гг. (ООН, 2020). Пагубные последствия загрязнения воздуха пылью и взвесями солей ставят в зону высокого риска здоровье 35 млн человек, проживающих в бассейне бывшего моря. При этом пыле-солевая смесь с Арала переносится на высокогорные ледники Тянь-Шаня, в том числе на территории Таджикистана и Кыргызстана, ускоряя сокращение этих ледников. По ряду оценок, дальнейшее нарастание экстенсивного водопотребления в бассейнах Амударьи и Сырдарьи может способствовать полному исчезновению Аральского моря как природно-географического объекта, и это ускорит процессы опустынивания, солепереноса, нарушения экологического баланса на обширной территории региона. Ряд экспертов полагает, что соляные ветры с Арала, достигающие таджикских гор, приведут в ближайшее время также к исчезновению многих мелких ледников Таджикистана.

⁸ Information from the IPCC WGI Interactive Atlas.

Не менее тревожная ситуация и на крупнейшем казахстанском озере Балхаш (14-е место в мире по величине), площадь которого также сокращается из-за уменьшения стока реки Или, питающей озеро на 80%. Это происходит прежде всего по причине забора значительных объемов речной воды Китаем, на территории которого находится ее исток, а также из-за нерационального водопользования в районе Или-Балхашского бассейна и сокращения ледников Тянь-Шаня, хотя Казахстан и предпринимает усилия по решению всех этих проблем.

Площадь ледников Кыргызстана превышает 6,5 тыс. км², однако сокращается каждый год примерно на 1%. В связи с нерациональным забором воды на сельскохозяйственные нужды в сезон таяния отчаянно страдает озеро Иссык-Куль, береговая линия которого на некоторых участках переместилась на 10 метров. В обозримой перспективе, как полагают специалисты, таяние таджикских и кыргызских ледников станет причиной резкого увеличения стока в реки, но в дальнейшем это неминуемо приведет к серьезному дефициту воды.

Проблема деградации земель

В странах Центральной Азии такие проблемы, как опустынивание, засоление почвы и обезлесение, происходят из-за прогрессирующей деградации земель. По оценкам Инициативы по экономике деградации земель, в Центральной Азии наблюдается обширная деградация, колеблющаяся от 4% до 10% возделываемых земель, 27–68% пастбищ и 1–8% лесных угодий, что в совокупности составляет более 40% деградированных земель в каждой стране (Quillerou et al., 2016). В частности, около 66% земель деградировано в Казахстане. В Кыргызстане деградировано более 30% всех высокогорных пастбищ. Таджикистан сталкивается с потерей ВВП в размере почти 8% в результате деградации земель. В Туркменистане деградировано 70% всех пастбищных угодий, а в Узбекистане более половины орошаемых земель засолено. Более 40% населения Казахстана и почти 50% населения Узбекистана проживает в сельской местности и сталкивается с негативными последствиями деградации земель, в числе которых ущерб сельскому хозяйству, нехватка питьевой воды, увеличение нагрузки на здоровье (Романова и Николаенко, 2021).

К деградации земель и обезлесению в отдаленных регионах Центральной Азии ведет также неправильный выбор места прокладки и строительства дорог в высокогорье, включая подъездные дороги на крутых склонах к местам добычи минеральных ресурсов. При этом значительно увеличивается количество оползней и селевых потоков, наносится ущерб селениям, расположенным ниже по склону, значительные объемы геологических пород переносятся в близлежащие ручьи и реки, вызывая в них катастрофические отложения наносов. Это, в свою очередь, ведет к деградации водных сред обитания и падению качества воды, которую используют для питья в селениях ниже по течению рек (Сайдл, 2020).

Наконец, экологическую ситуацию в регионе осложняет проблема накопления бытовых и промышленных отходов, включая ртутьсодержащие, медицинские и прочие опасные отходы (см. таблицу 13). Эффективные системы их сбора, переработки и утилизации пока не получили достаточного распространения, тем более в малых городах и поселках. Сохраняются проблемы дальнейшего накопления и низкой степени переработки отходов, открытых полигонов, стихийных свалок, открытого сжигания мусора вместо его компостирования, отсутствия противодиффузионных слоев и газоотводов на мусорных площадках, что приводит к выделению токсичных веществ в воздух и загрязнению подземных вод (UNEP, 2017).

↓ Таблица 13. Объемы накопления и утилизации отходов (по состоянию на 2017 г.)

Страна	Накопленные отходы, млн тонн	Производство промышленных отходов, млн тонн в год	Производство коммунальных отходов, млн тонн в год	Переработка и утилизация бытовых отходов
Казахстан	28 000	300	6	2–3%, а также 23% промышленных отходов, >30% опасных отходов
Кыргызстан	100–150	5–10	1	1–10%
Таджикистан	100–150	–	0,6–2	1%
Туркменистан	–	0,5–1	0,5–1	1%
Узбекистан	–	40–100	4,2	5–10%

Источник: Программа ООН по окружающей среде и Экологическая сеть «Зой».

Приоритеты по реализации международной климатической повестки

Все страны Центральной Азии взяли на себя обязательства по управлению климатическими рисками и снижению (ограничению) выбросов парниковых газов в рамках Парижского соглашения об изменении климата, вступившего в силу в ноябре 2016 г. Эти обязательства закреплены для каждой страны в Определяемых на национальном уровне вкладах (ОНУВ), период действия которых — до 31.12.2030 (см. таблицу 14).

↓ Таблица 14. Добровольные обязательства по снижению выбросов парниковых газов и переходу к углеродной нейтральности

Страна	Цель к 2030 г. по сравнению с 1990 г.	Достижение углеродной нейтральности
Казахстан	15%	2060 г.
Кыргызстан	11,49–13,75%, при наличии международной поддержки — 43,62%	2050 г.
Таджикистан	30–40%	–
Туркменистан	–	–
Узбекистан	35% (к уровню 2010 г.)	–

Источник: регистр определяемых на национальном уровне вкладов РКИК ООН.

Страны обязаны отчитываться о реализации своих ОНУВ на ежегодных климатических переговорах Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК) и синхронизировать их с согласуемыми на глобальном уровне подходами к реализации национальных вкладов по Парижскому соглашению. Последняя из таких встреч (COP26) состоялась в Глазго (Шотландия) в ноябре 2021 г. Кроме того, страны региона участвуют в выполнении разработанных ООН и всемирно признанных Целей устойчивого развития (ЦУР), в частности ЦУР-13 (Борьба с изменениями климата) и ЦУР-15 (Сохранение экосистем суши). Кстати, согласно Индексу ЦУР за 2022 г., среди стран региона выше

всех в рейтинге по совокупности показателей ЦУР находится Кыргызстан (45-е место из 163), далее — Казахстан (65-е место), Узбекистан (77-е место), Таджикистан (78-е место) и Туркменистан (99-е место) (Sachs et al., 2022).

Что касается страновых ОНУВ, Казахстан планирует достичь углеродной нейтральности к 2060 г., в том числе через увеличение доли ВИЭ в энергобалансе страны и достижение доли раздельного сбора биологически разлагаемых отходов в 30% к 2030 г. Наряду с этим Казахстан поставил цель достичь к 2030 г. доли возобновляемых источников энергии 10% в общем энергетическом балансе. В долгосрочной перспективе (к 2050 г.) возобновляемые и альтернативные (чистые) источники могут обеспечивать половину производимой страной энергии. Также к 2050 г. Казахстан планирует сократить энергоёмкость своего ВВП на 50% по отношению к уровню 2008 г. (Правительство Республики Казахстан, 2021). Для достижения этих ориентиров правительство ведет разработку Стратегии низкоуглеродного развития Казахстана до 2050 г.

Казахстан стал первой страной в Центральной Азии, запустившей еще в 2013 г. Систему торговли квотами на выбросы парниковых газов. Система регулирует около 40% внутренних выбросов двуоксида углерода в Казахстане от 225 крупных предприятий (электроэнергетика, централизованное теплоснабжение, добывающая и перерабатывающая промышленность), ежегодные выбросы которых составляют свыше 20 тыс. тонн эквивалента CO₂. Однако Система не распространяется на выбросы от небольших предприятий, транспортного сектора и сельского хозяйства (REdiCAP, 2021). Этот опыт Казахстана может быть масштабирован и на другие страны региона, включая опыт создания системы расширенной ответственности производителей, программу возврата и утилизации старой электронной техники, деятельность национального оператора по контролю обращения с отходами.

Кыргызстан намерен к 2030 г. сократить выбросы парниковых газов на 11,49–13,75% по сценарию «business as usual», а при наличии международной поддержки — на 43,62% (РКИК ООН, 2021b). К 2050 г. Кыргызстан стремится достичь углеродной нейтральности, прежде всего посредством развития безуглеродной энергетики, гидроэлектростанций и комплекса мероприятий по повышению энергоэффективности экономики. Предполагается принятие мер по сохранению и увеличению площадей лесов Кыргызстана и расширению многолетних насаждений. До 2025 г. Кыргызстан планирует принять Национальную систему мониторинга, оценки и верификации, которая сможет оценивать эффективность реализованных митигационных и адаптационных мер ОНУВ и контролировать их финансирование. Кроме того, Кыргызстан выступает за разработку и принятие под эгидой ООН специальной целевой программы по горным лесам — их сохранению и восстановлению на горных склонах, а также за создание в рамках ООН специального глобального фонда по поддержке горных стран.

Таджикистан взял на себя обязательства не превысить к 2030 г. 60–70% выбросов парниковых газов от уровня 1990 г. в случае отсутствия значительных объемов международного финансирования и 50–60% — при условии значительного международного финансирования и технологического обмена в контексте положений Парижского соглашения (РКИК ООН, 2021a).

Туркменистан определил общие намерения по вопросам изменения климата в рамках Предварительного определяемого на национальном уровне вклада (ПОНУВ). В частности, при финансовой и технологической поддержке развитых стран Туркменистан нацелен добиться нулевого роста выбросов и даже их снижения до 2030 г., но пока без конкретных измеримых показателей (PwC, 2021). В качестве вклада в смягчение последствий изменения климата Туркменистан запланировал снижение утечек природного газа со стороны нефтегазового сектора и модернизацию газо- и нефтепроводов, а также внедрение ВИЭ.

Узбекистан в рамках Парижского соглашения намерен снизить удельные выбросы парниковых газов на единицу ВВП к 2030 г. на 35% от уровня 2010 г. Для этого ставится целью двукратный рост энергоэффективности экономики к 2030 г., включая увеличение доли возобновляемой энергии до 25% и развитие экологически чистого транспорта (РКИК ООН, 2021с). Также среди целей ОНУВ обозначены существенное повышение эффективности водопользования и снижение ресурсо- и энергоемкости экономики страны не менее чем на 20% к 2030 г., улучшение плодородия сельскохозяйственных земель, совершенствование системы управления ТБО и расширение лесных площадей. К 2025 г. планируется ввести в эксплуатацию новые солнечные и ветровые электростанции общей мощностью 2900 МВт.

Особое значение имеет ужесточение контроля за предотвращением загрязнения водных объектов межгосударственного значения. Такие меры наиболее эффективно реализуют международные организации, осуществляющие региональные целевые программы. Например, в рамках ШОС существуют программы развития «умного» туризма, противодействия изменению климата, сохранения биоразнообразия и формирования низкоуглеродной экономики. Концепция сотрудничества в области охраны окружающей среды и программа «Зеленый пояс» ШОС нацелены в том числе на обмен экологической информацией между странами-участницами.

Дополнительные возможности по распространению лучших практик открываются для стран региона со стороны ЕАЭС, в котором состоят Казахстан и Кыргызстан, а Узбекистан имеет статус государства-наблюдателя. Так, Союз ведет работу по формированию общих стандартов климатического регулирования, органической продукции и «зеленого» финансирования. Эти процессы идут в координации с ЕАБР, внедряющим ESG-стандарты в рамках инвестиционной деятельности на территории своих стран-участниц — Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.

Для всех стран региона актуально распространение и внедрение экологически чистых технологий переработки и утилизации бытовых, промышленных, сельскохозяйственных, животноводческих и иных отходов. Сюда входит рекультивация мест захоронения промышленных отходов, использование экономически и экологически эффективных технологий утилизации свалочного газа и биогаза с извлечением энергии.

Наконец, для региона критически важно расширение списка мер по снижению водопотребления за счет внедрения современных технологий и методов орошаемого земледелия, капельного орошения и повышения качества учета воды. По экспертным оценкам, снижение объема всех водозаборов из трансграничных рек на 20% может к 2035 г. дать региону экономию в 9 млрд м³ воды в год (ЮНЕСКО, 2020).

15. ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Структурные вызовы и инструменты их преодоления

Население Центральной Азии составляет порядка 1% от всего населения Земли. За последние десятилетия оно интенсивно увеличивалось, что стало продолжением начавшегося в 1970-х гг. демографического взрыва (Эксперт, 2021). Параллельно рос и уровень ВВП региона. Возможности стран региона сегодня требуют комплексного подхода в социально-экономическом и пространственном развитии. Поэтому так важен новый взгляд на Центральноазиатский регион.

Вызовы, связанные с географическим положением региона, будут смягчаться по мере развития транспортных коридоров. Одновременно укрепится транзитная роль региона на торговом и коммуникационном перекрестке Евразии, в окружении динамично развивающихся экономик Китая, Индии, России и в относительной коммуникационной близости с Японией, Южной Кореей и странами АСЕАН, на пересечении торгово-экономических потоков этих экономик с ЕС, Турцией, другими странами и объединениями. Окружающие регион сильные экономики открывают для центральноазиатских государств уникальные возможности.

↓ Рисунок 38. Структурные вызовы и инструменты их преодоления

Источник: ЕАБР.

Перспективы реализации экономического потенциала Центральной Азии зависят от внешних и внутренних факторов. Внешние факторы сопряжены с динамикой развития ключевых торговых партнеров, складывающейся ситуацией на мировых финансовых и сырьевых рынках и пр. Снижение зависимости от внешних факторов возможно через укрепление внутренних источников роста. Следование политике открытости, взаимовыгодное сотрудничество и согласованность усилий позволят странам Центральной Азии добиться качественного прорыва в развитии всего региона.

Это станет возможным при условии совершенствования и создания механизмов совместного регулирования в инфраструктурных отраслях экономики. Для реализации экономического прорыва и закрепления устойчивых позиций в мирохозяйственной системе потребуется преодолеть четыре основных структурных вызова (см. рисунок 38):

- 1) отсутствие выхода к морю;
- 2) ресурсную зависимость и низкий уровень финансового развития;
- 3) рассогласованность в водно-энергетической сфере;
- 4) климатические изменения.

Отсутствие выхода к морю

Отсутствие выхода к морю является географической особенностью и наряду со сложным рельефом территории приводит к повышенным транспортным издержкам. В результате потенциал развития торговли сдерживается, а это, в свою очередь, тормозит рост объемов производства сельскохозяйственной и промышленной продукции.

Расширению географии и увеличению объемов поставок будет способствовать формирование при участии ЕАБР Евразийского транспортного каркаса, который полностью соответствует критериям и приоритетам Венской программы действий для развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, на 2014–2024 гг. Ренессанс региона как перекрестка меридиональных и широтных транспортных коридоров, соединяющих основные экономические центры Большой Евразии, будет связан как с развитием существующих маршрутов (МТК «Север — Юг», «Европа — Западный Китай», ТМТМ, коридоры ЦАРЭС и др.), так и с созданием новых железнодорожных коридоров — это в первую очередь Китай — Кыргызстан — Узбекистан, Казахстан — Узбекистан — Афганистан — Пакистан, Таджикистан — Афганистан — Туркменистан и др.

Потребуется создание и развитие транспортной инфраструктуры — как физической, так и «мягкой» (регуляторной). Приоритеты в сфере физической инфраструктуры — организация разветвленных сетей (наземных, воздушных и мультимодальных), транспортно-логистических центров и «сухих портов», модернизация и повышение пропускной способности пунктов пересечения границ. К инструментам развития «мягкой» инфраструктуры относятся расширение экспедиторских и логистических услуг, упрощение и гармонизация процедур торговли, транзита и пересечения границ, цифровизация перевозок и транспортно-сопроводительных документов, внедрение принципа «одного окна», поддержка конкуренции в отрасли.

Задача может быть решена в том числе в рамках реализуемых многосторонних программ — ЦАРЭС и СПЕКА в сотрудничестве с другими международными организациями — ЕЭК ООН, ЭСКАТО ООН, АБР, ИБР, ОЭС, а также ШОС, все более фокусирующейся на обеспечении

роста и либерализации ключевых направлений торговли и инвестиций, инфраструктурной взаимосвязанности, не ограничиваясь странами — участницами организации.

Ресурсная зависимость и низкий уровень финансового развития

Структурные преобразования национальных экономических систем требуют колоссальных усилий и сплоченности стран региона. В их экспорте преобладают товары ТЭК, руд, металлов, сельскохозяйственного сырья. Бум сырьевых цен в прошлом десятилетии не был в полной мере использован для диверсификации экономик. Экономике по-прежнему сильно зависят от ценовых шоков на сырьевых рынках. Реализация структурных сдвигов нуждается в политической воле, амбициозных целях и последовательных действиях.

Огромную роль играет улучшение инвестиционного и делового климата — создание среды, привлекательной для развития малого и среднего предпринимательства, привлечение внешних и внутренних инвесторов, повышение конкурентоспособности секторов экономики. Сотрудничество на основе взаимовыгодных интересов и преимуществ стран региона позволит минимизировать производственные издержки, выстроить региональные кооперационные связи, повысить сложность экспортируемой продукции.

Денежные переводы также являются ресурсом для развития отдельных стран региона. Рост промышленного потенциала и сектора услуг в совокупности с созданием высокопроизводительных рабочих мест и системы подготовки и повышения квалификации специалистов позволят уменьшить зависимость стран от денежных переводов и одновременно укрепить социальную стабильность.

Основой всестороннего развития отраслей экономик должен стать внутренний финансовый сектор. Внешнее финансирование в отдельных странах должно уступить доминирующую роль внутренним источникам. Рост сбережений, в свою очередь, будет возможным при повышении уровня жизни широких слоев населения и развитии финансового сектора. Международные финансовые организации будут сохранять функцию акселератора частных инвестиций, потоки которых смогут вырасти при улучшении институциональных условий.

Помимо финансовых, сокращению сырьевой зависимости могут способствовать и другие услуги — транспортные, образование, медицина, информационные технологии, туризм. Внедрение взаимных стандартов и классификаций будет стимулом для развития региональной торговли услугами, повышения конкуренции и качества предоставляемых услуг. Услуги со временем станут основным драйвером роста экономик региона, позволят повысить открытость Центральной Азии, увеличить производительность в экономике.

Весомым фактором для устойчивого развития несырьевых отраслей производства является развитие транспортной и энергетической региональной инфраструктуры.

Рассогласованность в водно-энергетической сфере

Рассогласованность в водно-энергетической сфере создает огромные потери ВВП стран региона. Кыргызстан и Таджикистан в основном заинтересованы в энергетическом использовании водных ресурсов. Для Казахстана, Узбекистана и Туркменистана приоритетом является ирригация в условиях дефицита пресной воды. Страны улучшают управление ВЭК через действующие совместные координирующие институты как в сфере водного хозяйства, так и в сфере электроэнергетики. Однако потребности в ресурсах увеличиваются все быстрее из-за роста населения и экономической активности.

Усиление согласованности действий может повысить синергию, снизив капитальные расходы стран и предоставив достаточно ресурсов для промышленности и населения. Координация систем ВЭК — залог водно-энергетической и продовольственной безопасности в регионе. Реализация энергетических проектов позволит улучшить энергобаланс и перейти к экспорту электроэнергии — как отдельным странам, так и региону в целом. Повышение доступности электроэнергии и снижение ее стоимости будут способствовать развитию более энергоемких производств и окажут мультипликативный эффект на развитие отраслей экономики.

Применение новых подходов к формированию и регулированию регионального водно-энергетического рынка, сотрудничество в области передачи электроэнергии, стратегическое планирование развития энергосетей — все это может повысить согласованность стран Центральной Азии в сфере ВЭК. Наряду с этим требуются дополнительные инвестиции в инфраструктуру. Первостепенной задачей в развитии регионального водного хозяйства должна стать реализация проектов по модернизации систем орошения (с целью сокращения потерь воды) и по снижению нагрузки на водные ресурсы.

Климатические изменения

Регион сильно уязвим перед изменением климата. Опустынивание земель, пересыхание водоемов, загрязнение водных ресурсов и воздуха — все эти факторы ухудшают условия жизни населения и сдерживают развитие отраслей экономики стран региона, главным образом сельского хозяйства.

«Зеленая» повестка стран Центральной Азии и их основных торгово-экономических партнеров оказывает серьезное влияние на формирование траекторий развития региона. У региональных энергетического, транспортного, водно- и сельскохозяйственного секторов появляются новые стимулы роста в рамках глобальной экотрансформации и реализации национальных обязательств по декарбонизации экономики, взятых странами при присоединении к Парижскому соглашению об изменении климата.

Инвестиции в низкоуглеродные технологии и «зеленые» проекты, развитие «зеленой» энергетики, включая использование огромного гидроэнергетического и солнечного потенциала региона, реализация проектов по вторичной переработке ТБО и промышленных отходов, повышение экологической ответственности граждан и предприятий — эти шаги позволят решить экологические и климатические задачи и станут дополнительными факторами создания благоприятной среды для жизни и труда.

Связанность ключевых вызовов

Решение ни одного из перечисленных вызовов не может быть автономным в силу их взаимосвязанности. Откладывание решения одних вопросов может сдерживать преодоление других проблем. Так, структурная перестройка экономики во многом будет определяться темпами развития транспортной отрасли и водно-энергетического комплекса. В свою очередь, модернизация отраслей экономики и реализация высокого потенциала развития ВИЭ позволит улучшить экологическую ситуацию в регионе, повысить его вклад в решение глобальных климатических проблем. Успех будущего развития стран Центральной Азии будет зависеть от преодоления и других не менее важных вызовов — совершенствования институциональных основ, сокращения неформального сектора экономики, снижения макроэкономических рисков.

Перспективы развития Центральноазиатского региона

Стратегическая роль Центральной Азии на экономической карте мира будет возрастать, особенно для России, Китая и Турции. Центральная Азия перестает быть периферией для крупных экономических игроков на обширном евразийском пространстве. Трансформация региона во многом зависит от внутренних усилий, частных инвестиций, а также от реализации масштабных многосторонних программ. Регион может стать финансово устойчивым и динамично развивающимся на пространстве Большой Евразии — с эффективными региональными механизмами сотрудничества, с активным участием национальных бизнесов в региональных производственно-сбытовых цепочках, производящих конкурентоспособные товары и услуги для внутренних и внешних потребителей.

Преодоление структурных вызовов региона позволит наиболее полно раскрыть его экономический потенциал. Повышение транспортной связанности активизирует взаимную торговлю, промышленную кооперацию, повысит бизнес-активность вдоль транспортных коридоров и, следовательно, обеспечит торговую открытость региона. Согласованное управление ВЭК будет содействовать снижению производственных издержек, укреплению водно-энергетической безопасности и реализации потенциала сельского хозяйства.

Инфраструктурные проекты являются высококапиталоемкими. Страны нуждаются в модернизации действующей и создании новой инфраструктуры, и в этих условиях интеграционный путь развития — оптимальное решение. Совместное преодоление структурных вызовов позволит странам минимизировать издержки на национальном уровне, достичь больших результатов, выстроить согласованную систему управления региональной инфраструктурой — водно-энергетическим комплексом и транспортной системой. Географическая близость располагает к инфраструктурной интеграции (см. врезку 5).

Врезка 5

Наличие общей электросети в Западной Африке позволяет небольшим странам извлекать выгоду из эффекта масштаба и преимуществ крупных электросетей, снижающих риски (Devarajan, 2017). Всемирный банк оценивает экономические выгоды регионального рынка электроэнергии в Западной Африке в 5–8 млрд долл. в год за счет снижения производственных расходов (World Bank, 2018). Комплексное развитие инфраструктуры имеет большой эффект. По оценкам Всемирного банка на основе показателей инфраструктурного развития стран Африки, инвестиции в дороги оказывают значимое влияние на отраслевые изменения, приводя к переходу работников из сельского хозяйства (низкопроизводительной отрасли) в обрабатывающую промышленность и сферу услуг. В случае одновременного инвестирования в дороги и электроэнергию эффекты возрастают в 2,5 раза (Herrera Dappe, Lebrand, 2021).

Трансграничное инфраструктурное развитие заложит основы для тесного взаимодействия с соседними странами на пространстве Большой Евразии. Формирование Евразийского транспортного каркаса приведет к росту торговых связей центральноазиатских государств со странами Южной Азии, а выход к морским портам Индийского океана обеспечит торговлю с более отдаленными государствами по морским маршрутам. Вместе с тем основные торговые выгоды будут по-прежнему определяться сотрудничеством стран региона с Китаем, Россией и Турцией.

Значимость кооперации для региона в перспективе будет повышаться. Динамичный рост взаимного товарооборота свидетельствует об успехах развития регионального сотрудничества. Развитие внутренней торговли и взаимных инвестиций, импульс которому придала либерализация экономики в Узбекистане, продолжится. Углублению производственной кооперации будут способствовать повышение открытости экономик друг для друга, установление доверительных и прозрачных взаимоотношений, гармонизация правил и процедур, приверженность общим целям устойчивого развития. Региональная кооперация с опорой на культурную схожесть народов региона позволит создавать продукты и услуги (например, в сфере туризма), уникальные по своим свойствам для потребителей со всего мира. Региональная кооперация повысит мобильность населения внутри региона, усилит гуманитарное сотрудничество стран Центральной Азии.

Трансграничное сотрудничество должно опираться на определенную региональную институциональную структуру. Страны региона связаны между собой через различные региональные программы и институты — такие как ЦАРЭС, СПЕКА, ЕАЭС, ШОС, ОЭС и др. Наиболее формализованным из них является ЕАЭС, в который входят Казахстан и Кыргызстан.

Центральноазиатские страны, действуя согласованно, будут иметь больше возможностей для преодоления структурных проблем развития. Предпочтительным форматом развития экономической интеграции центральноазиатских государств выступает ЕАЭС. Участие в ЕАЭС обеспечит странам единую регуляторную среду, доступ к обширному общему рынку труда, капитала, товаров и услуг, устранение препятствий во взаимной торговле и развитие промышленной кооперации (см. [врезку 6](#)).

Врезка 6

Роль ЕАЭС значительна на евразийском пространстве. ЕАЭС стремится к гармонизации регулирования, формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов. Благодаря совместным действиям государств — членов ЕАЭС сокращаются препятствия во взаимной торговле, усиливается кооперация, формируются общие рынки, снижающие производственные издержки и повышающие внешнюю конкурентоспособность продукции. Безопасность производимой в ЕАЭС продукции обеспечивается системой технического регулирования и санитарными, ветеринарно-санитарными и карантинными фитосанитарными мерами.

Для развития региона будет важно использовать возможности глобальной экономики, привлекать и адаптировать мировые технологии, включая цифровые и «зеленые». На страны Центральной Азии заметное влияние оказывают современные тренды, открывающие новые перспективы, и то, как удастся ими воспользоваться — зависит от каждой из стран. В числе таких трендов — развитие устойчивых «умных» городов, цифровая трансформация.

Города являются основными центрами развития и торговли, однако тенденции урбанизации в Центральной Азии по-прежнему неравномерны ([Шаймергенов, Абишева, Рахимжанова, 2017](#)). Наиболее активно процесс урбанизации идет в Казахстане, где доля городского населения составляет около 60% ([Обзорно-аналитический портал Strategy 2050, 2021b](#)). В этой связи в Казахстане активно развивается концепция «умной» трансформации городов. Сегодня практически во всех городах страны реализуются проекты, ориентированные на развитие интеллектуальных технологий (см. [врезку 7](#)). Параллельно Казахстан проводит в жизнь программу инфраструктурного развития сельских поселений. Такой опыт был бы полезен и для остальных стран региона. «Умная» цифровая трансформация городов и сельских территорий будет содействовать росту качества жизни людей.

Врезка 7

В 2021 г. в Казахстане при содействии ЕАБР реализован проект строительства «умного освещения» на базе энергосберегающих технологий (автоматизированной системы управления наружным освещением и LED-светильников). Новое освещение было проведено на 238 улицах и одной трассе (Атырау — Актобе) общей протяженностью 242,6 км. В результате затраты на энергопотребление сетей уличного освещения снизились на 80%, расходы на обслуживание — на 36%, годовые выбросы углекислого газа — на 0,6828 тонны. Проект стал победителем престижной международной премии Environmental Finance's 2021 IMPACT Awards.

Цифровая повестка реализуется в странах региона на разных скоростях и уровнях, меняя облик и структуру секторов экономик. Казахстан значительно продвинулся в сфере электронной торговли — как в плане упрощения и цифровизации всех таможенных и клиентских платежей, так и в плане внешнеторговых транзакций. Ведется разработка информационной системы для фермеров и переход на «электронное правительство» ([QazTrade, 2022](#)). Узбекистан планирует увеличить долю цифровой экономики в ВВП как минимум в 2,5 раза к 2026 г. ([Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан, 2022](#)). Кыргызстан нацелен стать к 2040 г. цифровым хабом на Великом Шелковом пути ([Министерство иностранных дел Кыргызской Республики, 2018](#)) и в 2022 г. открыл сеть бизнес-инкубаторов при 20 университетах республики для поддержки инновационных стартапов ([Интернет-портал СНГ, 2022a](#)). Таджикистан и Туркменистан обеспечивают внедрение цифровых технологий в сферу торговли, финансовых услуг и другие отрасли экономики ([FAOLEX, 2021](#); [Министерство экономического развития и торговли Республики Таджикистан, 2019](#); [Интернет-портал СНГ, 2022b](#)). Поддержку центральноазиатским государствам по цифровой трансформации оказывает ЕАБР, в том числе в партнерстве с государственными органами и институтами развития Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, а в перспективе будет активизировано сотрудничество с Узбекистаном.

Приведенный перечень направлений развития экономик Центральной Азии не является исчерпывающим. Однако эти цели и задачи, безусловно, могут рассматриваться как предпосылки устойчивого роста всего региона и дальнейшего повышения его привлекательности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Абдымомунова, Л., Бутенко, В., Нуриев, Р., Перепечка, С., Раджи, М., Руэда-Сабатер, Э., Соколова, В., Тюрпиц, А., Чин, В. (2018) *Инвестиции в Центральную Азию: один регион — множество возможностей*. BCG. Декабрь. Доступно на: https://web-assets.bcg.com/img-src/BCG-Investing-In-Central-Asia-report-RUS_tcm9-247777.pdf (Просмотрено 11 мая 2022).
- Алексеев, И., Бутенко, В., Жукова, Е., Нуриев, Р., Полунин, К., Раджи, М., Степаненко, А. (2019) *Узбекистан: Окно возможностей*. BCG. Май. Доступно на: http://media-publications.bcg.com/RUS-UZ-Tier_MAY-2019-FIN.pdf (Просмотрено 28 марта 2022).
- Алимов, Р. (2022) Центральная Азия и Китай: новая эпоха отношений. *Жэньминь жибао*, 26 января. Доступно на: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0126/c31521-9949693-2.html> (Просмотрено 11 мая 2022).
- Алифорова, Е. (2022) Туркменистан выделяет более 67 млн долл. США на развитие нефтегазового сектора. С прицелом на рост экспорта газа. *Neftegaz.RU*, 27 января. Доступно на: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/722617-turkmenistan-vydelyaet-bolee-67-mln-doll-ssha-na-razvitie-neftegazovogo-sektora-s-pritselom-na-rost-/> (Просмотрено 11 мая 2022).
- Винокуров, Е. (2008) *Водно-энергетические ресурсы Центральной Азии: проблемы использования и освоения*. Отраслевой обзор. 24 апреля. Алматы: Евразийский банк развития. Доступно на: http://www.cawater-info.net/library/rus/eabr_3.pdf (Просмотрено 21 июня 2022).
- Винокуров, Е. (2021) Экономическая реальность и перспективы Центральной Азии пока не осознаны. *Kapital.kz*, 11 ноября. Доступно на: <https://kapital.kz/economic/100273/ekonomicheskaya-real-nost-i-perspektivy-tsentral-noy-azii-poka-ne-osoznany.html> (Просмотрено 21 марта 2022).
- Винокуров, Е. и Либман, А. (2012) *Евразийская континентальная интеграция*. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР. Доступно на: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/evraziyskaya-kontinentalnaya-integratsiya/> (Просмотрено 21 июня 2022).
- Винокуров, Е., Ахунбаев, А., Усманов, Н., Сарсембеков, Т. (2022) *Регулирование водно-энергетического комплекса Центральной Азии*. Алматы, Москва: Евразийский банк развития.
- Винокуров, Е., Ахунбаев, А., Усманов, Н., Цукарев, Т., Сарсембеков, Т. (2021) *Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии*. Доклады и рабочие документы 21/3. Алматы, Москва: Евразийский банк развития. Доступно на: <https://eabr.org/analytics/special-reports/investitsii-v-vodno-energeticheskij-kompleks-tsentralnoy-azii/> (Просмотрено 21 июня 2022).
- Винокуров, Е., Ахунбаев, А., Шашкенов, М., Забоев, А. (2021) *Международный транспортный коридор «Север — Юг»: создание транспортного каркаса Евразии*. Доклад 21/5. Алматы, Москва: Евразийский банк развития. Доступно на: <https://eabr.org/analytics/special-reports/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug-sozdanie-transportno-go-karkasa-evrazii-/> (Просмотрено 21 июня 2022).
- Винокуров, Е., Коршунов, Д., Перебоев, В., Цукарев, Т. (2017) *Евразийский экономический союз*. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР. Доступно на: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/evraziyskiy-ekonomicheskij-soyuz/> (Просмотрено 27 июля 2022).
- Винокуров, Е., Лобырев, В., Тихомиров, А., Цукарев, Т. (2018) *Транспортные коридоры Шелкового пути: потенциал роста грузопотоков через ЕАЭС*. Доклад № 49. СПб.: ЦИИ ЕАБР. Доступно на: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/transportnye-koridory-shelkovogo-puti-potentsial-rosta-gruzopotokov-cherез-еаес/> (Просмотрено 21 июня 2022).
- Винокуров, Е., Цукарев, Т., Ахунбаев, А., Бабаджанян, В., Бердигулова, А., Кузнецов, А., Перебоев, В., Федоров, К., Харитончик, А., Чкония, А.-М. (2021) *Узбекистан и ЕАЭС: перспективы и потенциальные эффекты экономической интеграции*. Доклады и рабочие документы 21/2. Москва: Евразийский банк развития. Доступно на: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/uzbekistan-i-eaes-perspektivy-i-potentsialnye-effekty-ekonomicheskoy-integratsii-/> (Просмотрено 28 марта 2022).
- Всемирный банк (2016) *Риски и доходы: в поисках финансовых компромиссов для инклюзивного роста в Европе и Центральной Азии*. Обзор. Доступно на: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/983201481822358394/pdf/110764-WP-RUSSIAN-v2-PUBLIC-Risks-and>Returns-Overview-RUS.pdf> (Просмотрено 12 июля 2022).
- Всемирный банк (2019) *Узбекистан: навстречу новой экономике*. Страновой экономический бюллетень. Доступно на: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/750691563976140831/pdf/Uzbekistan-Toward-a-New-Economy-Country-Economic-Update.pdf> (Просмотрено 29 марта 2022).
- Газета.uz (2019) Tenge Bank начал работу в Узбекистане. 11 июля. Доступно на: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/07/11/tenge-bank/> (Просмотрено 11 мая 2022).
- Ермолов, М. (2021) *Помощь Центральной Азии: Новая Большая игра*. Российский совет по международным делам, аналитическая записка № 36. Доступно на: <https://russiancouncil.ru/papers/CentralAsiaAid-PolicyBrief36.pdf> (Просмотрено 24 июня 2022).
- ЕЭК (2019) *Сводный обзор о мерах и механизмах поддержки экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия, применяемых в государствах — членах Евразийского экономического союза и ведущих странах — экспортерах сельскохозяйственной продукции и продовольствия*. Доступно на: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/export/Documents/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BE%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%20%D0%BE%20%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%85%20%D0%B8%20%D0%BC%D0%B5%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B0%D1%85%20%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%BA%D0%B8%20%D1%8D%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0%202019.pdf (Просмотрено 24 июня 2022).
- Золотой век (2022) Президент Туркменистана провел рабочее совещание по совершенствованию деятельности финансово-экономического сектора. 26 января. Доступно на: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/60435/prezident-turkmenistana-provyol-rabochee-soveshchanie-po-sovershenstvovaniyu-deyatelnosti-finansovo-ekonomicheskogo-sektora> (Просмотрено 24 июня 2022).

- Институт Азиатского банка развития (АБР) (2015) *Связи Центральной Азии с глобальными экономическими центрами*. Доступно на: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/166905/adb-connecting-central-asia-economic-centers-final-report-russian.pdf> (Просмотрено 11 мая 2022).
- Интернет-портал СНГ (2022a) В более чем 20 вузах Кыргызстана открылись бизнес-инкубаторы для студенческих стартапов. 3 сентября. Доступно на: <https://e-cis.info/news/569/102990/> (Просмотрено 16 сентября 2022).
- Интернет-портал СНГ (2022b) Состоялось заседание Кабинета министров Туркменистана. 17 мая. Доступно на: <https://e-cis.info/news/567/100319/> (Просмотрено 24 июня 2022).
- Кузнецов, А. и Винокуров, Е. (ред.) (2021) *Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР*. Доклад 21/4. Москва: Евразийский банк развития. Доступно на: <https://eabr.org/analytics/special-reports/monitoring-vzaimnykh-investitsiy-eabr/> (Просмотрено 11 мая 2022).
- Лавров, С. (2022) Россия — Центральная Азия. 30 лет на пути дружбы и сотрудничества. *Российская газета*, 5 мая. Доступно на: <https://rg.ru/2022/05/05/sergei-lavrov-rossia-centralnaia-aziia-30-let-na-puti-druzhy-i-sotrudnichestva.html> (Просмотрено 19 мая 2022).
- Латипов, Ш. (2022) Как ситуация в Казахстане может повлиять на экономику Узбекистана. *Газета.uz*, 7 января. Доступно на: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/01/07/kaz-uzb/> (Просмотрено 8 апреля 2022).
- Лисоволик, Я. (2017) Парадоксы интеграции. *Ведомости*, 1 ноября. Доступно на: <https://www.vedomosti.ru/partner/characters/2017/10/30/739889-paradoksi-integratsii> (Просмотрено 30 марта 2022).
- МАК (2022) Современное состояние и проблемы развития авиаперевозок в государствах — участниках Соглашения о гражданской авиации и об использовании воздушного пространства в 2016–2021 гг.
- Министерство инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан (2022a) Инвестиционный потенциал Центральной Азии: вызовы и перспективы. Пресс-релиз, 26 марта. Доступно на: <https://mift.uz/ru/news/investitsionnyj-potentsial-tsentralnoj-azii-vyzovy-i-perspektivy> (Просмотрено 11 мая 2022).
- Министерство инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан (2022b) Узбекистан — Кыргызстан: поэтапное расширение взаимовыгодного партнерства. Пресс-релиз, 14 апреля. Доступно на: <http://mift.uz/ru/news/uzbekistan-kyrgyzstan-postupatelnoe-rasshirenie-vzaimovygodnogo-partnerstva> (Просмотрено 11 мая 2022).
- Министерство иностранных дел Кыргызской Республики (2018) Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы. Доступно на: <https://mfa.gov.kg/uploads/content/1036/3ccf962c-a0fc-3e32-b2f0-5580bfc79401.pdf> (Просмотрено 24 июня 2022).
- Министерство экономического развития и торговли Республики Таджикистан (2019) Концепция цифровой экономики в Республике Таджикистан. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 декабря 2019 года, № 642. Доступно на: <https://medt.tj/images/news/2019/KCERT.pdf> (Просмотрено 24 июня 2022).
- Министерство юстиции Кыргызской Республики (2021) Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2026 года. Приложение к Указу Президента Кыргызской Республики от 12 октября 2021 года № 435. Доступно на: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430700?cl=ru-ru>. (Просмотрено 24 июня 2022).
- Назаров, Ш. (2021) Объем инвестиций РК в Таджикистан за 8 лет составил около 500 млн долларов. *ИА «BNews.kz»*. Доступно на: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31595569 (Просмотрено 11 мая 2022).
- Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (2022) Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы» от 28 января 2022 года № УП-60. Доступно на: <https://lex.uz/ru/docs/5841077> (Просмотрено 24 июня 2022).
- Национальное информационное агентство Узбекистана (2022) Указ Президента Республики Узбекистан «Об очередных реформах по созданию условий для стабильного экономического роста путем улучшения предпринимательской среды и развития частного сектора». 8 апреля. Доступно на: https://uza.uz/ru/posts/ob-ocherednyx-reformax-po-sozdaniyu-usloviy-dlyastabilnogo-ekonomicheskogo-rosta-putem-uluchsheniya-predprinimatelskoy-sredy-i-razvitiya-chastnogo-sektora_362536 (Просмотрено 24 мая 2022).
- Национальный банк Кыргызской Республики (НБ КР) (2017) Стратегические направления деятельности Национального банка Кыргызской Республики на 2018–2021 гг. Доступно на: <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=3326&lang=RUS> (Просмотрено 30 мая 2022).
- Национальный банк Таджикистана (НБТ) (2020) Стратегия денежно-кредитной политики Республики Таджикистан на 2021–2025 годы. Доступно на: https://nbt.tj/files/monetary_policy/pdf/strateg_ru_2020_10_11.pdf (Просмотрено 8 апреля 2022).
- Обзорно-аналитический портал Strategy 2050 (2021a) Заседание совета иностранных инвесторов: как будет развиваться несырьевой экспорт. 10 июня. Доступно на: <https://strategy2050.kz/ru/news/sovet-inostrannykh-investorov-prokhodit-v-nur-sultane/> (Просмотрено 24 июня 2022).
- Обзорно-аналитический портал Strategy 2050 (2021b) Урбанизация в Казахстане: прогрессивное развитие. 21 сентября. Доступно на: <https://strategy2050.kz/ru/news/urbanizatsiya-v-kazakhstan-progressivnoe-razvitie/> (Просмотрено 23 июня 2022).
- ООН (2014) *Венская программа действий для развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, на десятилетие 2014–2024 годов*. Доступно на: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_development.shtml (Просмотрено 28 сентября 2022).
- ООН (2020) *Добровольный национальный обзор Республики Узбекистан о реализации повестки дня до 2030 года в области устойчивого развития*. Платформа знаний об устойчивом развитии. Доступно на: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26381VNR_2020_Uzbekistan_Report_Russian.pdf (Просмотрено 29 июня 2022).
- Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан (2020) Рост инвестиций, увеличение внешнеторгового оборота и производства товаров — основные экономические тенденции Казахстана. 8 июня. Доступно на: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/rost-investitsiy-uvelichenie-vneshnetorgovogo-oborota-i-proizvodstva-tovarov-kakovy-osnovnye-ekonomicheskie-tendencii-kazakhstan-855512> (Просмотрено 12 июля 2022).
- Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан (2021a) К концу 2025 года доля участия государства в экономике сократится до 14% к ВВП. Пресс-релиз, 2 сентября. Доступно на: <https://primeminister.kz/ru/news/k-koncu-2025-goda-dolya-uchastiya-gosudarstva-v-ekonomike-sokratitsya-do-14-k-vvp-e-zhamaubaev-282621> (Просмотрено 28 июня 2022).

- Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан (2021b) III Форум межрегионального сотрудничества РК и РУ проведен в Туркестане. Пресс-релиз, 26 ноября. Доступно на: <https://primeminister.kz/ru/news/iii-forum-mezhregionalnogo-sotrudnichestva-rk-i-ru-proveden-v-turkestane-2610745> (Просмотрено 11 мая 2022).
- ОЭСР (2016) *Комплексный страновой обзор Казахстана. Часть I. Предварительная оценка. Пути развития ОЭСР*. Доступно на: https://www.oecd.org/dev/MDCR_Phase-I_Brochure_RUS_web.pdf (Просмотрено 24 мая 2022).
- Правительство Республики Казахстан (2021) Обновленный определяемый на национальном уровне вклад (ОНУВ) Республики Казахстан в достижение температурной цели Парижского соглашения. Доступно на: <https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=11811525> (Просмотрено 21 июня 2022).
- Программа ООН по окружающей среде (UNEP) (2017) Региональный обзор и прогноз управления отходами в Центральной Азии. Доступно на: <https://zoinet.org/wp-content/uploads/2018/02/CA-waste-rus.pdf> (Просмотрено 21 июня 2022).
- Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) (2021a) Обновленная версия определяемого на национальном уровне вклада Республики Таджикистан. Доступно на: https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022-06/NDC_TAJIKISTAN_RUSS.pdf (Просмотрено 21 июня 2022).
- Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) (2021b) Обновленный определяемый на национальном уровне вклад Кыргызской Республики. Доступно на: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Kyrgyzstan%20First/%D0%9E%D0%9D%D0%A3%D0%92%20%D0%A0%D0%A3%D0%A1%20%D0%BE%D1%82%2008102021.pdf> (Просмотрено 22 июня 2022).
- Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) (2021c) Обновленный определяемый на национальном уровне вклад Республики Узбекистан. Доступно на: https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Uzbekistan%20First/Uzbekistan_Updated%20NDC_2021_RU.pdf (Просмотрено 21 июня 2022).
- Романова, О., Николаенко, А. (2021) *Резюме базового анализа ситуации в сфере восстановления ландшафтов в бассейне Аральского моря на территории республик Казахстан и Узбекистан*. Водно-энергетическая программа для Центральной Азии (CAWER), Всемирный банк. Доступно на: <https://www.globallandscapesforum.org/wp-content/uploads/2021/08/Synopsis-of-the-Baseline-Analysis-of-the-Landscape-Restoration-Situation-in-the-Aral-Sea-Watershed-within-the-Republics-of-Kazakhstan-and-Uzbekistan-Russian.pdf> (Просмотрено 21 июня 2022).
- Сайдл, Р. С. (2020) *Темные тучи над Шелковым путем: экологические проблемы, возникающие в горных районах Центральной Азии*. Исследовательский отчет № 8. Университет Центральной Азии. Доступно на: <https://ucentalasia.org/media/oteacpdh/uca-msri-researchpaper-8-rus.pdf> (Просмотрено 21 июня 2022).
- Сарсенова, М. (2022) Удастся ли Казахстану сохранить доверие инвесторов? *Kapital.kz*, 26 января. Доступно на: <https://kapital.kz/economic/102237/udast-sya-li-kazakhstanu-sokhranit-doveriye-investorov.html> (Просмотрено 11 мая 2022).
- Счетный комитет по контролю за исполнением республиканского бюджета (2022) Заключение к отчету Правительства Республики Казахстан об исполнении республиканского бюджета за 2021 год. 27 июня. Доступно на: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/319511?lang=ru> (Просмотрено 12 июля 2022).
- Трофимова, О. и Батыршин, Т. (2022) Строительство АЭС в Казахстане. Какова цена вопроса. *Informburo.kz*, 25 мая. Доступно на: <https://informburo.kz/stati/stroitelstvo-aes-v-kazaxstane-kakova-cena-voprosa> (Просмотрено 20 июня 2022).
- Туркменская государственная издательская служба (2016) *Транспортная система Туркменистана — на пути к устойчивому развитию*. Ашхабад.
- Хроника Туркменистана (2022) Курс доллара на «черном рынке» Ашхабада колеблется в пределах 16–18 манатов. 20 февраля. Доступно на: <https://www.hronikatm.com/2022/02/exchange-rate-119/> (Просмотрено 12 июля 2022).
- Центральноазиатская климатическая информационная платформа (ЦАКИП) (2021) *Сельское хозяйство и адаптация к изменению климата. Обзор ЦАКИП, выпуск 2, октябрь-декабрь*. Доступно на: https://carececo.org/publications/CACIP-Review-2-RU_c.pdf (Просмотрено 23 февраля 2022).
- Цзиньпин, С. (2022) Вместе ради общего будущего. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина на онлайн-саммите глав государств Китая и государств Центральной Азии. *Синьхуа Новости*, 25 января. Доступно на: http://russian.news.cn/2022-01/25/c_1310440535.htm (Просмотрено 11 мая 2022).
- Шаймергенов, Т., Абишева, М., Рахимжанова, А. (2017) *Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт. Вероятные сценарии на 10 лет вперед*. Нур-Султан: Издательство Библиотеки Первого Президента РК — Елбасы. Доступно на: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/13872.pdf> (Просмотрено 23 июня 2022).
- Эксперт (2021) *Центральная Азия: 30 лет независимости*. Специальный доклад. 13 декабря. Доступно на: <https://ecis.info/upload/iblock/635/635ed08f747c0b7d66b28bf6cca32398.pdf> (Просмотрено 24 июня 2022).
- ЮНЕСКО (2020) *Аральское море и Приаралье*. Доступно на: https://unesdoc.unesco.org/in/documentViewer.xhtml?v=2.1.196&id=p:usmarcdef_0000374222&file=/in/rest/annotationSVC/DownloadWatermarkedAttachment/attach_import_1162e462-4988-44b0-90c8-4707cce01db5%3F%3D374222rus.pdf&locale=ru&multi=true&ark=/ark:/48223/pf0000374222/PDF/374222rus.pdf#%5B%7B%22num%22%3A811%2C%22gen%22%3A0%7D%2C%7B%22name%22%3A%22XYZ%22%7D%2C54%2C218%2C0%5D (Просмотрено 23 июня 2022).
- adelphi и РЭЦЦА (2017) *Переосмысление водного вопроса в Центральной Азии. Цена бездействия и преимущества водного сотрудничества*. Доступно на: <https://carececo.org/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BE%D1%81%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%B2%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B0%20%D0%B2%20%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%90%D0%B7%D0%B8%D0%B8.pdf> (Просмотрено 11 мая 2022).
- Avesta (2021) Таджикистан и Узбекистан подписали в Бохтаре соглашения на сумму \$730 млн 9 июня. Доступно на: <http://avesta.tj/2021/06/09/tadzhikistan-i-uzbekistan-podpisali-v-bohtare-soglasheniya-na-summu-730-mln/> (Просмотрено 11 мая 2022).
- Avesta (2022) Таджикистан намерен сократить экспорт хлопка-волокна. 14 апреля. Доступно на: <http://avesta.tj/2022/04/14/tadzhikistan-nameren-sokratit-eksport-hlopka-volokna/> (Просмотрено 28 июня 2022).

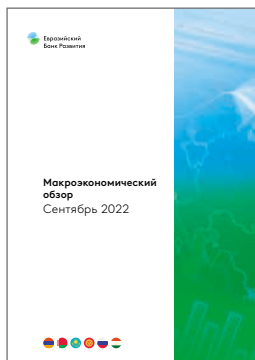

- Central Asian Analytical Network (CAAN) (2017) Банки Центральной Азии: разрозненные, нестабильные, разнокалиберные. Могут ли они сложить пазл? 25 апреля. Доступно на: <https://www.caa-network.org/archives/8920> (Просмотрено 12 июля 2022).
- Central Asian Analytical Network (CAAN) (2021) Казахстан и Узбекистан — два локомотива интеграции? 28 июля. Доступно на: <https://www.caa-network.org/archives/22034/kazakhstan-i-uzbekistan-dva-lokomotiva-integraczii> (Просмотрено 8 апреля 2022).
- FAOLEX (2021) Программа среднесрочного развития Республики Таджикистан на 2021–2025 годы. Приложение к постановлению Правительства Республики Таджикистан от 30 апреля 2021 года № 168. Доступно на: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/taj207625.pdf> (Просмотрено 24 июня 2022).
- Forbes Kazakhstan (2022) Россия построит АЭС в Кыргызстане. 21 января. Доступно на: https://forbes.kz/process/rossiya_postroit_aes_v_kyrgyzystane/ (Просмотрено 20 июня 2022).
- IRU (2016) Автобусные перевозки в Евразии сегодня и завтра. Женева, Москва.
- Kapital.kz (2021) За 15 лет Казахстан вложил в экономику Кыргызстана более \$1 млрд. 2 марта. Доступно на: <https://kapital.kz/economic/93842/za-15-let-kazakhstan-vlozhil-v-ekonomiku-kyrgyzystana-boleye-1-mlrd.html> (Просмотрено 11 мая 2022).
- Kapital.kz (2022) Единую стратегию развития трансграничных хабов примут в РК. 8 февраля. Доступно на: <https://kapital.kz/economic/102711/yedinuyu-strategiyu-razvitiya-transgranichnykh-khbov-primut-v-rk.html> (Просмотрено 10 мая 2022).
- РwС (2021) Пути решения вопросов по изменению климата в Туркменистане — КС26. Посольство Великобритании в Ашхабаде. Март. Доступно на: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/979661/RU_PwC_report_Tackling_Climate_Change_in_TKM.pdf (Просмотрено 21 июня 2022).
- REdiCAP (2021) Доклад регионального диалога по ценообразованию на углерод (REdiCAP) в Центральной Азии. 25–26 февраля. Доступно на: <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/REdiCAP%20Central%20Asia%20Final%20Report%20and%20Roadmap%20RU%20-%20%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B4%20%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B0%20%D0%BF%D0%BE%20%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%83%D0%B3%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B4.pdf> (Просмотрено 21 июня 2022).
- QazTrade (2022) Центр развития торговой политики «QazTrade». Выступление Нурлана Кулбатырова на сессии «Электронная торговля: опора инфраструктуры единого рынка ЕАЭС» в рамках Евразийского экономического форума, 26 мая.
- Yassy-tur.kz (2020) Швейная фабрика «Turkistan Textile» способна производить 15 000 единиц текстильной продукции в год. 14 декабря. Доступно на: <http://yassy-tur.kz/?p=18213&lang=ru> (Просмотрено 11 мая 2022).
- Zakon.kz (без даты) КНП остается одним из основных торговых партнеров Казахстана. Доступно на: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31216496&pos=20;-42#pos=20;-42 (Просмотрено 11 мая 2022).
- ADB (2017) *Turkmenistan, 2017–2021—Catalyzing Regional Cooperation and Integration, and Economic Diversification*. Available at: <http://hdl.handle.net/11540/8849> (Accessed 28 June 2022).
- ADB (2021) *A Road Map for Shymkent–Tashkent–Khujand Economic Corridor Development*. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/671571/road-map-shymkent-tashkent-khujand-corridor.pdf> (Accessed 22 August 2022).
- Arvis, J-F., Raballand, G., Marteau, J-F. (2010) *The Cost of Being Landlocked: Logistics Costs and Supply Chain Reliability*. Washington, DC: The World Bank. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/2489> (Accessed 11 July 2022).
- Batsaikhan, U. and Dabrowski, M. (2017) Central Asia — Twenty-Five Years after the Breakup of the USSR. *Russian Journal of Economics*, 3 (3). Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.09.005> (Accessed 13 July 2022).
- Burunciuc, L. and Izvorski, I. (2019) Encouraging Transformations in Central Asia. The Brookings Institution, 13 December. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/future-development/2019/12/13/encouraging-transformations-in-central-asia/> (Accessed 25 March 2022).
- Dankov, A. (2020) The Paradoxes of Social and Economic Development in Central Asia. Russian International Affairs Council, 31 January. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/the-paradoxes-of-social-and-economic-development-in-central-asia/> (Accessed 22 March 2022).
- Das, R. U. (2018) The Central Asian Republics, in Cho, J. — W. and Ratna, R. S. (eds.) *The Asia-Pacific Trade Agreement: Promoting South-South Regional Integration and Sustainable Development*. United Nations ESCAP, pp. 209–264. Available at: <https://doi.org/10.18356/24fac70-en> (Accessed 30 March 2022).
- Devarajan, S. (2017) Why is Regional Integration So Elusive? Brookings, 6 July. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/future-development/2017/07/06/why-is-regional-integration-so-elusive/> (Accessed 16 September 2022).
- Fitch Ratings (2022) Fitch Affirms Turkmenistan at 'B+': Outlook Stable. 18 February. Available at: <https://www.fitchratings.com/research/sovereigns/fitch-affirms-turkmenistan-at-b-outlook-stable-18-02-2022> (Accessed 18 April 2022).
- Gyulumyan, G. (2014) *Turkmenistan — Diversifying the Turkmen Economy*. Washington, D.C.: World Bank Group. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/88731146811849090/Turkmenistan-Diversifying-the-Turkmen-economy> (Accessed 28 June 2022).
- Herrera Dappe, M. and Lebrand, M. S. M. (2021) *Infrastructure and Structural Change in the Horn of Africa*. World Bank Group, Policy Research Working Paper 9870. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/36646/Infrastructure-and-Structural-Change-in-the-Horn-of-Africa.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (Accessed 16 September 2022).
- IMF (2020) *Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2019*. Available at: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/AREAER/AEIEA2019001-Overview.ashx> (Accessed 28 March 2022).

- IMF (2021) *Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2020*. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions/Issues/2021/08/25/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions-2020-49738> (Accessed 7 April 2022).
- IMF (2022) *Republic of Uzbekistan. Staff Report for the 2022 Article IV Consultation*. Country Report No. 2022/189. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2022/06/22/Republic-of-Uzbekistan-2022-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-519919> (Accessed 12 July 2022).
- Kulipanova, E. (2012) *International Transport in Central Asia: Understanding the Patterns of (Non-) Cooperation*. Working paper no. 2. Institute of Public Policy and Administration, University of Central Asia. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3023153 (Accessed 21 June 2022).
- Laldjebaev, M., Isaev, R., Saukhimov, A. (2021) Renewable Energy in Central Asia: An Overview of Potentials, Deployment, Outlook and Barriers. *Energy Reports*, 7, pp. 3125–3136. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.egy.2021.05.014> (Accessed 20 June 2022).
- Libman, A. and Vinokurov, E. (2011) Is It Really Different? Patterns of Regionalisation in Post-Soviet Central Asia. *Post-Communist Economies* 23(4). Available at: <https://doi.org/10.1080/14631377.2011.623392> (Accessed 27 July 2022).
- Lillis, J. (2022) Uzbekistan: Nuclear Deal with Russia Still on the Table Despite Sanctions. *Eurasianet*, 6 April. Available at: <https://eurasianet.org/uzbekistan-nuclear-deal-with-russia-still-on-the-table-despite-sanctions> (Accessed 21 June 2022).
- Nag, R. M., Linn, J. F., Kohli, H. S. (eds.) (2016) *Central Asia-2050: Unleashing the Region's Potential*. Available at <http://www.centennial-group.com/publication/central-asia-2050-unleashing-the-regions-potential/> (Accessed 21 June 2022).
- NEA (2009) NELTI Final Report. Analysis of Monitoring Data Collected on NELTI Project Routes in 2008-2009.
- OECD (2018) *Enhancing Competitiveness in Central Asia*. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/development/enhancing-competitiveness-in-central-asia_9789264288133-en (Accessed 22 March 2022).
- OECD (2020) *COVID-19 Crisis Response in Central Asia*. Available at: <https://www.oecd.org/eurasia/competitiveness-programme/central-asia/COVID-19-crisis-response-in-Central-Asia-English-June.pdf> (Accessed 22 March 2022).
- Pieper, M. (2021) *The Making of Eurasia: Competition and Cooperation Between China's Belt and Road Initiative and Russia*. London: Bloomsbury Publishing.
- Quillerou, E., Thomas, R., Guchgeldiyev, O., Ettlting, S., Etter, H., Stewart, N. (2016) *Broadening Land Management Options for Improved Economic Sustainability across Central Asia: A Synthesis of National Studies*. Central Asia Regional Report. The Economics of Land Degradation. Available at: <https://repo.mel.cgiar.org/handle/20.500.11766/5105> (Accessed 20 June 2022).
- Rumer, E., Sokolsky, R., Stronski, P. (2016) *U.S. Policy Toward Central Asia 3.0*. Available at: <https://carnegie.ru/2016/03/18/ru-pub-63019> (Accessed 29 March 2022).
- Sachs, J. D., Lafortune, G., Kroll, C., Fuller, G., Woelm, F. (2022) *Sustainable Development Report 2022. From Crisis to Sustainable Development: the SDGs as Roadmap to 2030 and Beyond*. Available at: <https://resources.unsdsn.org/2022-sustainable-development-report> (Accessed 12 July 2022).
- Spaiser, O. A. (2018) *The European Union's Influence in Central Asia. Geopolitical Challenges and Responses*. Lanham: Lexington Books.
- Starr, S. F. (2007) *The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia*. Washington, DC: Central Asia – Caucasus Institute.
- Starr, S. F. (2013) *Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- UN (2019) *Voluntary National Review of the Republic of Kazakhstan on the Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development*. Available at: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/23946KA-ZAKHSTAN_DNO__eng_4.Juli19.pdf (Accessed 20 June 2022).
- UNCTAD (2021) *Review of Maritime Transport 2021*. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf (Accessed 28 July 2022).
- UNCTAD (2022) *World Investment Report 2022. International Tax Reforms and Sustainable Investment*. Available at: <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2022> (Accessed 15 June 2022).
- UNESCAP (2019) *Review of Sustainable Transport Connectivity in Asia and the Pacific. Addressing the Challenges for Freight Transport*. Available at: <https://www.unescap.org/publications/review-sustainable-transport-connectivity-asia-and-pacific-addressing-challenges> (Accessed 20 June 2022).
- UNESCAP (2021) *Digital and Sustainable Trade Facilitation in United Nations Special Programme for the Economies of Central Asia 2021* Available at: <https://unece.org/info/publications/pub/366863> (Accessed 20 June 2022).
- UNESCAP (2022) *Strengthening Port-Hinterland Sustainable Transport Connectivity for Landlocked Developing Countries of the ESCAP Region*. January. Available at: <https://repository.unescap.org/handle/20.500.12870/4246> (Accessed 21 June 2022).
- UNESCAP, UNEP, UNCTAD (2021) *Asia-Pacific Trade and Investment Report 2021: Accelerating Climate-smart Trade and Investment for Sustainable Development*. Available at: <https://www.unescap.org/kp/APTIR2021> (Accessed 11 May 2022).
- Van 't Wout, T., Celikyilmaz, G., Arguello, C. (2021) *Policy Analysis of Nationally Determined Contributions in the Europe and Central Asia Region 2021*. Budapest: FAO. Available at: <https://doi.org/10.4060/cb7745en> (Accessed 23 June 2022).
- Vinokurov, E. (2018) *Introduction to the Eurasian Economic Union*. London, New York: Palgrave Macmillan.
- Vinokurov, E., Ahunbaev, A., Zaboiev, A. (2022) International North-South Transport Corridor: Boosting Russia's "Pivot to the South" and Trans-Eurasian Connectivity. *Russian Journal of Economics* 8(2): 159–173. Available at: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.8.86617> (Accessed 10 August 2022).
- World Bank (2018) *Regional Power Trade in West Africa Offers Promise of Affordable, Reliable Electricity*. 20 April. Available at: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2018/04/20/regional-power-trade-west-africa-offers-promise-affordable-reliable-electricity> (Accessed 16 September 2022).

СПИСОК АББРЕВИАТУР

АБИИ — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций	ПРООН — Программа развития ООН
АБР — Азиатский банк развития	РК — Республика Казахстан
АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии	РТ — Республика Таджикистан
АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион	РУ — Республика Узбекистан
АШД — Азиатская шоссейная дорога	РФ — Российская Федерация
АЭС — атомная электростанция	СНГ — Содружество Независимых Государств
ВБ — Всемирный банк	СПЕКА — Специальная программа ООН для экономик Центральной Азии
ВВП — валовой внутренний продукт	СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ВИЭ — возобновляемые источники энергии	СУПТ — Соглашение ВТО об упрощении процедур торговли
ВОЗ — Всемирная организация здравоохранения	с/х — сельское хозяйство
ВТО — Всемирная торговая организация	США — Соединенные Штаты Америки
ВШП — Великий Шелковый путь	ТБО — твердые бытовые отходы
ВЭК — водно-энергетический комплекс	ТМТМ — Транскаспийский международный транспортный маршрут
ГЧП — государственно-частное партнерство	ТРАСЕКА — транспортный коридор «Европа — Кавказ — Азия»
ГЭС — гидроэлектростанция	ЦА — Центральная Азия
ДФЭ — двадцатифутовый эквивалент	ЦАРЭС — Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество
ЕАБР — Евразийский банк развития	ЦИИ ЕАБР — Центр интеграционных исследований ЕАБР
ЕАЭС — Евразийский экономический союз	ЦУР — Цели устойчивого развития
ЕБРР — Европейский банк реконструкции и развития	ШОС — Шанхайская организация сотрудничества
ЕИБ — Европейский инвестиционный банк	ЭСКАТО ООН (UNESCAP) — Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана
ЕС — Европейский союз	ЮНКТАД (UNCTAD) — Конференция ООН по торговле и развитию
ЕФСР — Евразийский фонд стабилизации и развития	АТМ (англ. Automated Teller Machine) — банкомат
ЭК — Евразийская экономическая комиссия	BRI (англ. Belt and Road Initiative) — Инициатива «Один пояс, один путь»
ЭК ООН — Европейская экономическая комиссия ООН	COVID-19 — коронавирусная инфекция 2019 г.
ИБР — Исламский банк развития	IT (англ. Information Technology) — информационные технологии
КНР — Китайская Народная Республика	LPI (англ. Logistics Performance Index) — индекс эффективности логистики
КР — Кыргызская Республика	USAID — Агентство США по международному развитию
МБР — многосторонний банк развития	% — процент
МВИ ЕАБР — Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР	% г/г — годовой темп прироста
МВФ — Международный валютный фонд	г. — год
МИД — Министерство иностранных дел	гг. — годы
МСБ — малый и средний бизнес	долл. — доллар
МТК — международный транспортный коридор	км — километр
МФО — международная финансовая организация	м³ — кубические метры
МФЦА — международный финансовый центра «Астана»	млн — миллион
НБ КР — Национальный банк Кыргызской Республики	млрд — миллиард
НБ РК — Национальный банк Республики Казахстан	пасс.-км — пассажиро-километр
НБТ — Национальный банк Таджикистана	п.п. — процентный пункт
НДС — налог на добавленную стоимость	трлн — триллион
ОНУВ — определяемый на национальном уровне вклад	чел. — человек
ООН — Организация Объединенных Наций	
ОЭС (ЕСО) — Организация экономического сотрудничества	
ОЭС ЦА — Объединенная энергосистема Центральной Азии	
ОЭСР (OECD) — Организация экономического сотрудничества и развития	
ПИИ — прямые иностранные инвестиции	
ППС — паритет покупательной способности	

Макроэкономический обзор (RU)

Регулярная публикация, в которой представлен оперативный срез макроэкономической ситуации в странах — участницах Банка и даны оценки ее развития в краткосрочной перспективе. Является промежуточной публикацией между макроэкономическими прогнозами.

Макроэкономический прогноз (RU/EN)

Экономики региона в новой реальности

В материале резюмированы итоги экономического развития государств — участников Банка в начале 2022 г. и представлен прогноз основных макроэкономических показателей стран региона на 2022–2024 гг.

Доклад 21/1 (RU)

Повышение роли национальных валют ЕАЭС в международных расчетах

Доля национальных валют ЕАЭС в обслуживании мировой торговли составляет около 2%, но внутри ЕАЭС достигнуты весомые успехи — уже 74% взаимной торговли осуществляется в национальных валютах.

Доклад 21/2 (RU/EN)

Узбекистан и ЕАЭС: перспективы и потенциальные эффекты экономической интеграции

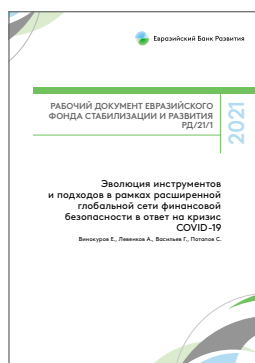
В докладе представлены оценки потенциальных эффектов от интеграции Республики Узбекистан с ЕАЭС, а также перспективные направления сотрудничества действующих стран — членов Союза с Узбекистаном.

Доклад 21/3 (RU/EN)

Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии

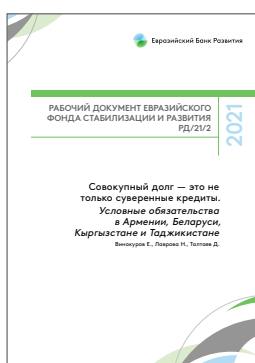
Авторы доклада проанализировали сложившуюся ситуацию в водно-энергетическом комплексе Центральной Азии (ВЭК ЦА) по итогам 30 лет независимости пяти республик (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), оценили уровень сотрудничества между странами в ВЭК.

Рабочий документ РД/21/1 (RU/EN)

Эволюция инструментов и подходов в рамках расширенной Глобальной сети финансовой безопасности в ответ на кризис COVID-19

Авторы проанализировали реакцию элементов ГСФБ на кризис, вызванный пандемией COVID-19, в масштабе мировой экономики и на уровне региона операций ЕФСР.

Рабочий документ 21/2 (RU/EN)

Совокупный долг — это не только суверенные кредиты. Условные обязательства в Армении, Беларуси, Кыргызстане и Таджикистане

Исследование отвечает на вопрос о потенциальных рисках реализации прямых и косвенных условных обязательств и их влиянии на бюджетные и долговые позиции четырех стран — получателей средств ЕФСР.

Доклад 21/4 (RU/EN)

Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР

Объем рассчитанных по новой методологии взаимных инвестиций в евразийском регионе достиг 46 млрд долл. США. ПИИ устойчиво растут с 2016 г.

Доклад 21/5 (RU/EN)

Международный транспортный коридор «Север — Юг»: создание транспортного каркаса Евразии

Сопряжение МТК «Север — Юг» с евразийскими широтными коридорами может обеспечить порядка 40% контейнерного грузопотока.

Совместный доклад ЕАБР и Ассоциации «Глобальная энергия» (RU/EN)

Чистые технологии для устойчивого будущего Евразии

Доклад подготовлен при участии ключевых международных отраслевых экспертов и молодых ученых. Содержит результаты технических исследований, направленных на решение современных вызовов в энергетике и содействующих снижению углеродного следа в Евразии.

Доклад 22/1 (RU/EN)

Интеграционный бизнес-барометр ЕАБР

73% компаний положительно оценивают евразийскую интеграцию и заявляют, что она облегчает ведение бизнеса.

Доклад 22/2 (RU/EN)

Международный транспортный коридор «Север — Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура

Цель исследования — оценка инвестиционного потенциала международного транспортного коридора «Север — Юг», идентификация препятствующих его развитию барьеров и выработка рекомендаций по их устранению.

Евразийский Банк Развития

**ДИРЕКЦИЯ ПО АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ
ЕВРАЗИЙСКОГО БАНКА РАЗВИТИЯ**

Комментарии, предложения и замечания
к настоящему докладу вы можете
направить по адресу pressa@eabr.org

Евразийский Банк Развития

www.eabr.org